

**Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени *С.А. Есенина***

**Научный журнал
2008 № 1/18**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал выходит с 1993 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

- Кирьяков Б.С.** Статистическая модель многократного тестирования учащихся 3
- Мелихов В.Ю.** Оплата труда в высшей школе и качество подготовки специалистов 25

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Шейна И.М.** Знаки культуры как фактор формирования межкультурной коммуникативной компетенции 35
- Федосеева Т.В.** О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе рубежа XVIII и XIX веков..... 45
- Моторин С.Н.** Социальная проблематика в драматургии А. Вампилова..... 64

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Репин Н.Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и ее результат.....	77
Козляков В.Н. Правящие группы замосковского края (по материалам разбора 1630/31 гг.).....	108
Соловьёв А.В. Постсовременность как метанарратив культуры информационного общества.....	115

БИОЛОГИЯ. ФИЗИОЛОГИЯ

Иванов Е.С., Суворова С.А., Барановская Е.П. Некоторые терминологические аспекты и основные задачи антэкологии	123
Ериков В.М., Пунякин А.К. Влияние биологически активных продуктов пчеловодства на некоторые показатели минерального обмена у спортсменов.....	139
Сведения об авторах	152

ПЕДАГОГИКА

Б.С. Кирьяков

СТАТИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МНОГОКРАТНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Структура учебной дисциплины непосредственно влияет на статистические параметры теста, используемого для оценки знаний учащихся. Это касается всех учебных дисциплин, включая и школьный курс физики, в котором в качестве основных обычно выделяют семь разделов: «Механика», «Молекулярная физика и тепловые явления», «Электродинамика», «Колебания и волны», «Оптика», «Элементы теории относительности», «Квантовая физика». Каждый из разделов делится, в свою очередь, на подразделы, вопросы и другие более мелкие дидактические единицы. В этом отношении наиболее информативными являются два раздела – «Механика» и «Электродинамика».

Если тестирование учащихся проходит по всему курсу физики, то соответствующий тест для оценки знаний школьников должен отражать его структуру. Подобный тест не может состоять из заданий нарастающего уровня сложности. В этом случае нарушилось бы равноправие учебной информации, поскольку тестовые задания по механике оказались бы, например, самыми простыми, а задания по квантовой физике – самыми сложными (или наоборот). С учетом равноправия учебной информации уровень сложности тестовых заданий должен расти лишь в пределах каких-то информационных блоков, выделяемых в каждом из разделов программы.

Возможная структура подобного теста по физике представлена на рисунке 1а, где в каждом разделе выделено несколько информационных блоков, причем наибольшее их число в таких разделах, как «Механика» и «Электродинамика», которые наиболее насыщены информацией. В то же время такому разделу, как «Элементы теории относительности», поставлен в соответствие лишь один информационный блок. При этом в силу оговоренного равноправия каждый блок представлен на рисунке 1а тремя заданиями стоимостью 1 балл: простым заданием, заданием средней сложности и сложным заданием.

а)

Механика			Молекулярная физика и тепловые явления		Электродинамика			Колебания и волны		Оптика		Элементы теории относительности	Квантовая физика	
Блок 1	Блок 2	Блок 3	Блок 1	Блок 2	Блок 1	Блок 2	Блок 3	Блок 1	Блок 2	Блок 1	Блок 2	Блок 1	Блок 1	Блок 2
△△△	▽▽▽	▷▷▷	□□□	◇◇◇	◇◇◇	▷▷▷	▷▷▷	▷▷▷	▷▷▷	▷▷▷	▷▷▷	▷▷▷	☆☆☆	☆☆☆

б)

Тест 1	Тест 2	Тест 3
△▽▷□◇▷▷▷▷▷	▷▷▷▷▷▷▷▷▷▷▷	▷▷▷▷▷▷▷▷▷▷▷

○ – простое задание ◐ – задание средней сложности ● – сложное задание

Рис. 1. Структура теста, выстроенная с ориентацией на разделы школьного курса физики (а) и на уровень сложности заданий (б)

На рисунке 1б изображен тот же тест с ориентацией на разный уровень сложности заданий. Нетрудно видеть, что рисунок 1б получен простой перестановкой заданий, выделенных на рисунке 1а. Подобная перестановка дает возможность понять, что равноправие информационных блоков предопределяет многократное тестирование учащихся. Для случая, изображенного на рисунке 1б, это тестирование будет троекратным. Учащихся тестируют по всему учебному материалу с помощью теста 1, который составлен только из простых заданий, затем с помощью теста 2, состоящего из заданий средней сложности, и в дополнение ко всему с помощью теста 3, образованного сложными заданиями. Если каждый информационный блок обеспечивался бы заданиями с четырьмя или пятью уровнями сложности, то тестирование было бы соответственно четырехкратным и пятикратным.

Многократный характер тестирования определяет вид статистики, пригодной для описания получаемых результатов. Итоги многократного тестирования с помощью тестов нарастающего уровня сложности, как показано на рисунке 1б, должны удовлетворять соотношению

$$m \geq x_1 \geq x_2 \geq x_3 \geq \dots \geq x_i \geq \dots \geq x_n \geq 0, \quad (1)$$

где x_i – суммарный балл, получаемый школьником за тест с номером i при многократном тестировании,

n – число тестов нарастающего уровня сложности,

m – число однобалльных заданий в каждом из разноуровневых тестов.

Для теста, представленного на рисунке 1б, соотношение (1) имеет вид

$$15 \geq x_1 \geq x_2 \geq x_3 \geq 0, \quad (2)$$

поскольку он предполагает трехкратное тестирование учащихся, а число заданий в каждом из разноуровневых тестов равно 15. Неравенство (2), в частности, означает, что в координатном представлении возможные итоги такого теста должны описываться целочисленными координатами точек трехмерной решетчатой пирамиды с ребром, равным 15 (рис. 2).

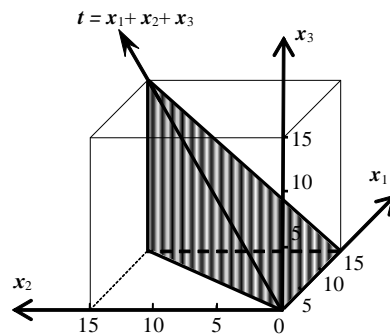

Рис. 2. Возможные итоги трехкратного тестирования учащихся в координатном представлении

Отмеченная особенность весьма важна, поскольку согласно работам [2; 3] соотношение (1) является опознавательным признаком статистики Бозе – Эйнштейна. Непосредственный выход на эту статистику можно осуществить при переходе к нетрадиционной системе подведения итогов, рассмотренной в работе [3]. В этом случае выполнение неравенства (1) регламентируется временной очередностью решения тестовых заданий.

Согласно работам [2; 3] при традиционной системе оценки выполнение неравенства (1) может обеспечиваться уровнем сложности заданий. Фактор случайности, определяющий возможность, что при 15 заданиях в тесте школьник справится, например, с более сложным тестом 2 лучше, чем с тестом 1, в значительной степени снижен.

Свойства решетчатых пирамид, описывающих возможные итоги многократного тестирования учащихся с помощью тестов с равномерным нарастанием уровня сложности, изучены достаточно хорошо. Так, в работах [1; 3], в частности, показано, что число точек в решетчатой n -мерной

пирамиде с ребром m (число возможных комбинаций оценок $x_1, x_2, \dots, x_i, \dots, x_n$) определяется выражением, соответствующим статистическому весу в статистике Бозе – Эйнштейна:

$$R = C_{m+n}^n = \frac{(m+n)!}{m!n!}, \quad (3)$$

где n – размерность пирамиды (число тестов с равномерным нарастанием уровня сложности заданий при многократном тестировании учащихся),

m – длина ребра пирамиды (число заданий в каждом тесте).

К числу других свойств, отмеченных в работах [1;3], можно отнести выражение универсального вида

$$f(x_i) = \pi(x_i, m, i, n) = \frac{C_{x_i+n-i}^{x_i} \cdot C_{m-x_i+i-1}^{m-x_i}}{C_{m+n}^n}, \quad (4)$$

которое определяет распределение точек в решетчатой n -мерной пирамиде (рис. 2) с ребром m по плоскостям, перпендикулярным оси $0x_i$ ($i = 1, 2, 3, \dots, n$). В координатном представлении оно описывает возможные итоги для теста с номером i при n -кратном тестировании учащихся с помощью серии тестов, характеризуемых одинаковым числом заданий m , одинаковым уровнем сложности заданий в пределах каждого теста и равномерным нарастанием этого уровня с ростом номера теста i .

Распределение (4) характеризуется достаточно простыми свойствами. Оно принадлежит к тому же семейству, что биномиальное и гипергеометрическое распределение. Для него известны все выборочные моменты [1; 3]. В частности, первый начальный момент и дисперсия определяются для распределения (4) соотношениями:

$$\bar{x}_i = m \left(1 - \frac{i}{n+1} \right), \quad (5)$$

$$\sigma_{x_i}^2 = \frac{m(m+n+1)}{n+2} \left(1 - \frac{i}{n+1} \right) \frac{i}{n+1}. \quad (6)$$

При этом корреляционная взаимосвязь целочисленных координат точек в n -мерной пирамиде, отображающих возможные балльные оценки в серии тестов нарастающего уровня сложности, определяется матрицей вида

$$r_{x_i x_j} = \sqrt{\frac{i}{j} \frac{n+1-j}{n+1-i}}, \quad (7)$$

где $j > i$.

В дополнение к соотношениям работ [1; 3], описывающим свойства решетчатых пирамид, необходимо добавить еще одно выражение, характеризующее распределение точек по плоскостям, перпендикулярным главной диагонали n -мерного куба, из которого вырезана соответствующая пирамида. Это выражение определяет итоговое распределение

балльных оценок по суммарному баллу $t = x_1 + x_2 + \dots + x_i + \dots + x_n$ для серии тестов с равномерным нарастанием уровня сложности

$$f(t) = \sum_{x_i=0}^m \frac{C_{x_i+n-i}^{x_i} \cdot C_{m-x_i+i-1}^{m-x_i}}{C_{m+n}^n} \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma_i}} e^{-\frac{(t-\bar{i})^2}{2\sigma_i^2}}, \quad (8)$$

где $\bar{i} = \frac{m(i-1) + x_i(n+1)}{2}$, $\sigma_i^2 = \frac{x_i(n-i)(x_i+n-i+1) + (m-x_i)(i-1)(m-x_i+i)}{12}$.

Что касается заданий, пригодных для построения каждого отдельно взятого теста в серии тестов нарастающего уровня сложности, то их характеристики нетрудно рассчитать по модулю [3; 4]:

$$\begin{cases} p_i = \frac{\bar{x}_i}{m}, \\ r_i = \frac{1}{m-1} \left(\frac{\sigma_{x_i}^2}{mp_i(1-p_i)} - 1 \right), \\ m, \end{cases} \quad (9)$$

где p_i – доступность заданий в тесте с номером i ,

r_i – коэффициент линейной корреляции успехов учащихся в решении отдельных заданий, образующих тест с номером i ,

m – число заданий в тесте.

Подставляя в модуль (9) выражения (5) и (6), нетрудно получить соотношения вида

$$p_i = 1 - \frac{i}{n+1}, \quad (10)$$

$$r_i = \frac{1}{n+2}, \quad (11)$$

которые отражают требования к заданиям для теста с номером i в серии, состоящей из n тестов с равномерным нарастанием уровня сложности ($i = 1, 2, \dots, n$). В пределах каждого теста задания должны отличаться одинаковой доступностью p_i и одинаковой корреляционной связью успехов учащихся r_i .

Использование модуля (9) соответствует обращению к статистике Ферми – Дирака, которая, по данным работы [3], наиболее удобна для проектирования тестов, состоящих из одинаковых по своей сложности и корреляционной связи заданий. Для перехода к этой статистике достаточно в качестве тождественных неразличимых частиц рассматривать баллы, а в качестве квантовых состояний – тестовые задания. При этом запрет на нахождение в одном состоянии двух и более частиц, характерный для статистики Ферми – Дирака, будет регламентироваться однобалльной

стоимостью заданий. В координатном представлении возможные итоги теста из m однобалльных заданий определяются координатами вершин m -мерного куба с единичным ребром, в котором распределение вершин (возможных способов решения тестовых заданий) по значениям суммарного балла x_i определяется выражением

$$F(x_i) = \frac{1}{2^m} C_m^{x_i}, \quad (12)$$

где 2^m – число возможных комбинаций оценок (число вершин в m -мерном кубе),

$C_m^{x_i}$ – статистический вес в статистике Ферми – Дирака.

В рамках этих представлений для выхода на распределение (4), характеризующее одинаковыми значениями p_i и r_i , достаточно рассмотреть ситуацию, когда заселенность вершин m -мерного куба (число школьников с одинаковыми балльными оценками) одинакова для каждого значения суммарного балла x_i . Подобную возможность иллюстрирует рисунок 3, представляющий возможные комбинации оценок для теста, состоящего из трех однобалльных заданий. На рисунке вершины, соответствующие одинаковым значениям x_i , принадлежат к одним и тем же плоскостям, перпендикулярным главной диагонали куба – оси $0x_i$ (эти плоскости отмечены штриховкой). При одинаковой заселенности вершин, относящихся к одним и тем же плоскостям, координатное отображение итогов тестирования будет симметричным. При повороте системы координат y_1, y_2, y_3 на 120° относительно оси $0x_i$ ничего меняться не будет. В этих условиях номер задания (1, 2, 3) никакой роли не играет и тестовые задания характеризуются одинаковой доступностью p_i и одинаковой корреляционной связью успехов учащихся r_i . Именно этот случай выделяет модуль (9) из множества возможных способов реализации распределения $f(x_i)$ (4).

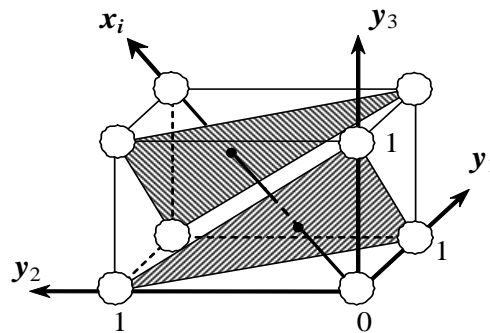

Рис. 3. Координатное представление возможных итогов для теста из трех однобалльных заданий

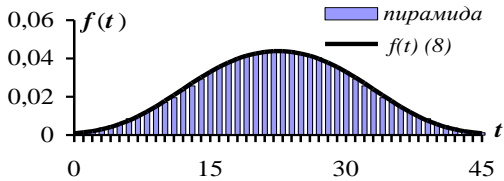
Соотношения (3)–(11) однозначно определяют параметры серии тестов нарастающего уровня сложности. В качестве примера в таблице приведены характеристики тестов для трехкратного тестирования учащихся (рис. 1б). Из таблицы следует, что трехкратное тестирование обеспечивает весьма приемлемый выход на нормативно-ориентированный подход к оценке знаний учащихся, хотя итоговое распределение $f(t)$ и не является, строго говоря, нормальным, поскольку коэффициент эксцесса $\epsilon \neq 0$.

Следует отметить, что требования, приведенные в таблице, носят достаточно жесткий характер. Тем не менее, можно построить соответствующую матрицу возможных способов решения тестовых заданий, которая будет удовлетворять этим требованиям идеальным образом. Для этого достаточно воспользоваться рекомендациями работы [3]. Подобная матрица может быть очень громоздкой. Например, для рассматриваемого теста эта матрица при 45 столбцах должна содержать не менее 4 084 080 строк, чтобы обеспечивать целочисленное распределение учащихся по возможным способам решения заданий в строгом соответствии с требованиями таблицы.

Если говорить о практической реализации серии тестов, представленных в таблице, то она выглядит весьма проблематичной, хотя сама возможность многократного тестирования учащихся сомнений не вызывает. Проблема заключается в том, что тесты, которые могут получиться при использовании разноуровневых заданий, вероятнее всего, будут соответствовать разным случаям неравенства (1), другими словами, при использовании разноуровневых заданий получится серия тестов, которые характеризуются разными значениями m , n и i . В этом случае тесты будут соотноситься с разными срезами разных решетчатых пирамид. Тем не менее, оценить успехи школьников в серии тестов с равномерным нарастанием уровня сложности можно даже по результатам только одного тестирования, относящегося к рассматриваемой серии. Эту возможность, определяемую известной геометрией решетчатых пирамид, иллюстрируют рисунки 4а–4в.

На рисунке 4а представлены результаты некоторого тестирования учащихся с помощью 15 заданий, которые можно поставить в соответствие тесту 2 из таблицы, а соответственно и срезам трехмерной решетчатой пирамиды по плоскостям, перпендикулярным оси Ox_2 (рис. 4б). Если теперь выделить учащихся, набравших, например, по итогам рассматриваемого теста 9 баллов (рис. 4а), то в серии из трех разноуровневых испытаний (с учетом тестов 1 и 3 из таблицы) успехи этих школьников должны определяться координатами точек, отмеченных на рисунке 4б черным цветом. Проектируя эти точки на главную диагональ куба (рис. 4б), для выбранных школьников можно найти возможные значения суммарного балла t , если их тестирование было бы трехкратным. В координатном представлении итогов диагональ куба на рисунке 4б играет роль оси суммарного балла Ot , если ее длину нормировать на mn (в нашем случае $mn = 45$).

Параметры тестов и тестовых заданий
для трехкратного тестирования учащихся при $n = 3, m = 15$ (рис. 16)

№ n/n	Характеристика	Тест 1 ($i = 1$)	Тест 2 ($i = 2$)	Тест 3 ($i = 3$)
1.	Число заданий в тесте, m	15	15	15
2.	Доступность заданий, p_i (10)	0,75	0,5	0,25
3.	Корреляция успехов учащихся при решении заданий (в пределах теста), r_i (11)	0,2	0,2	0,2
4.	Итоговое распределение для теста, $f(x_i)$ (4)	$f(x_1) = \frac{C_{x_1+2}^{x_1}}{816}$	$f(x_2) = \frac{C_{x_2+1}^{x_2} \cdot C_{16-x_2}^{15-x_2}}{816}$	$f(x_3) = \frac{C_{17-x_3}^{15-x_3}}{816}$
5.	Средний балл, \bar{x}_i (5)	$\bar{x}_1 = 11,25$	$\bar{x}_2 = 7,5$	$\bar{x}_3 = 3,75$
6.	Дисперсия, $\sigma_{x_i}^2$ (6)	$\sigma_{x_1}^2 = \frac{171}{16}$	$\sigma_{x_2}^2 = \frac{57}{4}$	$\sigma_{x_3}^2 = \frac{171}{16}$
7.	Корреляция между успехами учащихся в решении тестов нарастающего уровня сложности, $r_{x_i x_j}$ (7)	$r_{x_i x_j} = \begin{vmatrix} 1 & \sqrt{\frac{1}{3}} & \frac{1}{3} \\ \sqrt{\frac{1}{3}} & 1 & \sqrt{\frac{1}{3}} \\ \frac{1}{3} & \sqrt{\frac{1}{3}} & 1 \end{vmatrix}$		
8.	Число возможных комбинаций оценок x_1, x_2, x_3 при трехкратном тестировании учащихся, R (3)	$R = 816$		
9.	Распределение комбинаций оценок при трехкратном тестировании по суммарному баллу t , $f(t) = f(x_1 + x_2 + x_3)$			
10.	Средний балл по итогам трехкратного тестирования	22,5		
11.	Дисперсия σ^2 , коэффициенты скоса α и эксцесса ι для $f(t)$	$\sigma^2 = \frac{285}{4}, \quad \alpha = 0, \quad \iota = -0,417$		

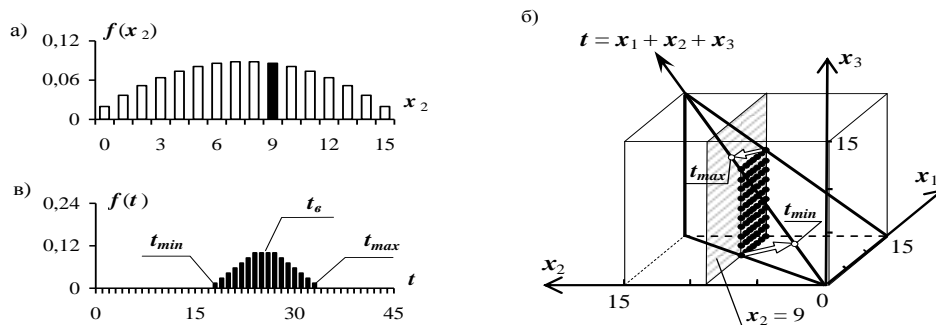

Рис. 4. Оценка успехов учащихся в серии тестов нарастающего уровня сложности по результатам одного тестирования

Из рисунка 4б видно, что возможные комбинации оценок для рассматриваемых школьников будут соответствовать диапазону суммарного балла от t_{min} до t_{max} . Их распределение по оси $0t$ при этом будет носить симметричный колоколообразный характер (рис. 4в). Это дает возможность легко найти наиболее вероятное значение суммарного балла t_g при троекратном тестировании школьников, набравших 9 баллов по итогам теста 2 (см. табл),

$$t_g = \bar{t} = \frac{t_{min} + t_{max}}{2}, \quad (13)$$

поскольку значения t_{min} и t_{max} однозначно определяются соотношением (1):

$$t_{min} = i x_i, \quad t_{max} = (m - x_i)(i - 1) + x_i n. \quad (14)$$

Из соотношений (13)–(14) имеем

$$t_g = \bar{t} = \frac{m(i-1) + x_i(n+1)}{2}, \quad (15)$$

где t_g – наиболее вероятное значение суммарного балла, с помощью которого можно оценить успехи некоторой группы школьников в серии тестов с равномерным нарастанием уровня сложности, опираясь на итоги лишь одного тестирования из рассматриваемой серии,

n – число тестов в серии тестов с равномерно нарастающими уровнями сложности,

m – число заданий в каждом из тестов,

$i = 1, 2, \dots, n$ – номер теста из рассматриваемой серии, для которого известны результаты тестирования учащихся,

$x_i = 0, 1, 2, \dots, m$ – балльная оценка, полученная выбранной группой школьников за тест с номером i .

Значение t_g (15) соответствует максимуму распределения на рисунке 4в, которое отлично от нуля в строго определенном интервале значений t : от t_{min} до t_{max} (14). Данный интервал определяет область возможных значений $t = t_g \pm \Delta t$, где

$$\Delta t = 0,5(t_{max} - t_{min}) = 0,5[x_i(n - i) + (m - x_i)(i - 1)]. \quad (16)$$

В статистике в качестве количественной меры рассеяния обычно используют дисперсию σ_i^2 . Для нормального распределения отклонение от \bar{i} в диапазонах $\bar{i} \pm \sigma_i$, $\bar{i} \pm 2\sigma_i$ и $\bar{i} \pm 3\sigma_i$ наблюдается соответственно в 683, 954 и 997 случаях из 1000.

Для интересующего нас случая дисперсию нетрудно найти, рассмотрев все срезы трехмерной пирамиды с ребром $m = 15$ и их проекции на ось Ox . Найденные значения дисперсии при этом образуют матрицу:

$$\frac{1}{12} \begin{vmatrix} 0 & 8 & 20 & 36 & 56 & 80 & 108 & \boxed{140} & 176 & \boxed{216} & 260 & 308 & 360 & 416 & 476 & 540 \\ 255 & 227 & 203 & 183 & 167 & 155 & 147 & 143 & 143 & 147 & 155 & 167 & 183 & 203 & 227 & 255 \\ 540 & 476 & 416 & 360 & 308 & 260 & \boxed{216} & 176 & \boxed{140} & 108 & 80 & 56 & 36 & 20 & 8 & 0 \end{vmatrix}. \quad (17)$$

Матрица (17), как видим, обладает центральной симметрией своих элементов. В работах [1; 3] отмечается, что подобные матрицы описывают большинство свойств решетчатых пирамид. Центральнo-симметричными являются, например, дисперсионная и корреляционная матрицы, матрица рядов распределения оценок. Согласно данным работы [1], для учета этой симметрии достаточно ввести двойную нумерацию строк (сверху вниз и снизу вверх) и столбцов (слева направо и справа налево). В матрице (17) нумерация строк сверху вниз и снизу вверх соответствует значениям $(i - 1)$ и $(n - i)$, а нумерация столбцов слева направо и справа налево – значениям x_i и $(m - x_i)$. С учетом этой нумерации нетрудно записать выражение для матричного элемента матрицы (17):

$$\sigma_i^2 = \frac{x_i(n - i)(x_i + n - i + 1) + (m - x_i)(i - 1)(m - x_i + i)}{12}. \quad (18)$$

Выражение (18) описывает матрицу (17) буквальным образом. Анализ показывает, что симметрия, учитываемая выражением (18), придает ему универсальный характер, делая применимым к разным пирамидам и их срезам. Такой же универсальный характер имеет и соотношение (15). Подтверждением этому может служить распределение (8), которое включает соотношения (15) и (18) и описывает самые разные пирамиды.

Тот факт, что распределение (8) представляет собой суперпозицию нормальных распределений говорит о том, что есть все основания для отождествления значения t_g (15) с «тестовым баллом», который используется в тестологии для оценки успехов учащихся. Присутствие в выражении (8) нормальных распределений является свидетельством того, что значения t_g (15) и σ_i^2 (18) находятся в строгом соответствии с функцией успеха Раша – Бирнбаума [5–7], определяющей вероятность решения тестовых заданий:

$$P = \frac{1}{e^{1.7d(\delta-\theta)} + 1}, \quad (19)$$

где d – дискриминационная (дифференцирующая) способность,

θ – уровень подготовленности школьников,

δ – уровень сложности заданий.

Соответствие значений t_g (15) и σ_i^2 (18) функции успеха (19) можно проиллюстрировать на примере пятимерной решетчатой пирамиды ($n = 5$) с ребром $m = 5$. Целочисленные координаты точек этой пирамиды описывают возможные итоги тестирования учащихся с помощью пяти тестов ($n = 5$). Каждый из этих тестов состоит из пяти заданий ($m = 5$), уровень сложности которых постоянен в пределах отдельно взятого теста и равномерно нарастает с ростом номера теста $i = 1, 2, \dots, 5$. Обращение к этой пирамиде обусловлено тем, что в работе [1] приведена таблица с координатами всех ее точек, соответствующих возможным комбинациям оценок. Там же приведены табличные данные по всем интересующим нас срезам пирамиды и по их проекциям на ось суммарного балла $0t$.

На рисунке 5а представлен график функции $f(x_3)$ (4), описывающей распределение точек пятимерной решетчатой пирамиды ($n = 5$) с ребром $m = 5$ по плоскостям, перпендикулярным оси $0x_3$. Этому распределению можно в соответствие поставить итоги тестирования учащихся с помощью теста, состоящего из пяти заданий с доступностью $p = 0,5$ (10) и взаимосвязью успехов испытуемых школьников, характеризуемой коэффициентом линейной корреляции $r = 1/7$ (11). В серии из пяти испытаний ($n = 5$) нарастающего уровня сложности [p_i (10) = $5/6, 4/6, 3/6, 2/6, 1/6$] данному тесту следует приписать номер $i = 3$. По результатам данного тестирования в испытуемом ансамбле можно выделить шесть групп школьников с разным уровнем подготовки, которые набрали за тест с номером $i = 3$ соответственно $x_3 = 0, x_3 = 1, x_3 = 2, x_3 = 3, x_3 = 4$ и $x_3 = 5$ баллов. Используя данные работы [1] по срезам пятимерной пирамиды, нетрудно построить распределения (рис. 5б–5ж), которые описывают положение возможных комбинаций оценок для этих групп школьников на оси суммарного балла $0t$ во всей серии испытаний (по итогам всех пяти тестов).

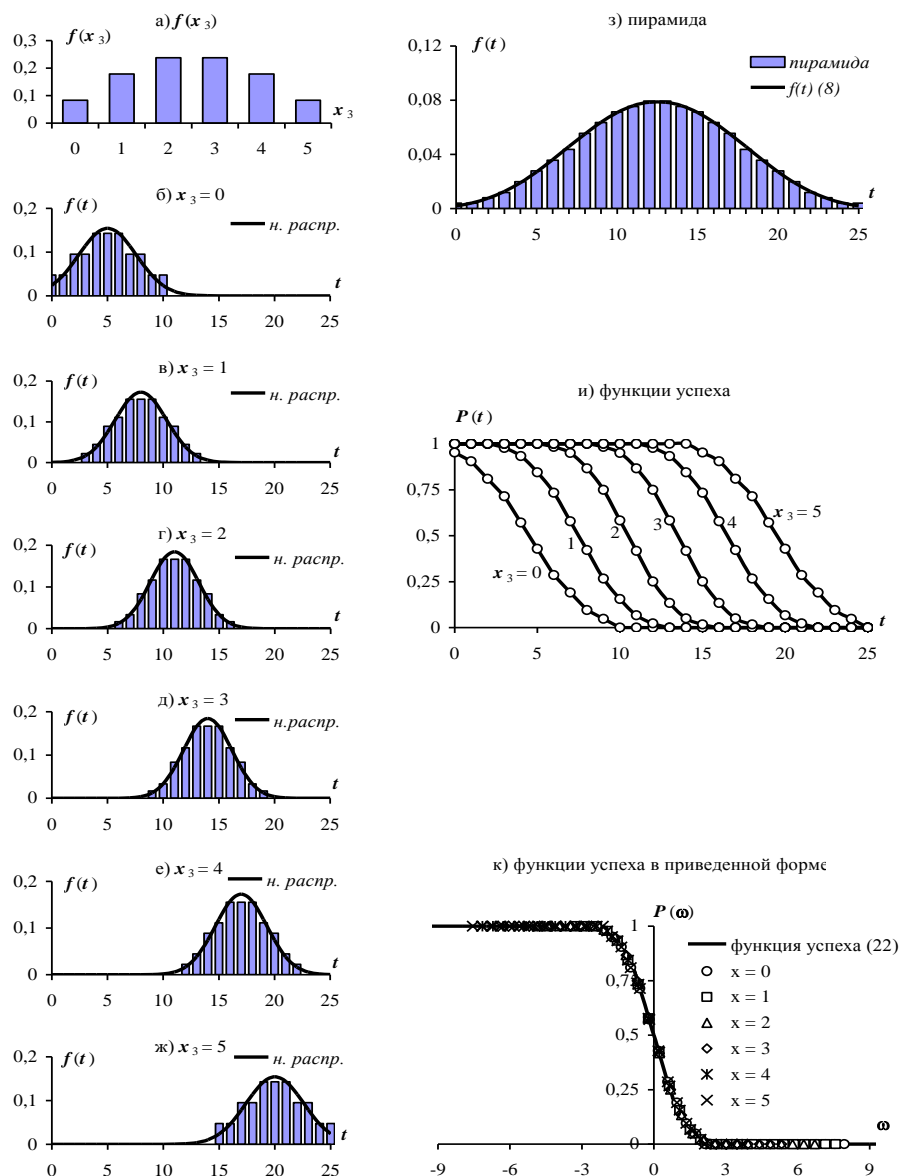

Рис. 5. Соответствие функции успеха Раша– Бирнбаума (19) статистике Бозе – Эйнштейна

Представленные на рисунках 5б–5ж распределения имеют вид симметричных колоколов, которые локализованы на оси $0t$ в точном соответствии с соотношениями (14), (15) и (16). Дисперсия этих распределений строго описывается выражением (18). Используя значения t_6 (15) и σ_t^2 (18), можно проверить соответствие полученных распределений нормальному распределению, что и сделано на рисунках 5б–5ж, где указан-

ное соответствие реализуется достаточно точно. Это подтверждается на рисунке 5з, на котором представлено сравнение распределения точек пирамиды по плоскостям, перпендикулярным оси $0t$, с распределением $f(t)$ (8).

Поскольку распределения на рисунках 5б–5ж заданы таблично [1], то можно по точкам построить функции успеха для выбранных групп школьников. Графики этих функций на рисунке 5и представляют собой «классическую» картину, которую обычно приводят для иллюстрации того, как функция успеха (19) описывает реакцию школьников с разным уровнем подготовки на тестовые задания нарастающей сложности.

На рисунке 5к изображены функции успеха, построенные по точкам для рассматриваемых групп школьников, в приведенной форме

$$P = F(\omega), \quad (20)$$

где

$$\omega = \frac{(t + 0,5) - t_g}{\sigma_t}, \quad (21)$$

значения t_g и $\sigma_t = \sqrt{\sigma_t^2}$ определяются выражениями (15) и (18), а слагаемое «+ 0,5» обусловлено особенностями построения функции успеха по данным для рядов распределения. Сплошной линией изображен график функции успеха Раша – Бирнбаума (19), записанной в виде

$$P = \frac{1}{e^{1,7\omega} + 1}, \quad (22)$$

где $\omega = d(\delta - \theta)$.

Тот факт, что точки, соответствующие функции (20), весьма точно укладываются (рис. 5к) на кривую (22), свидетельствует о количественном соответствии функции успеха (19) свойствам решетчатых пирамид, а следовательно и параметрам распределений Бозе – Эйнштейна, которые эти пирамиды отображают.

Отмеченное количественное соответствие служит основанием, которое позволяет значение t_g (15) отождествить с тестовым баллом, а значение σ_t^{-1} , определяемое выражением (18), – с дискриминационной (дифференцирующей) способностью.

Другим основанием для отождествления t_g (15) с тестовым баллом является «статистическая независимость» значения t_g (15) $\pm \Delta t$ (16) от номера теста i (от уровня сложности теста), по которому значение t_g (15) находится. Этот факт является следствием самой процедуры нахождения t_g (15) через проекции на ось $0t$ точек решетчатой пирамиды, отображающих возможные комбинации балльных оценок. В координатном представлении (рис. 4б) смена теста, по которому рассчитывается t_g (15), равносильна смене среза пирамиды. Поскольку точки решетчатой пирамиды проектируются на ось $0t$ единственным образом, то подобная смена не будет сказываться на значениях t_g (15) в пределах $\pm \Delta t$ (16).

Статистический характер независимости значений t_g (15) от уровня сложности теста, по которому они находятся, иллюстрирует рисунок 6, где в качестве примера представлены результаты расчета значений t_g (15) для учащихся, успехи которых по итогам троекратного тестирования (табл.) характеризуются комбинацией оценок $x_1, x_2, x_3 = 12, 9, 7$. В координатном представлении возможные итоги этого тестирования отображаются целочисленными координатами точек трехмерной решетчатой пирамиды. В этом представлении успехи выбранной группы школьников должны отображаться точкой М (12, 9, 7), отмеченной на рисунках 6а, 6в, 6д темным цветом.

На рисунках 6а и 6б представлена оценка успехов рассматриваемой группы школьников в троекратном тестировании, которую можно провести, опираясь только на результаты тестирования учащихся с помощью теста № 1 (балльная оценка $x_1 = 12$). В этом случае возможные итоги троекратного тестирования будут определяться координатами точек решетчатой пирамиды, лежащими на ее пересечении с плоскостью $x_1 = 12$. На рисунке 6а этот срез пирамиды отмечен штриховкой. Проектируя точки этого среза на главную диагональ куба, из которого вырезана трехмерная пирамида, можно построить распределение возможных комбинаций оценок по оси суммарного балла $0t$ (рис. 6б). Согласно неравенству (2) или соотношениям (13)–(16) распределение на рисунке 6б характеризуется значениями $t_{min} = 12, t_{max} = 36$, которые соответствуют комбинациям оценок $x_1, x_2, x_3 = 12, 0, 0$ и $x_1, x_2, x_3 = 12, 12, 12$. Отсюда следует, что для выбранных школьников значения суммарного балла при троекратном тестировании должны лежать в пределах $t_g \pm \Delta t = 24 \pm 12$.

На рисунках 6в и 6г представлена оценка возможных успехов выбранной группы школьников в троекратном тестировании с опорой на итоги их тестирования с помощью теста № 2 (балльная оценка $x_2 = 9$). В этом случае возможные итоги троекратного тестирования определяются точками, лежащими на пересечении решетчатой пирамиды с плоскостью $x_2 = 9$, а распределение возможных комбинаций оценок по значениям суммарного балла – распределением, представленным на рисунке 6г. Согласно неравенству (2) или соотношениям (13)–(16) это распределение характеризуется значениями $t_{min} = 18, t_{max} = 33$, которые соответствуют комбинациям оценок $x_1, x_2, x_3 = 9, 9, 0$ и $x_1, x_2, x_3 = 15, 9, 9$. Тем самым итоги теста № 2 свидетельствуют о том, что для рассматриваемых школьников значения суммарного балла при их троекратном тестировании находятся в пределах $t_g \pm \Delta t = 25,5 \pm 7,5$.

Что касается рисунков 6д и 6е, то они отображают оценку успехов школьников в троекратном тестировании по результатам их тестирования с помощью теста № 3 (по балльной оценке $x_3 = 7$). В данном случае $t_{min} = 21, t_{max} = 37$, что соответствует комбинациям оценок $x_1, x_2, x_3 = 7, 7, 7$ и $x_1, x_2, x_3 = 15, 15, 7$. В соответствии с этим ожидаемые значения суммарного балла должны лежать в диапазоне $t_g \pm \Delta t = 29 \pm 8$.

Нетрудно видеть, что найденные значения суммарного балла ($t_e \pm \Delta t = 24 \pm 12; 25,5 \pm 7,5; 29 \pm 8$) взаимно перекрываются, что и определяет статистический характер независимости t_e (15) от уровня сложности теста. В наглядном виде это представлено на рисунке бж, на котором сведены воедино распределения, изображенные на рисунках бб, бг, бе.

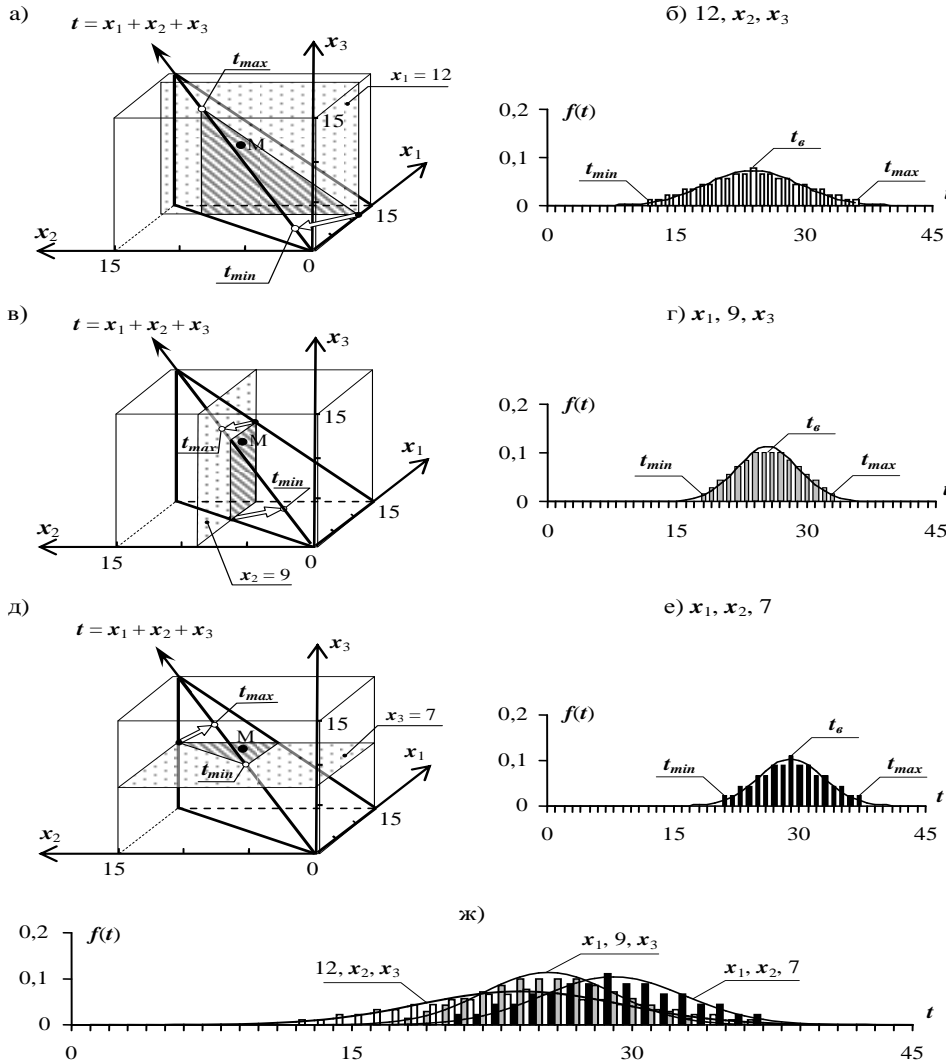

Рис. 6. Статистический характер независимости тестового балла t (15) от уровня сложности теста, по которому он находится

Статистический характер независимости значений t_e (15) $\pm \Delta t$ (16) от уровня сложности теста, по которому они находятся, не является прояв-

лением свойств лишь трехмерных пирамид, отображающих возможные итоги трехкратного тестирования. Отмеченная особенность значений $t_e(15)$ свойственна любому многократному тестированию. Это иллюстрирует рисунок 7, на котором представлены результаты расчета значений $t_e(15)$ для комбинации оценок $x_1, x_2, x_3, x_4, x_5 = 5, 4, 4, 2, 1$, соответствующей пятикратному тестированию учащихся с помощью серии тестов с равномерным нарастанием уровня сложности: 1) $i = 1, p_1 = 5/6$; 2) $i = 2, p_2 = 4/6$; 3) $i = 3, p_3 = 3/6$; 4) $i = 4, p_4 = 2/6$; 5) $i = 5, p_5 = 1/6$. В координатном представлении возможные итоги этого тестирования отображаются координатами точек пятимерной решетчатой пирамиды ($n = 5, m = 5$). Выбранная комбинация оценок дает возможность найти независимым образом пять значений $t_e(15)$, ориентируясь поочередно на балльные оценки $x_1 = 5, x_2 = 4, x_3 = 4, x_4 = 2, x_5 = 1$ (рис. 7). Из рисунка 7 видно, что для выбранной комбинации оценок найденные значения $t_e(15)$ совпадают даже не в пределах $t_e \pm \Delta t(16)$, а в пределах более узкого диапазона $t_e \pm \sigma_t$, где $\sigma_t \approx \Delta t(16)/3$. При этом среднее значение $t_e(15)$ (пунктирная линия на рисунке 7) хорошо согласуется с суммарным баллом $t = x_1 + x_2 + x_3 + x_4 + x_5 = 16$.

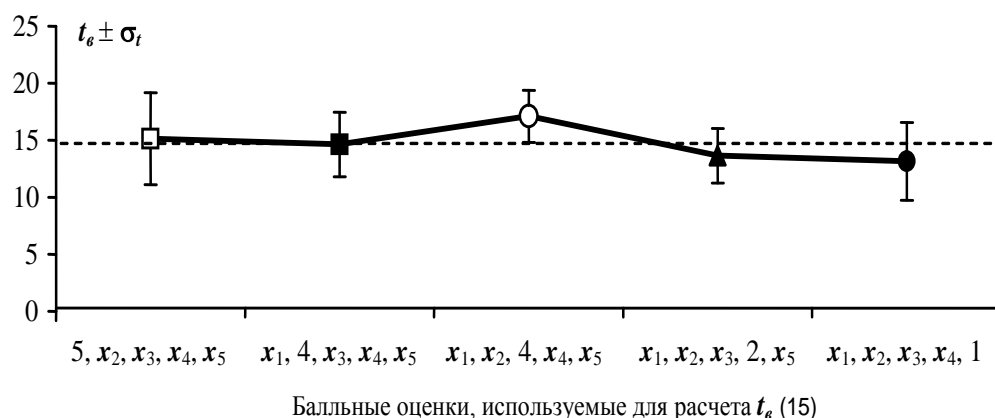

Рис. 7. Статистическая независимость тестового балла $t_e(15)$ от уровня сложности теста при пятикратном тестировании

Предлагаемая трактовка тестового балла и дискриминационной способности отличается рядом преимуществ. При ее использовании параметры функции успеха (19) теряют латентный характер, поскольку выражаются через характеристики решетчатых пирамид, а соответственно [2; 3]

и через параметры пакета диаграмм, описывающих распределение тождественных неразличимых частиц по квантовым состояниям в статистике Бозе – Эйнштейна. Функция успеха при этом предстает в качестве одного из свойств статистики Бозе – Эйнштейна, выражаемого соотношением (8). Это придает функции успеха дополнительную достоверность, поскольку отпадает необходимость в ряде допущений, лежащих в основе моделей Раша и Бирнбаума.

Что касается использования статистики Бозе – Эйнштейна, то это не нуждается в каком-то обосновании. Выбор статистики соответствует выбору способа описания, который при рассмотрении итогов тестирования ничем не регламентируется и может быть любым. По этой причине выбор структуры теста в виде, представленном на рисунке 1б, абсолютно правомерен. Он интересен тем, что приводит к способу описания, соответствующему статистике Бозе – Эйнштейна, в рамки которой хорошо вписываются модели Раша и Бирнбаума.

Предлагаемая схема делает понятным порядок пересчета тестового балла t_e (15) и стандартного отклонения $\sigma_t = \sqrt{\sigma_t^2}$ (18) к 100-балльной шкале. Этот пересчет тождествен их выражению в процентах по отношению к максимальной балльной оценке mn , которую может получить школьник при n -кратном тестировании с помощью тестов, состоящих из m однобалльных заданий:

$$\tilde{t}_e = \frac{t_e}{mn} \cdot 100, \quad (23)$$

$$\tilde{\sigma}_t = \frac{\sigma_t}{mn} \cdot 100. \quad (24)$$

Выражение (18) позволяет акцентировать внимание на ряде особенностей дисперсии σ_t^2 и дискриминационной способности d . В рамках рассматриваемого подхода дискриминационная способность $d = \sigma_t^{-1}$ выступает в качестве статистической характеристики, соответствующей макроскопическому способу описания. В дополнение к этому дисперсия σ_t^2 (18) зависит не только от параметров теста (m, n, i), но и от уровня подготовки школьников, определяемого значением x_i . В этой связи следует говорить не о дискриминационной способности задания, что встречается в педагогической литературе, а о дискриминационной способности теста, объединяющего задания с одинаковым уровнем сложности и одинаковой корреляционной связью, причем по отношению к соответствующей группе школьников.

Зависимость дисперсии σ_t^2 (18) от уровня подготовки учащихся иллюстрирует рисунок 8 на примере срезов рассмотренной ранее пятимерной

пирамиды по плоскостям, перпендикулярным осям $0x_2$, $0x_3$ и $0x_4$. Эти срезы описывают возможные итоги трех тестов нарастающего уровня сложности. Кривая 1 на рисунке 8 соответствует доступному тесту ($i = 2$, $p_i = 4/6$, для которого, что видно из рисунка, величина σ_i^2 растет с уровнем подготовки учащихся, характеризуемой балльными оценками x_i). Поскольку σ_i^2 выражает неопределенность регистрации тестового балла, то получается, что простой тест больше пригоден для оценки успехов школьников с низким уровнем подготовки и менее пригоден для оценки знаний хорошо подготовленных учащихся. Если обратиться к кривой 3, то нетрудно понять, что с помощью сложного теста точнее оцениваются успехи школьников с высоким уровнем подготовки, поскольку кривая 3 соответствует сложному тесту ($i = 4$, $p_i = 2/6$) и характеризуется убывающей зависимостью σ_i^2 от x_i . Что касается кривой 2, то она соответствует тесту среднего уровня сложности ($i = 4$, $p_i = 3/6$) и имеет слабо выраженный минимум в середине диапазона возможных значений x_i . Это означает, что тест средней сложности пригоден для оценки разных школьников. Несколько точнее он определяет значение t_g для группы учащихся со средним уровнем подготовки.

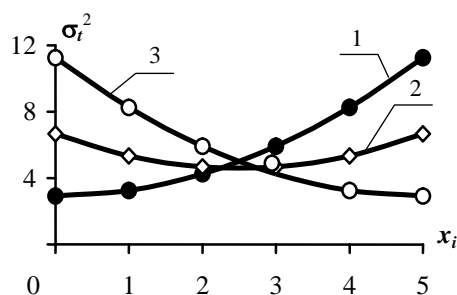

Рис. 8. Зависимость дисперсии σ_i^2 (18)

Из изложенного следует, что опора на свойства решетчатых пирамид сводит к минимуму статистическую обработку итогов тестирования, поскольку успехи школьников, характеризуемые значениями t_g и σ_i , определяются аналитическими выражениями (15) и (18). Проблема обработки данных при этом сводится к отождествлению результатов тестирования с итогами соответствующей серии тестов нарастающего уровня сложности, характеризуемой значениями n , m и i .

В случае, когда итоги испытания учащихся соответствуют однократному тестированию, значение m известно (равно общему числу заданий

в тесте) и обработка данных сводится к нахождению значений n и i по методу моментов (для распределения $f(x_i)$ (4) все начальные моменты вплоть до момента порядка m известны [1; 3]). Поскольку речь идет о двух неизвестных, то в простейшем варианте нахождение n и i можно свести к решению системы двух уравнений (5) и (6), то есть к использованию моментов первого и второго порядка. Ее решение целесообразно разделить на два этапа. Сначала удобнее рассчитать по модулю (9) характеристики заданий p_i и r_i , а затем из соотношений (10) и (11) найти искомые значения n и i :

$$n = \frac{1}{r_i} - 2, \quad (25)$$

$$i = (n+1)(1-p_i). \quad (26)$$

Случай однократного тестирования учащихся (с помощью заданий одинакового уровня сложности) достаточно редок, но может встречаться на практике. В качестве примера можно привести результаты единого государственного экзамена по русскому языку за 2002 год (77 006 школьников, 62 задания в тесте). Если судить по итоговому распределению (рис. 9а), то результаты данного экзамена легко отождествить с однократным тестированием учащихся с помощью теста, состоящего из 62 заданий с доступностью $p_i(9) = 5/8$ и корреляционной связью $r_i(9) = 1/9$, что соответствует значениям $m = 62$, $n = 7$, $i = 3$. Подтверждением этого служит хорошее совпадение распределения учащихся по первичным баллам с распределением (4) при $m = 62$, $n = 7$, $i = 3$, представленное на рисунке 9а.

Параметры тестирования ($m = 62$, $n = 7$, $i = 3$) дают возможность рассчитать значения тестового балла t_g (15) для участников единого государственного экзамена по русскому языку (рис. 9а). Эти значения, приведенные с помощью соотношений (23) и (24) к 100-балльной шкале, представлены на рисунке 9б. На этом же рисунке пунктиром изображены значения $\tilde{t}_g \pm 2\tilde{\sigma}_g$, ограничивающие интервал значений t_g для надежности 0,95. Рисунок 9б демонстрирует важную особенность выражения (15): пересчет первичных баллов к тестовым по выражению (15) равносильно линейному преобразованию балльной шкалы. Данный рисунок наглядно иллюстрирует также высокую неопределенность оценки знаний учащихся с помощью тестового балла, находящуюся на уровне ± 10 баллов. Важно отметить, что неопределенность в ± 10 баллов мы получили, не обращаясь к функции, обратной функции успеха (19). Ее использование для области простых и сложных заданий, как видно из рисунков 5и и 5к, является в достаточной степени проблематичным.

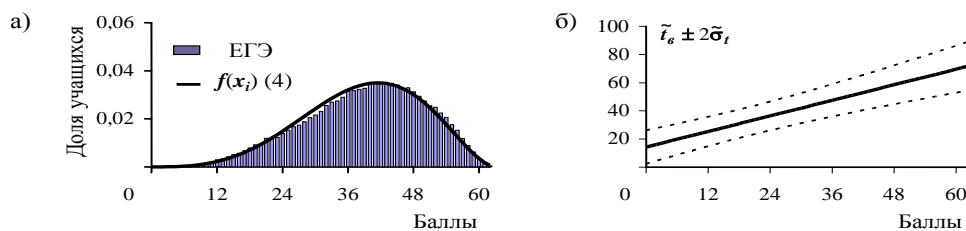

Рис. 9. Пример однократного тестирования учащихся

Поскольку каждое макросостояние может быть реализовано множеством микросостояний, то совпадение результатов тестирования с распределением (4) на рисунке 9а не дает полной гарантии того, что представленные итоги соответствуют однократному тестированию. Достоверно об этом можно судить лишь по итоговому протоколу, в котором приведены результаты тестирования каждого школьника по всем заданиям. Имея подобный протокол, несложно выявить кратность тестирования, что иллюстрирует рисунок 10а, где в качестве примера приведены результаты обработки итогов тестирования студентов Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина по психологии (16 студентов, 44 задания в тесте). Из рисунка 10а видно, что представленное тестирование, проходившее по 44 заданиям, оказалось восьмикратным: с помощью четырех заданий, доступных для пяти студентов; с помощью семи заданий, доступных для шести студентов; с помощью шести заданий, доступных для семи студентов; с помощью восьми заданий, доступных для восьми студентов; с помощью восьми заданий, доступных для девяти студентов; с помощью четырех заданий, доступных для десяти студентов; с помощью трех заданий, доступных для одиннадцати студентов и с помощью четырех заданий, доступных для двенадцати студентов.

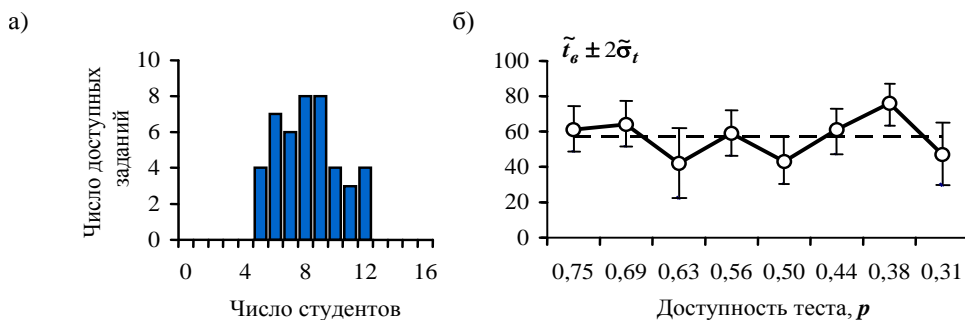

Рис. 10. Итоги реального многократного тестирования учащихся

Распределение, представленное на рисунке 10а, определяет не только кратность тестирования, но и число заданий m в каждом из восьми тестов. После этого для каждого теста нетрудно рассчитать, например, по соотношениям (9), (25) и (26) значения n и i , а затем тестовые баллы t_e (15) и значения стандартного отклонения σ_t , приведя их к 100-балльной шкале по выражениям (23), (24). Отмеченный способ расчета \tilde{t}_e и $\tilde{\sigma}_t$ равносильно использованию соотношений:

$$\tilde{t}_e = 50 \cdot \left[1 - \frac{1-r}{1-2r} \left(p - \frac{x}{m} \right) \right], \quad (27)$$

$$\tilde{\sigma}_t = \frac{50}{\sqrt{3m}} \frac{1-r}{1-2r} \sqrt{x \left(p - \frac{r}{1-r} \right) \left(p + x \frac{r}{1-r} \right) + (m-x) \left(q - \frac{r}{1-r} \right) \left[q + (m-x) \frac{r}{1-r} \right]}, \quad (28)$$

где x – балльная оценка учащихся за тест из m заданий, по которому проходит оценка их успехов;

p и r – доступность тестовых заданий и корреляционная взаимосвязь балльных оценок согласно модулю (9);

$$q = 1 - p.$$

На рисунке 10б приведены результаты расчета \tilde{t}_e (27) и $\tilde{\sigma}_t$ (28) по каждому из восьми тестов (рис. 10а) для студентов, имеющих балльные оценки $x = 4, 3, 2, 6, 3, 4, 6, 1$. Как видно из рисунка 10б, значения тестового балла \tilde{t}_e (27) не зависят от уровня сложности теста, по которому они рассчитываются, в пределах $\pm 2\tilde{\sigma}_t$. По этим данным нетрудно найти среднее значение \tilde{t}_e и среднеквадратичное значение $\tilde{\sigma}_t$, которые можно использовать в качестве итоговых характеристик успехов учащихся.

Рассмотренная статистическая модель многократного тестирования учащихся может найти применение в первую очередь при построении учебного курса «Современные средства оценивания результатов обучения» для студентов педагогических вузов. В отличие, например, от пособий [6; 7] она интересна тем, что практически исключает использование специальных расчетных методов математической статистики, которые затрудняют изложение и понимание учебного материала. Для студентов, обучающихся по специальности «физика», предлагаемый подход позволяет выйти на модель тестового контроля знаний, опираясь на общую схему построения статистических моделей, которая известна им из курса физики. Тот факт, что возможности педагогической науки в части количественного описания весьма ограничены, не играет здесь существенной

роли, поскольку для построения модели многократного тестирования достаточно исходных положений статистической теории.

В рамках предлагаемой модели можно соотнести педагогическую систему оценки знаний учащихся с соответствующей статистикой, разграничить макроскопический и микроскопический способы описания итогов тестирования, избежав при этом не только терминологических, но и фактических неточностей, которые, к сожалению, встречаются в учебной литературе при объяснении итогов испытания. Модель многократного тестирования позволяет дать простую интерпретацию тестового балла, обосновать его статистическую независимость от уровня сложности используемого теста, объяснить влияние различных факторов – уровня сложности заданий, числа заданий, корреляционной связи успехов школьников – на итоговые результаты. Достаточно простой вид приобретает проблема проектирования тестов. Опора на квантовые статистики дает возможность проектировать тесты из заданий одинакового или нарастающего уровня сложности.

Достоинство предлагаемого подхода определяется еще и тем, что изложение курса «Современные средства оценивания результатов обучения» нетрудно сделать не только строгим и доказательным, но и наглядным, опираясь на координатный, диаграммный и табличный способы представления результатов тестирования. Данный подход позволяет разработать пакет заданий и идеализированных протоколов для лабораторных работ, с помощью которых можно поэтапно подготовить студентов к осознанной процедуре проектирования тестов и обработки итогов реального тестирования учащихся.

Список литературы

1. Кирьяков, Б.С. Педагогическая модель интеллектуального испытания школьников. – Рязань : Русское слово, 2002. – 208 с.
2. Кирьяков, Б.С. Статистическое моделирование контрольных мероприятий с глобальной оценкой знаний учащихся // Известия РАО. – 2005. – № 2. – С. 75–83.
3. Кирьяков, Б.С. Простейшие решетчатые объекты: статистические свойства, связь с квантовыми статистиками, проектирование контрольных заданий // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. – 2007. – № 1/14. – С. 3–26.
4. Кирьяков, Б.С. Статистическая интерпретация итогов контроля знаний учащихся по суммарным результатам // Проблемы учебного физического эксперимента : сб. науч. тр. / ИСМ РАО. – М., 2006. – Вып. 24. – С. 3–13.
5. Нейман, Ю.М. Введение в теорию моделирования и параметризации педагогических тестов / Ю.М. Нейман, В.А. Хлебников. – М. : Прометей, 2000. – 169 с.

6. Воронин Ю.А. Современные средства оценивания результатов обучения : учебное пособие / Ю.А. Воронин [и др.] ; ВГПУ. – Воронеж, 2004. – 97 с.

7. Нейман, Ю.М. Педагогическое тестирование как измерение / Ю.М. Нейман, В.А. Хлебников ; Центр тестирования МО РФ. – М., 2002. – 67 с.

В.Ю. Мелихов

ОПЛАТА ТРУДА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Важнейшей ресурсной составляющей деятельности высшей школы являлся и является ее кадровый состав. Именно качество профессорско-преподавательского состава определяет качество подготовки специалистов как в отдельном вузе, так и в системе высшей школы в целом. Поскольку, как будет показано ниже, кадровый потенциал современной российской высшей школы был сформирован в советский период нашей истории, представляется целесообразным рассмотреть процесс его формирования и трансформации в определенной временной ретроспективе.

Образование всегда было в центре внимания советского правительства, являлось составной частью его промышленной политики и обеспечивалось привлечением к преподавательскому труду наиболее способной и квалифицированной молодежи. Престижность преподавательского труда на протяжении многих десятилетий, даже в тяжелые 1930-е и послевоенные годы, поддерживалась государством различными социальными льготами и высокой, относительно других профессий, заработной платой. Так, Постановлением СНК СССР № 364 от 22 августа 1930 года была введена штатно-окладная система оплаты преподавательского персонала и установлены должности профессора, доцента и ассистента¹. Норма нагрузки на профессора была установлена в объеме 360 часов в год, доцента – 390 часов, ассистента – 480.

Постановлением ВЦИК и СНК СССР «О праве пользования дополнительной жилой площадью» (1930) преподавателям предоставлялась дополнительная жилая площадь в виде отдельной комнаты или – при ее отсутствии – дополнительная площадь в размере 20 квадратных метров².

Постановлением СНК СССР № 79 «Об ученых степенях и званиях» от 1934 года в высшей школе были вновь восстановлены ученые степени и звания, упраздненные в 1918 году³, Постановлением СНК СССР № 2000 «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» (1937) была введена система

штатных должностей (профессор – заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент кафедры, ассистент кафедры, старший преподаватель и преподаватель, старший лаборант и лаборант) и соответствующих должностных окладов, разрешены и оговорены условия работы преподавателей по совместительству и хоздоговорам ⁴.

В 1946, 1947, 1956 годах и вплоть до начала реформ принимались постановления Правительства, поддерживающие уровень заработной платы преподавателей вузов значительно более высоким, чем в других отраслях экономики (рис. 1), что создавало престижность труда преподавателей, обеспечивало воспроизводство преподавательского состава за счет наиболее талантливой молодежи.

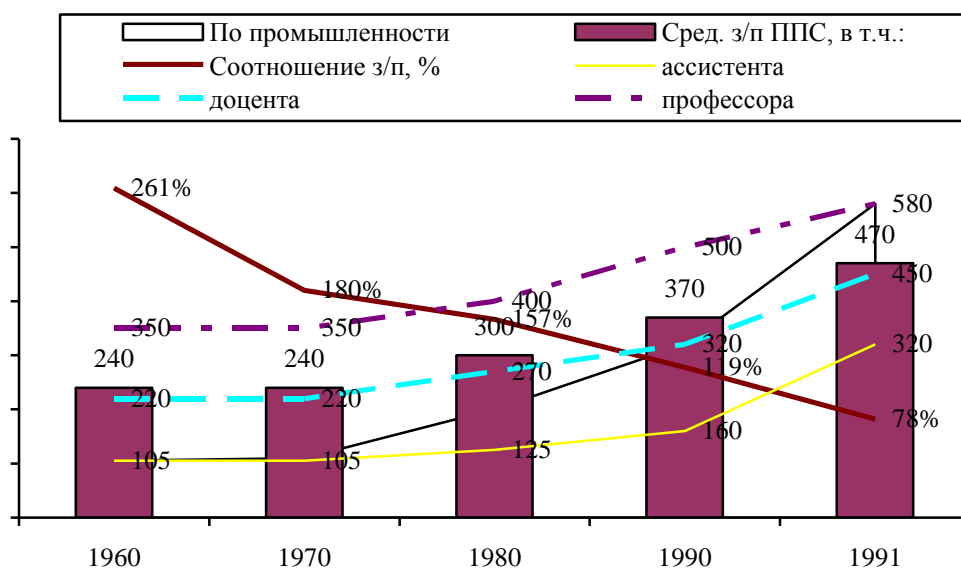

Рис. 1. Соотношение среднемесячной заработной платы профессорско-преподавательского состава и работников промышленности в 1960–1991 годах, руб.

Ист.: Высшее и среднее профессиональное образование в Российской Федерации : стат. сб. – М., 1996. – С. 59.

Именно в этот период был заложен фундамент, обеспечивший достижения советской науки и советского образования.

С началом рыночной трансформации в системе оплаты труда профессорско-преподавательского состава начали развиваться отрицательные тенденции, влекущие за собой ухудшение качества российского высшего образования.

Пользовавшаяся огромным престижем профессия преподавателя за время реформ потеряла свою привлекательность – его заработная плата, составлявшая 219 процентов от зарплаты в промышленности в 1987 году, упала до 62 процентов в июле 1993 года⁵. Как видно из диаграммы на рисунке 1, уровень оплаты труда в сфере образования все годы перестройки был даже ниже, чем в других отраслях бюджетной сферы. Началось обнищание вузовской элиты, и молодежь стала переходить в другие, более высоко оплачиваемые отрасли, преимущественно в коммерческие структуры. При этом нельзя сказать, что в промышленной политике правительства отсутствует проблема подготовки специалистов – практически ежегодно принимаются решения по высшей школе.

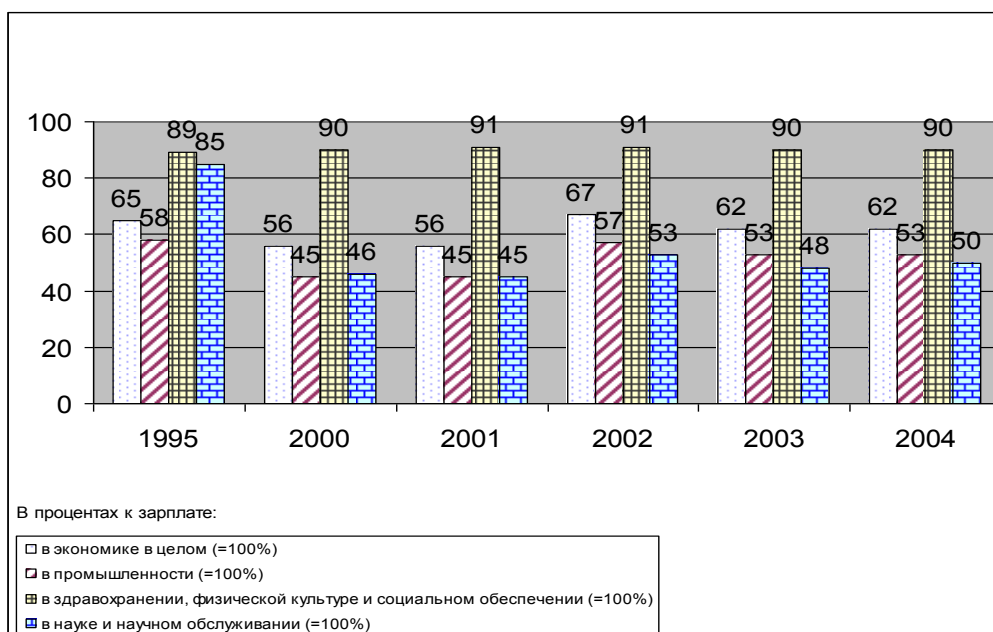

Рис. 2. Соотношение заработной платы в Российской Федерации в 1995–2004 годах

Однако реальная экономическая обстановка, сложившаяся в связи с переходом от государственного управления капиталом к частному, кризис и дефицит бюджета не позволяют реализовать принимаемые решения. Так, согласно статье 7 Закона РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», принятого 19 июля 1996 года, средние должностные оклады работников вуза устанавливаются для педагогических кадров из числа профессорско-преподавательского состава на уровне, в два раза превышающем уровень средней заработной платы в про-

мышленности в РФ, для прочих работников вузов – на уровне заработной платы аналогичных категорий работников в промышленности РФ. Согласно статье 4 Закона, минимальные размеры ставок для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава вузов устанавливаются в размере не ниже восьмикратного минимального размера оплаты труда, установленного Федеральным законом, то есть не менее $83,4 \times 8 = 667,2$ рубля.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 19 марта 1999 года № 311 «О повышении должностных окладов работников отдельных организаций бюджетной сферы» тарифная ставка 1 разряда повышена до 110 рублей, но одновременно снижен межразрядный коэффициент (для 13 разряда – с 5,76 до 4,73). В результате минимальная оплата преподавателя 13 разряда выросла с 345,6 рубля до 520 рублей, то есть осталась меньше 667,2 рубля. Впрочем, и при неизменном коэффициенте она не достигла бы установленного Законом минимума. В этих условиях вузы не могут полагаться, как это было в предреформенные годы, на государственное финансирование и, адаптируясь к сложившейся экономической ситуации, вынуждены искать иные источники финансирования для сохранения и минимальных потерь в кадровом потенциале, занимаясь несвойственной в дореформенный период коммерческой деятельностью, в том числе широко используя систему целевой контрактной подготовки.

За первый период реформ, период экономического спада, реальная (скорректированная на индекс потребительских цен) заработная плата работников промышленности с 1990 по 1998 год упала в 2,67 раза, профессоров – в 4,2 раза, доцентов – в 3,9, ассистентов – в 4,6 раза (рис. 3).

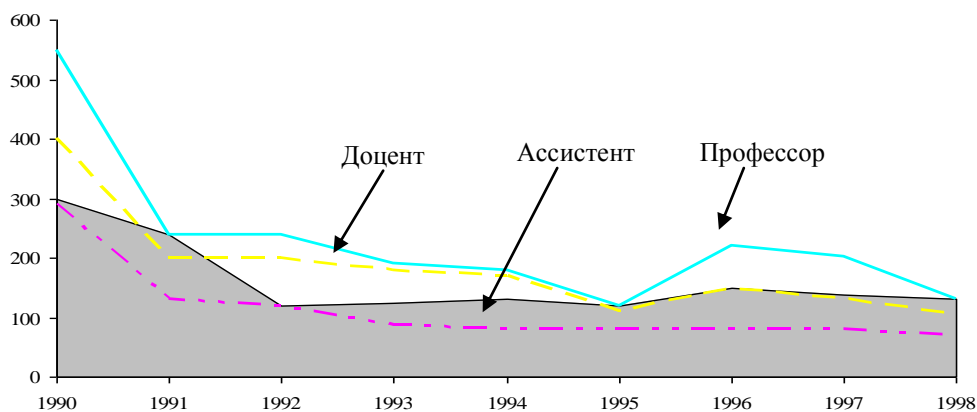

Рис. 3. Скорректированная на индекс потребительских цен реальная средняя заработная плата за месяц по промышленности и профессорско-преподавательскому составу в 1990–1998 гг., руб.

Падение жизненного уровня профессорско-преподавательского состава высшей школы особенно прослеживается в сравнении с ростом цен за 1990–1999 годы, если учесть, что начисленная заработная плата за этот период увеличилась у профессора в 3,1 раза и составляла в июле 1999 года 1721 рубль, у доцента – в 3 раза (1174 рубля), у ассистента – в 2,5 раза (710 рублей), в то время как цены выросли в 21,6 раза (табл.). В целом по экономике номинальная заработная плата за первое полугодие 1999 года составила 1619 рублей⁶ (рост – в 5,45 раза).

Таблица

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата
в сфере образования

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, руб. (до 1998 г. – тыс. руб.)	309,2	551,5	616,2	660,5	885,1	1234,6	1821,0	2922,1	3383,9	4254,3
В процентах к предыдущему году	–	178,4	111,7	107,2	134,0	139,5	147,5	160,5	115,8	125,7
В процентах к прожиточному минимуму трудоспособного населения	104,0	132,7	133,3	119,1	88,3	93,5	111,8	148,6	146,9	163,5
В долл. США	66,6	99,2	103,4	32,0	32,8	43,8	60,4	91,9	114,9	147,7

Во второй период реформ, период экономического роста, принципиального изменения ситуации не произошло. Как было показано на диа-

грамме рисунка 1, в 2004 году уровень оплаты труда в образовании составлял 62 процента от уровня оплаты труда в экономике в целом. Хотя необходимо отметить и определенные положительные сдвиги. Так, с 1999 года начался относительный рост оплаты труда педагогических работников к прожиточному минимуму. Если в 1999 году она составляла 88,3 процента от прожиточного минимума, то к 2004 это соотношение достигло 163,5 процента. Можно констатировать, что работники сферы образования за период экономического роста перешли от нищеты к бедности.

Социологические исследования показали, что сложившейся заработной платой совершенно не удовлетворены 33,3 процента докторов наук, 72 процента доцентов, 73 процента старших преподавателей и 80 процентов ассистентов. Среди заведующих кафедрами не удовлетворены заработной платой 14,3 процента ⁷.

Процессы снижения реальной заработной платы происходили на фоне повышения нагрузки на профессорско-преподавательский состав, что повлекло за собой еще большее обесценение педагогического труда в высшей школе.

Так, несмотря на увеличение как числа докторов наук, так и кандидатов, практически (за исключением 1994–1996 годов для докторов наук) происходило увеличение числа студентов, приходящихся на одного профессора (доцента) (рис. 4).

Так, несмотря на то, что количество докторов с 1992 года увеличилось вдвое, в расчете на 1 доктора наук стало приходиться уже 202 студента (2004 год) вместо 145 в 1993 году. Число студентов на одного кандидата наук выросло с 22 до 49, то есть более чем вдвое ⁸. Очевидно, что подобная «интенсификация» педагогического труда сказывается на его качестве не самым лучшим образом.

К сожалению, процессы количественного роста высшей школы не были подкреплены процессами адекватной подготовки высококвалифицированных педагогических кадров. Свидетельством недостаточности кадрового потенциала высшей школы могут служить следующие, приведенные ниже факты.

К концу периода экономического спада (1999 год) 1056 должностей профессора были заняты лицами без ученых степеней, а 1384 должности – преподавателями без ученых званий. Причем в отдельных регионах (Амурская область – 20 процентов; Орловская область – 10,9 процента; Белгородская область – 10,6 процента ⁹) особенно высока доля профессоров без ученой степени.

Эти тревожные факты свидетельствуют о девальвации звания профессора как основы университетской культуры, университетского образования.

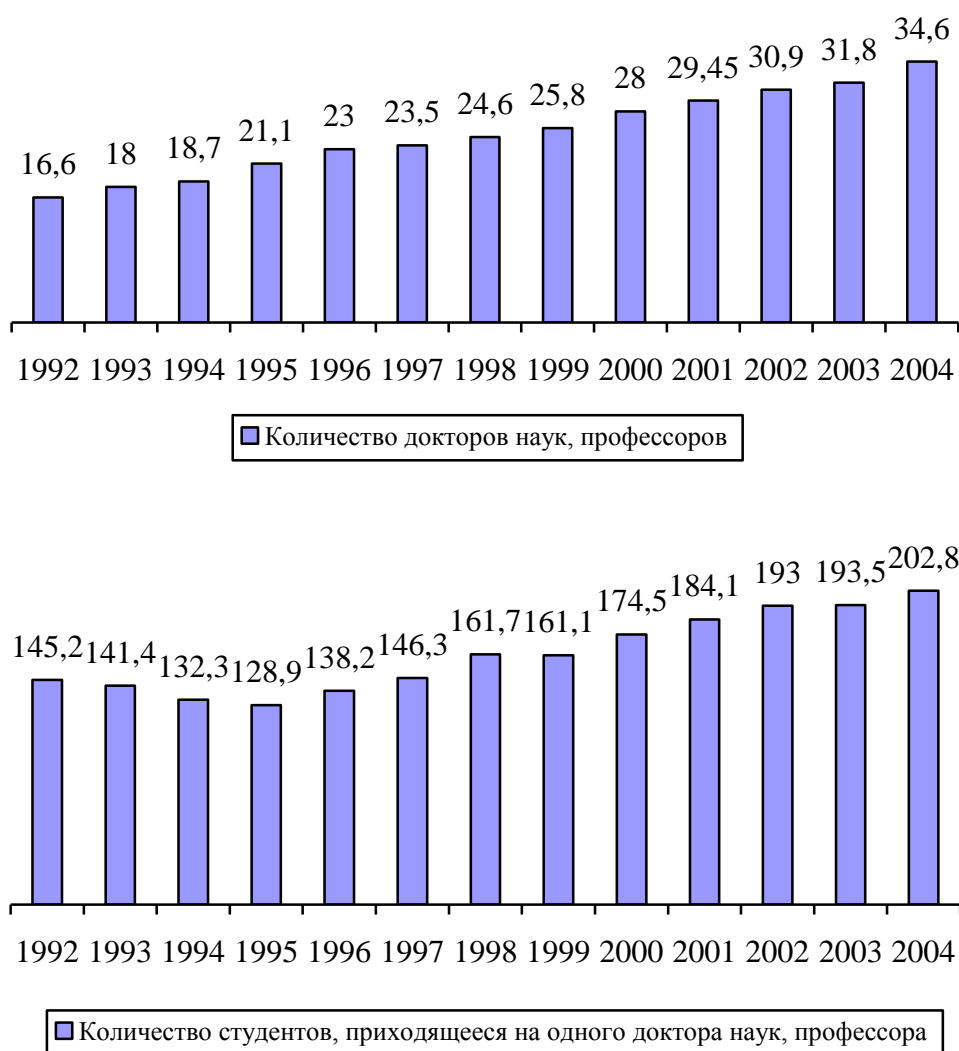

Рис. 4. Динамика изменения численности профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений (тыс. чел.)

Анализ статистических данных социологических опросов показывает, что большая часть работников высшей школы вынуждена приспосабливаться и не приспосабливается к экономическим и социальным условиям своей деятельности, о чем свидетельствует сокращение текучести профессорско-преподавательских кадров. Если в первые годы перехода к рыночным отношениям многие преподаватели, особенно из числа молодых, уходили из вузов, главным образом в коммерческие структуры, то

к 1998 году наблюдается некоторая стабилизация (заметим, что в дореформенный период текучесть кадров практически отсутствовала). Стабилизация текучести кадров связана, вероятно, с окончанием процесса флюктуации сложившегося в предреформенный период преподавательского состава в область коммерческой деятельности – оставшийся работающий контингент мог поменять учебное заведение, но вряд ли изменить сферу деятельности, несмотря на низкую оплату труда.

В условиях низкой оплаты труда, резкого ограничения (по сравнению с дореформенным периодом) научной хоздоговорной тематики главным источником дополнительного дохода преподавателя и предпочитаемой формой адаптации к сложившимся условиям, по данным социологического опроса, можно считать работу по совместительству.

За первый период реформ произошел наиболее существенный рост числа совместителей в высшей школе. К 1999/2000 учебному году доля внешних совместителей составила 12,1 процента, доля преподавателей, работающих на неполной ставке, – 11,9 процента¹⁰.

Совместительство далеко не всегда связано с преподавательской деятельностью, отнимает время от подготовки к занятиям, заставляет преподавателя «работать на износ», чтобы выжить и содержать семью.

В связи с низкой оплатой труда в вузах относительно других отраслей экономики значительно выросла доля внешних совместителей в системе высшего профессионального образования. Это объясняется как желанием этих лиц заниматься преподавательской деятельностью, так и невозможностью перехода в вуз на постоянную основу в связи с огромной разницей в оплате труда (в первую очередь для экономистов и юристов).

Данные по внешнему совместительству, с одной стороны, позволяют предположить, что кафедры привлекают совместителей-практиков для чтения прикладных курсов, требующих практического опыта. С другой стороны, к совместительству могут быть привлечены лица из сферы бизнеса, приносящие кафедре дополнительные доходы в виде оргтехники, дополнительных заработков в виде коммерческих проектов и т. п., что можно рассматривать как специфическую форму адаптации профессорско-преподавательского персонала к нынешним условиям.

Наибольшее количество совместителей проходит по кафедрам банковского дела, финансов, бухгалтерского учета и аудита, что вполне коррелирует и с уровнем заработной платы в соответствующих сферах деятельности вне высшей школы, то есть связано с отсутствием интереса представителей этих профессий в переходе в университет на полную ставку. Использование совместителей, однако, приближая подготовку специалистов к практической работе, одновременно снижает ответственность за проведение занятий, так как эта работа не является основной и не

способствует формированию коллектива кафедры как подразделения, имеющего свой творческий коллектив, свои научные традиции и тенденции, используемые в формировании молодого специалиста в соответствующей области.

Потеря престижа преподавательского труда привела к старению кадрового персонала вузов, где средний возраст работающих докторов наук составляет 57–58 лет, то есть, по образному выражению президента Российского союза ректоров академика РАН В. Садовниченко, «он вплотную приблизился к средней продолжительности жизни мужского населения России» (61,8 года). Даже в ведущих вузах страны средний возраст профессорско-преподавательского состава является достаточно значительным: в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова – 50,9 года, Российском университете дружбы народов – 51,6 года, Московском энергетическом институте – 53,9 года и т.д.¹¹

Проведенный анализ показывает, что высшая школа России переживает нелегкие времена. Несмотря на то, что для ее существования необходимо финансирование, достаточное для покрытия всех расходов, в том числе достойной заработной платы, в настоящее время и в ближайшем будущем государство не в силах будет покрыть из бюджета расходы на ее содержание. Поэтому так остро стоит вопрос о внебюджетном зарабатывании денег даже для государственных вузов.

Пути дополнительного зарабатывания денег использовались и при плановой экономике, например, при заключении прямых договоров с предприятиями, так называемых работ по хоздоговорам. При переходе к рыночным отношениям значительно расширились формы и методы пополнения бюджета вузов. Это и прием студентов по контрактам, и консалтинговые работы, и аренда свободных помещений, и платные услуги и т. д. Многим вузам помогают выпускники, занимающиеся коммерческой деятельностью в виде спонсорской помощи.

По-видимому, для более эффективного получения дополнительных доходов и правильного их использования, для проведения маркетинговых исследований рынка услуг, в вузах необходимо иметь отдел (группу экспертов) по изучению возможных путей зарабатывания внебюджетных средств и рациональному их использованию. Этот отдел должен предоставлять данные руководству вуза по анализу положения на финансовом рынке и рынке услуг, готовить рекомендации по улучшению финансового положения, в том числе по рациональному расходованию финансовых средств, особенно на социальную помощь профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и ветеранам вуза. При этом дополнительная оплата должна учитывать личный, конкретный вклад работника

в достижения вуза. Это будет стимулировать более качественную работу и большую отдачу в подготовке специалистов.

Высшая школа сохранила профессорско-преподавательский состав для обучения потока студентов, близкого к дореформенному периоду, однако крайне низкая относительно других отраслей экономики оплата труда резко снизила приток молодежи в сферу преподавания, а это, во-первых, ограничивает возможности вузов отбирать для преподавания наиболее талантливую молодежь, во-вторых, заставляет широко использовать труд совместителей, в-третьих, приведет к нехватке квалифицированных преподавательских кадров и соответственно к потере накопленного десятилетиями опыта подготовки специалистов.

Подводя итог, необходимо отметить, что резкое снижение воспроизводства преподавательских кадров в недалеком будущем может иметь негативные последствия как в подготовке молодых специалистов, так и в развитии отечественной науки в целом, то есть приведет к резкому снижению интеллектуального потенциала нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Отчет по НИР по теме «Адаптация коллектива высшей школы к современным условиям». Г/б тема № 280 со ссылкой на Собрание Постановлений и Распоряжений Правительства СССР. – № 44. – М., 1930. – С. 829.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Отечественная высшая школа и российская государственность: доклад на V съезде Российского союза ректоров, Москва, 26 июня 1998 г. // Вестник высшей школы. – 1998. – № 6.

⁶ См.: Финансовая неделя. – 1999. – 9–15 авг.

⁷ Здесь и далее использованы материалы Отчета по НИР по теме «Адаптация коллектива высшей школы к современным условиям». Г/б тема № 280.

⁸ См.: Геворкян, Е. Кадры высшей школы: актуальное состояние // Экономика образования. – 2006. – № 9. – С. 23–31.

⁹ См.: Романкова, Л.И. Динамика кадрового потенциала высшей школы России // Экономика образования. – 2002. – № 1. – С. 32–43.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См. там же.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.М. Шеина

ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Данная статья является попыткой показать, как теоретическое знание, представленное в современной культурологии и культурной антропологии, может быть использовано для формулировки целей и задач прикладной науки. Формируя у студентов межкультурную коммуникативную компетенцию в рамках дисциплин, связанных с теорией и практикой межкультурной коммуникации, преподаватель должен видеть связь между определениями культуры, описаниями составляющих ее элементов, особенностей и универсалий и практическим результатом, к которому студенты должны прийти.

В своей работе мы опирались на те определения, в которых подчеркивается роль культуры в символической организации и трансляции социально значимого опыта и ценностно-смысловой информации¹. Хотя определение культуры как разделяемой системы символов вряд ли можно назвать исчерпывающим, некоторые открытия, сделанные в рамках этого направления, применимы в теории межкультурной коммуникации.

Для выявления принципов символической организации культуры исследователи прибегают к поиску универсалий, аналогичных существующим феноменам в языке. В результате раскрываются общие механизмы упорядочивания социокультурного опыта в естественном языке и в невербальных знаковых и символических системах. Способность человека отбирать и связывать друг с другом элементы непосредственного опыта приводит к формированию и упорядочиванию представлений на разных уровнях внутреннего мира – в сознании и подсознании. На основе представлений складываются внутренние концепты, организующие зафиксированные характеристики объекта или явления в некоторую структуру или устойчивую совокупность. Когда эта совокупность приобретает внешнюю форму, устанавливается связь между этой формой и обозначаемым элементом реальности.

Описывая механизмы формирования знаковых и символических систем, авторы не разграничивают их, определяя и те, и другие как организующие факторы культурной среды. Б. Бикель в своем исследовании культурного символизма пространственных представлений народа Бельхар (Непал) также подчеркивает, что его трактовка «символа» отличается от трактовки Ф. Соссюра, поскольку системами символов для него являются культурно регламентированные формы и аспекты поведения в повседневной жизни². На наш взгляд, разграничивать термины «знак» и «символ» все же необходимо. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, одной из граней, отделяющей символ от знака, является отсутствие у первого прагматического аспекта. Символ указывает на смысл, сообщает информацию (при условии, что мы знаем, как правильно его интерпретировать), но он не может передать отношение к тому, что сообщается, так же, как и не может помочь осуществить воздействие для достижения определенной коммуникативной цели³.

Более точно описать способность культуры к трансляции опыта можно с помощью термина «языки культуры», определяемые как семиотические системы, которые выделяют в жизненном потоке, а затем расчленяют и объединяют представления об объектах, действиях, состояниях, интенциях. Языки культуры обозначают все то, что люди видят, чувствуют, делают и стараются выразить⁴. Они указывают на то, чем являются вещи и идеи в определенных социально типичных ситуациях, эксплицируют правила оперирования культурными объектами в таких ситуациях, определяют структуру и характер самих ситуаций, задают критерии оценки этих ситуаций.

Н.Ф. Алефиренко видит в языках культуры форму существования и репрезентации этнокультурного сознания, то есть социально значимой для данного сообщества совокупности знаний, которая формируется в результате осмысления духовно-ценностной деятельности⁵.

Помимо этого, языки культуры участвуют в упорядочивании отношений человека с окружающей средой. В результате возникают так называемые «культурные порядки», то есть «определенные области упорядоченности, где деятельность, поведение, взаимодействие, коммуникация особым образом организованы и имеют специфическое символическое выражение» (например, пространственный порядок, институциональный порядок, познавательный порядок и т.п.)⁶.

Итак, для более эффективного взаимодействия с реальным миром культура создает системы кодов, обеспечивающие упорядочивание и формализацию не только процессов познания и передачи социально значимой информации, но всех сфер взаимодействия человека с реальным миром. Таким образом, культура одновременно объединяет людей,

обеспечивая их социальную интеграцию в сообществе или группе, и разделяет их, создавая каждый раз особый способ совместной жизнедеятельности. Каждый код, или язык, культуры обладает набором единиц, способных вступать в определенные конфигурации. Однако процесс кодирования предполагает и проблему раскодирования, то есть адекватного понимания.

Уникальные особенности организации каждой отдельной культуры не могут не создавать сложностей в процессе межкультурной коммуникации. Эти сложности в первую очередь связаны с тем, что, даже тщательно изучив языки культурных порядков в рамках одной культуры (вместе с ее естественным языком), мы не застрахованы от культурных ошибок (так же, как и языковых). При этом культурные ошибки могут привести к негативным последствиям гораздо быстрее, чем языковые. Вместе с тем анализ тех особенных механизмов, с помощью которых культура выполняет универсальную познавательно-коммуникативную функцию, может, как нам представляется, помочь найти ответы на целый ряд вопросов, связанных с проблемой избегания коммуникативных неудач.

Первая группа вопросов связана с тем, как естественный язык взаимодействует с другими языками культуры в интракультурной коммуникации. К этой группе, например, относятся вопросы о способах и приемах, используемых носителями культуры при интерпретации неязыковых знаков и символов, о том, как информация, получаемая по невербальным каналам, при ее интерпретации «переводится» в вербальные формулы.

Кроме того, если провести параллель между естественными языками и языками культуры, то можно задать вопрос об эффективности создания и применения системных описаний языков культуры. Системное описание естественных языков, как известно, во многом способствовало их более успешному изучению.

Далее возникает вопрос о том, в какой форме наиболее эффективно включить в теорию и практику межкультурной коммуникации системные описания «культурных порядков» (например, временных, пространственных и др.). Причем существующие описания, о которых более подробно будет сказано ниже, явно недостаточны.

Некоторые ответы на поставленные вопросы можно найти в культурно-антропологических теориях, предлагаемых далее к рассмотрению.

Наиболее последовательно параллель между языком и культурой проводится в концепции Э. Холла⁷. По аналогии с языком он выделяет в культуре следующие единицы:

- мельчайшие составляющие, которые не существуют изолированно;
- составные элементы, которые воспринимаются как единое целое;

– структуры (паттерны), образуемые из целостных элементов.

Например, семья является целостным элементом культуры. При этом в целях изучения ее можно поделить на составляющие, и в то же время она является частью более сложных общественных структур. Следует отметить, что созданный автором список элементов культуры с трудом поддается анализу, так как он включает чрезвычайно разнопорядковые явления, такие, как «форма управления», «слова», «день» (по-видимому, имеется в виду распределение видов деятельности в течение суток) и т.д. Выдвигаемое Э. Холлом положение о том, что элементы объединяются в категории, мало проясняет ситуацию, так как в качестве примера приводятся лингвистические классификации. Автор мотивирует это наличием зависимости между значимостью того или иного составного элемента в культуре и степенью разработанности лексики, используемой для его означивания. С нашей точки зрения, здесь правомерно задаться вопросом, насколько культурная категоризация может совпадать с языковой и можно ли поставить между ними знак равенства.

Определяя культуру как коммуникацию, а коммуникацию как культуру, Э. Холл проводит параллель между коммуникативными ситуациями и культурными ситуациями. Составные элементы могут изучаться изолированно, как и слова в языке, но подлинное свое значение они обретают только в контексте культуры. Из них создаются сообщения, которые автор объединяет по функциональному признаку в десять основных систем: взаимодействие между индивидами, объединения (группы, классы), поддержание жизнеспособности, отношения между полами, восприятие пространства и отношение к территории обитания, восприятие времени, обучение, игра, оборона и взаимодействие с окружающей средой. Хотя автор называет их «основными системами сообщений» (primary message systems), в рамках теории коммуникации приведенный выше список, скорее всего, характеризует деятельностный, социальный и пространственно-временной контекст, в котором происходит передача и восприятие сообщения. Эти системы, по-видимому, частично совпадают с описанными выше «культурными порядками» и «культурными универсалиями», так как их выделение также определяется теми универсальными потребностями людей, для удовлетворения которых существует культура.

Анализ концепции Э. Холла приводит нас к выводу о необходимости более глубокого исследования категории контекста в условиях межкультурной коммуникации. В лингвистической теории коммуникации прагматический контекст включается в коммуникативную ситуацию как ее составная часть, поскольку он во многом определяет форму и содержание высказывания⁸. Однако механизм учета прагматического контекста в процессе обработки информации и интерпретации вербального сообщения до

конца не выявлен. Культурные факторы будут неизбежно участвовать в этом процессе, так как, по мнению многих исследователей, культура действует в качестве «фильтра» или «экрана» между носителем культуры и окружающей средой. Она определяет объем и содержание информации, которую мы отбираем для себя из окружающего мира и из общения с другими людьми.

Роль контекста подробно рассматривается Э. Холлом в работе «Beyond Culture»⁹. Контекстуализация (contexting), по его определению, заключается в способности человеческого мозга восполнить недостающую информацию. Внутренняя контекстуализация основывается либо на фоновых знаниях, либо на сигналах, подаваемых нервной системой. Внешняя контекстуализация – это информация, извлекаемая из контекста ситуации.

Как показывают исследования Э. Холла, различия в способах контекстуализации приводят к возникновению различий в формах поведения. Так, например, в культурах так называемого «высокого контекста» важная часть информации в процессе общения должна быть извлечена из внешнего контекста ситуации или из представлений собеседников. Говорящий ожидает, что слушатель поймет его проблемы, хотя они не названы и прямо не изложены. В культурах этого типа существует четкое разграничение между «своими» и «чужими», при этом в рамках определенной социальной группы вышестоящие несут ответственность за поступки нижестоящих. Процесс коммуникации в этих культурах протекает экономно, быстро и эффективно, но дополнительное время затрачивается на извлечение скрытой информации. Большое значение имеет не то, что говорится, но то, как это говорится, кто говорит и что стоит за сказанным.

Культуры низкого контекста более открыты для чужих, там возлагаются большие надежды на работу «системы» созданных социальных институтов, а не на личные отношения в группе. В процессе коммуникации вся основная информация при передаче сообщения содержится в нем самом в эксплицитной форме.

Культурный контекст ситуации общения, по-видимому, связан с тем, как организованы в рамках данной культуры отдельные культурные порядки. Информация об этом передается и воспринимается с помощью языков культуры. Если считать единицы этих языков знаками, то правильность интерпретации контекста зависит не только от содержания, передаваемого знаком, но и от прагматической ценности знака. Примером такой прагматической ценности может служить в японской культуре глубина поклона, зависящая от социального статуса и пола собеседника.

Речевая деятельность, которая всегда протекает в рамках определенного культурного контекста, может для удобства исследования отделять-

ся от других видов деятельности, но, как справедливо отмечает М.В. Никитин, она «вместе с тем является продолжением и частью действительного мира и деятельности людей»¹⁰. Информация, получаемая при правильной интерпретации невербальных сообщений, передаваемых языками культуры (организация пространства, одежда собеседников, язык жестов и т.д.), в условиях интракультурной коммуникативной ситуации, позволяет выбрать адекватные вербальные средства (слова, синтаксические конструкции, речевые клише) и избежать коммуникативных неудач.

Таким образом, категория культурного контекста позволяет выстроить модель, представленную на рисунке 1.

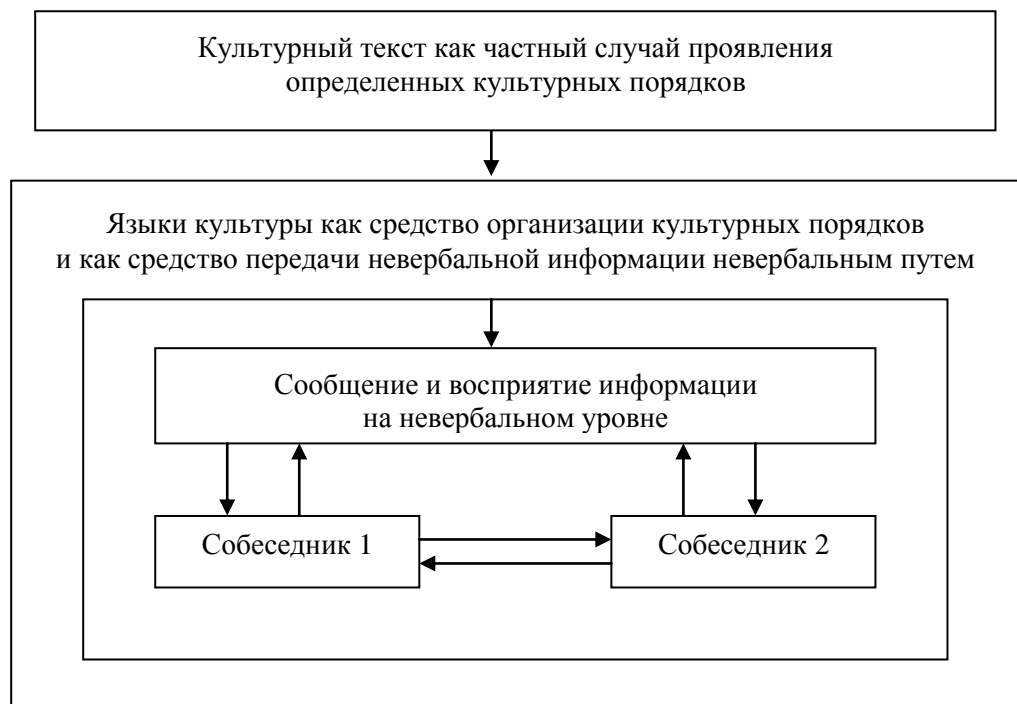

Рис. 1. Обмен информацией в культурном контексте

Таким образом, первым ключом к пониманию невербальной информации, передаваемой языками культуры, является знание присущих данной культуре особенностей организации культурных порядков. К сожалению, существующие в теории межкультурной коммуникации описания культурных порядков не обладают той научной четкостью, которая присуща описаниям естественных языков в лингвистике. Тем не менее, рассмотрим некоторые из них.

Э. Холл выделяет два типа культуры в зависимости от особенностей организации деятельности во времени и пространстве. В монохронных культурах время четко сегментировано, деятельность обычно подчинена заданному расписанию. В определенный промежуток времени человек концентрируется на выполнении одной задачи, то есть проблемы решаются по мере их поступления. В полихронной культуре несколько событий проходят одновременно, при этом значение расписания не столь велико, заранее назначенные встречи отодвигаются, один и тот же человек может быть одновременно вовлечен в несколько видов деятельности.

Описание полихронных культур у Э. Холла подтверждает наше предположение о том, что различия в организации культурных порядков связаны с прагматической ценностью знака в языке культуры: «Заранее назначенные встречи не имеют того значения, которое они имеют в Соединенных Штатах. Они постоянно переносятся» (Перевод наш. – И.Ш)¹¹.

Если провести параллель между языковым знаком и знаком языка культуры, то следует предположить, что последний, как и первый, обладает семантическим и прагматическим аспектами, то есть свойством не только обозначать, но и выражать отношение пользователя к самому знаку и денотату знака. При этом важно отметить, что в современной лингвистике оба аспекта все чаще рассматриваются во взаимодействии и взаимо-проникновении и «семантика... функционально смыкается с прагматикой»¹². С нашей точки зрения, взаимопроникновение двух аспектов в знаке языка культуры доходит до степени слияния. Например, в одной культуре манера смотреть в глаза собеседнику во время разговора расценивается как проявление искренности и уважения. В другой культуре такая манера расценивается как проявление неуважения. Один и тот же знак обозначает прямо противоположное в разных культурах, но эта противоположность заключается именно в оценке знака собеседником. Оценка в свою очередь обусловлена принятой в культуре системой ценностей, являющейся неотъемлемой частью культурной картины мира.

Факторы, обуславливающие правильную интерпретацию знака языка культуры, можно представить в виде схемы (рис. 2).

Культурная картина мира влияет на все компоненты схемы: организацию культурного порядка, общую систему языка культуры и содержание знака, в котором неразрывно соединились его семантика и прагматика. Язык культуры создается для определенного культурного контекста и вместе с ним определяет содержание знака и его правильную интерпретацию.

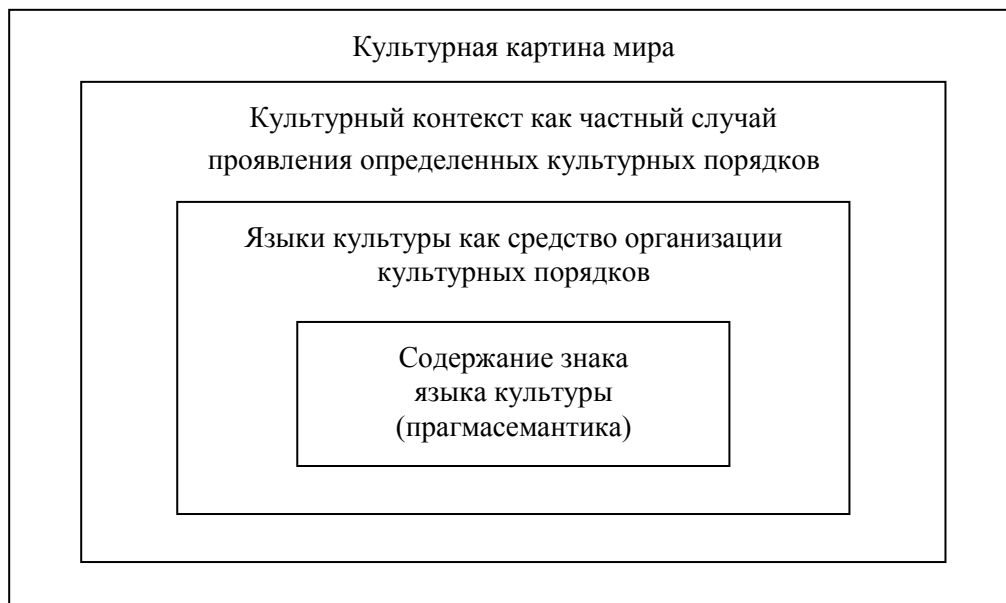

Рис. 2. Содержание знака в культурном контексте

Э. Стюарт предлагает модель, которая в некоторой степени может способствовать выявлению взаимосвязей между особенностями организации культуры и ценностным компонентом культурной картины мира. Он анализирует американскую культуру по четырем параметрам: формы деятельности, формы отношений между людьми, восприятие мира и восприятие себя¹³. Модель Э. Стюарта, несомненно, представляет огромный интерес, однако она все же несколько расплывчато представляет взаимосвязи между культурной картиной мира, организацией культурных порядков и языками культуры.

Сделав из его анализа дополнительные выводы, мы можем представить, как ключевые ценности американской культурной картины мира определяют организацию различных форм деятельности. Некоторые из наших выводов представлены в таблице 1.

Э. Стюарт, Э. Холл и многие другие авторы убедительно показывают на примерах, что представители американской культуры, оказываясь в других странах и сталкиваясь с иной системой ценностей, а следовательно и с другими формами организации деятельности, испытывают большие затруднения в интерпретации языков чужой культуры. Так, американцу трудно понять, почему официальное лицо во время заранее

назначенной встречи общается не только с ним, но и еще с несколькими людьми¹⁴. Ему, привыкшему считать физические упражнения и заботу о своем здоровье частью цивилизованной жизни, также трудно смириться с тем, что у индейцев Аритама (Колумбия) больной считается чуть ли не священным лицом.

Таблица 1

Организация форм деятельности на основе ключевых ценностей

<i>Ключевые ценности</i>	<i>Формы деятельности</i>
Ориентация на осязаемый результат, успех, достижение	<p>1. Определенным образом организованная система принятия решений и разрешения проблем:</p> <ul style="list-style-type: none"> • необходимо, чтобы в процессе принимали участие все, на ком может сказаться результат; • каждый участник процесса должен занимать активную позицию; • необходимо по возможности принять во внимание последствия данного решения для каждого; • необходимо рассматривать альтернативные пути решения проблемы; • те, кто принимал решение, должны нести за него ответственность; • последующая за принятием решения деятельность представляется как цепочка событий, которые должны быть распланированы. <p>2. Организация конкуренции между участниками в ходе деятельности для повышения мотивации.</p> <p>3. Принятие рискованных решений в случае необходимости.</p>
Ориентация на активную трудовую деятельность, осуждение праздности, стремление быть чем-то занятым	<p>1. Построение успешной карьеры, самореализация в профессиональной деятельности.</p> <p>2. Признание за людьми, добившимися успеха в работе, права на управление другими людьми.</p> <p>3. Приоритет работы над развлечением с точки зрения затраченных усилий и времени.</p>
Ориентация в будущее, которое ассоциируется с прогрессом	<p>1. Монохронная организация труда во времени (см. выше).</p> <p>2. Повышение благосостояния как критерий прогресса.</p> <p>3. Использование окружающей среды для достижения материального прогресса.</p>

На самом деле дать системное описание языка культуры по типу лингвистических описаний естественных языков чрезвычайно трудно, о чем свидетельствует неудачный, с нашей точки зрения, опыт Э. Холла.

Но возможно установить связь между содержанием знака, особенностями его использования в определенном культурном контексте и ключевыми ценностями, зафиксированными в культурной картине мира. Покажем это на примере, который мы использовали выше, и представим в таблице 2.

Таблица 2

Содержание знака культуры
как проявление культурных ценностей

Знак языка культуры	Манера смотреть в лицо собеседнику
Культурный контекст	Разговор (то есть вербальный обмен информацией) двух людей.
Содержание знака	Уважение, открытое и дружелюбное отношение к собеседнику.
Ценности культурной картины мира	Признание равенства людей в обществе, важность открытого проявления дружелюбия.

Отметим, что данная таблица справедлива для культур, в которых отсутствует жесткая иерархия в социальных и возрастных отношениях. Опускание глаз в разговоре с более старшим по возрасту или вышестоящим по социальной лестнице как проявление уважения характерно для культур с иными ценностями. Но предложенная в таблице интерпретация знака обусловлена не только ценностями культурной картины мира, но и культурным контекстом. В иной ситуации, например в общественном транспорте и с незнакомым человеком, данный знак может трактоваться как оскорбление.

Таким образом, правильная интерпретация знака языка культуры предполагает знание культурной картины мира и особенностей организации культурного контекста. Этот вывод, сделанный на основе теоретического анализа, имеет важное практическое значение для курсов теории и практики межкультурной коммуникации. Цели и задачи этих дисциплин должны включать компетенции, позволяющие научиться интерпретировать знаки в процессе межкультурного общения. Эти компетенции включают комплексы умений, основанных на понимании того, что картина мира каждого человека формируется под влиянием определенных культурных норм и ценностей, и на способности преодолевать стереотипы и мифы как в отношении чужой культуры, так и своей собственной. Студенты, завершающие изучение предметов, связанных с теорией и практикой межкультурной коммуникации, должны уметь сопоставлять культурный опыт людей разных национальностей, находить в нем общее и особенное, объяснять, как и почему ценности, нормы, верования людей влияют на принятие экономических

и политических решений, как от культурного опыта зависит мировоззрение человека, а также определять те отличия в культурах, которые могут повлечь возникновение стереотипов. Эти умения позволят выпускникам университета непредвзято интерпретировать особенности коммуникативного поведения собеседников, а в тех случаях, когда некоторые формы поведения окажутся непонятными, искать логичные, рациональные объяснения, не преувеличивая негативные аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гирц, К. Интерпретация культур. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.

² См.: Bickel, B. Spatial orientations in deixis, cognition, and culture: where to orient oneself in Behare // Language and conception / ed. by Jan Nuyts and Eric Pedrson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – P. 46–83.

³ См.: Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999.

⁴ См.: Морфология культуры. Структура и динамика / под ред. Э.А. Орловой. – М. : Наука, 1994.

⁵ См.: Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М. : Academia, 2002.

⁶ Морфология культуры. Структура и динамика. – С. 74.

⁷ См.: Hall, E.T. Beyond culture. – N.Y. : Anchor Books, Doubleday, 1989.

⁸ См.: Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989.

⁹ См.: Hall, E.T. Op. cit.

¹⁰ Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / Научный центр проблем диалога. – СПб., 1996. – С. 719.

¹¹ Hall, E.T. Op. cit. – P. 18.

¹² Никитин, М.В. Указ. соч. – С. 722.

¹³ См.: Stewart, E. American cultural patterns. A cross-cultural perspective. – Yarmouth, Maine : Intercultural Press Inc., 1972.

¹⁴ См.: Hall, E.T. Op. cit.

Т.В. Федосеева

О ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XVIII И XIX ВЕКОВ

К последовательному изучению путей формирования историзма как методологического принципа в русской литературе рубежа XVIII и XIX веков наши литературоведы обратились в начале 1980-х годов.

Г.П. Макогоненко в обстоятельной статье «Из истории формирования историзма в русской литературе» приводил убедительные доводы в пользу эволюции просветительского мышления, определившего мировоззрение человека порубежной эпохи не только в Европе, но и в России. Его специфику в отечественном литературном движении ученый связывал с критическим восприятием идеологии, методологии и философии Просвещения, диалектикой европейской идеи общественного «прогресса» и традиционного для национального русского сознания метафизического мирозерцания¹. Были обнаружены следы влияния теории И.Г. Гердера о «духе времени» и «духе народа» на творчество Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева, прослеживался индивидуальный путь писателей и поэтов к выработке собственной, на русской почве сформировавшейся исторической концепции. И.Ю. Фоменко, обобщая свои наблюдения за формированием исторических представлений М.Н. Муравьева и его современников, пишет: «В последней трети XVIII века русская историческая мысль мучительно преодолевала односторонность и умозрительность концепций и методов историографии Просвещения, одновременно сохраняя всё положительное, что в ней имелось...»². Очевидная мировоззренческая неоднородность в осмыслении закономерностей бытия, отличавшая сознание русского человека в порубежную эпоху, по справедливому замечанию А.В. Михайлова, нашла отражение в поэтике и принципах организации художественного целого. «...С началом XIX века, – пишет ученый, – появляется возможность того, чтобы единство возникало из смеси разнородного и строилось на почве, подготовленной только что обретенным <...> чрезвычайно напряженным отношением к историческому развитию»³.

В современном литературоведении историзм художественного мышления рубежа веков рассматривается как одно из условий перехода от поэтики «традиционализма» к «индивидуальному творчеству»⁴. Тогда шло постепенное формирование представления о непосредственной обусловленности национальной литературы историей народа. Все большее значение для русского общества приобретало устное народное поэтическое творчество, мифология, древнерусская словесность. Собирались и активно издавались важнейшие памятники духовного развития нации. Широкое распространение получили рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц, духовных стихов. М.К. Азадовский утверждал, что «в XVIII веке был накоплен уже значительный фактический материал и выдвинуты основные проблемы, ставшие надолго в центре дальнейших фольклористических изучений и исследований»⁵.

Уже в 1760-х годах в русскую литературу, по справедливому суждению В.Ю. Троицкого, «мощным потоком вторгаются темы и образы, со-

зданные народной поэтической фантазией и древними преданиями»⁶. В сборниках М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768), М.И. Попова «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1779–1781), В.А. Лёвшина «Русские сказки» (1780) и «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787) проявляется новое отношение к фольклору. Эти произведения отличались сложностью структурной организации – рассказ о приключениях героев часто прерывался введением вставных повестей и эпизодов. Рассказчик соединял, «причудливо сплетая различные сюжеты», заимствованные из древнерусских преданий, былин, русифицированных волшебных-рыцарских переводных романов и вымышленные самим писателем⁷. Прием «остранения» в повествовании посредством введения вымышленных образов рассказчиков позволял автору выразить собственное ироническое отношение к сказочной фантастике, комментировать и оценивать качество самого повествования. Многие темы, образы, мотивы из названных выше произведений, как и сам принцип соединения вымышленного или исторического события с его отражением в сознании человека «просвещенного» века, позднее были заимствованы авторами предромантических произведений различных жанров. Назовем лишь некоторые: «Бова. Повесть богатырская стихами» А.Н. Радищева, «Добрыня, богатырская поэма» Н.А. Львова, «Громвал» Г.П. Каменева, «Бахариана, или Неизвестный» М.М. Хераскова, «Светлана и Мстислав. Богатырская повесть в четырех песнях» А.Х. Востокова, «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина.

Ранние опыты создания произведений «в народном духе» отразили существовавшее на рубеже XVIII и XIX веков отношение к истории. Многие в отдаленном прошлом оставались неясным, история сливалась в сознании с легендами, «молвою», мифологией. Интерес к характеру народных верований и мифологии породил целый ряд соответствующих публикаций. В числе первых были «Краткий мифологический лексикон» (1767) и «Абевега народных суеверий» (1786) М.Д. Чулкова, «Краткое описание древнего славянского баснословия» (1772) М.В. Попова. Эти опыты, как и другие, следовавшие за ними, отличались стремлением восстановить максимально целостную картину языческого «пантеона» древних славян при отсутствии достаточного материала. Сами авторы утверждали, что предназначали свои работы «больше для стихотворцев, нежели для историков», служили скорее «увеселению» читателей, чем сообщению им «важных исторических справок»⁸. Г.А. Глинка в предисловии к «Древней религии славян» (1804) признавался: «Описывая произведения фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях буду наполнять собственную, под древнюю статью фантазию...»⁹. Таким был общий подход к собира-

нию и описанию сохранившихся в народе и памятниках древней истории свидетельств о верованиях славян. Здесь, как и в других областях искусства и зарождающихся гуманитарных наук, важное место отводилось творческому воображению. Фантазия в данном случае не столько давала возможность представить образ мысли и чувствования человека в непромышленном, дохристианском мире, сколько отвечала потребности в неподражательном творчестве.

М.К. Азадовский утверждал, что в конце века уже наметились пути научного подхода к памятникам национальной культуры. Стихийный интерес к фольклору и верованиям древних славянских народов входил в русло, множество печатных и рукописных источников проходило специальную обработку, устанавливались критерии их отбора и оценки¹⁰. В 1801 году в «Дружеском литературном обществе» Андреем Тургеневым была произнесена речь об оригинальности русской литературы и о значении для современных авторов народного творчества как содержащего объективное представление об отечественной истории и духовности народа. Эти идеи нашли отражение в поэтическом творчестве А.Ф. Мерзлякова, В.А. Жуковского, других участников кружка. В 1808 году, обобщив поэтический, собственный и коллективный опыт, А.Ф. Мерзляков публично произнес речь «О духе, отличительных свойствах поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы и на благосостояние народное». В 1809 году в качестве приложения к журналу «Московский вестник» выходил еженедельник М.Н. Макарова «Русское национальное песнопение» с текстами песен, историческими комментариями, сведениями о национальной мифологии. В 1812 году опубликована первая редакция «Опыта о русском стихосложении» А.Х. Востокова.

Наряду с произведениями устного народного творчества и национальной мифологией, достоверные сведения о древнеславянской и древнерусской истории общество получало из летописных источников. В XVIII веке были открыты многочисленные списки древних русских летописей. Многими деятелями культуры они были восприняты не только как непосредственное свидетельство времени, но и как образец письменной речи, сохранивший лучшие черты церковного красноречия и выразивший традиционное для России мировосприятие. Внимание было обращено на способы выражения авторского отношения к описываемым событиям и лицам, передачи нравственного, душевного, духовного мира человека. В древних летописях искали ответы на вопросы современной жизни, находили образное воплощение идеального героя. Образ легендарного летописца Нестора, к примеру, скоро стал для русских поэтов символическим, идеальным воплощением в человеке вдохновенной гражданствен-

ности и бескорыстного служения долгу и отечеству, свободного выбора человека с цельным характером.

Интерес к истории был во многом обусловлен переоценкой значения реформ и личности Петра Первого. Стремясь восстановить весь тысячелетний путь нации, к написанию истории обращались крупнейшие деятели словесности и общественной жизни. Как известно, фундаментальные труды М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Ф.А. Эмина во многом стали определяющими для историографии последующих десятилетий¹¹. Э.Л. Афанасьев в своем недавнем труде «На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. – 10-х гг. XIX в.)» (М., 2002) тщательно исследовал пути создания историографического текста и выделил три ступени освоения почерпнутых из древних источников материалов¹². Отрывки из летописей и хронографов сводились в один текст, затем устранялись все явные противоречия, уточнялись детали и только после этого историограф «переводил» повествование на язык просвещенного XVIII века. Автор вносил в повествование собственные объяснения, морализацию, психологические мотивировки, элементы остроты и развлекательности. При этом он стилизовал язык, используя все средства поэтической выразительности, свойственные древнерусским текстам. Э.Л. Афанасьев пишет о беллетризации исторического повествования, соединении фактографии и художественности, литературного мастерства и моральной оценки¹³. В повествование об исторических событиях вводились занимательные сюжеты, исторические анекдоты, при этом выбор падал на те, которые ярко передавали характер эпохи и нравы. Психология человека представлялась сложной, личность проявляла себя в горении страстей, внутренних противоречиях и контрастах.

В начале нового века возросла потребность в осмыслении вновь открытой широким слоям общества русской старины для литературы и искусства. Здесь тоже очевидной являлась преемственность двух эпох. В 1802–1804 годах состоялся обмен мнениями по этому поводу. Начало дискуссии было положено статьей Н.М. Карамзина «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств». Критерием отбора исторического материала для писателя, по убеждению Н.М. Карамзина, должно служить чувство патриотизма, возможность гордиться делами и поступками предков, поэтому предпочтение следует отдавать поучительным и занимательным эпизодам. Произведение искусства призвано пробудить интерес к истории через потрясение чувства, через яркий образ и запоминающуюся идею. Наибольший интерес для художника, по мнению автора статьи, представляют внутренний мир человека, проявления характера, способные вызвать восхищение. Поэтому

чувства предков, их радости и горести, величие и слабость должны быть приближены к современности¹⁴.

Выраженная Н.М. Карамзиным точка зрения была подвергнута сомнению в статье, опубликованной Александром Тургеневым в «Северном Вестнике». Здесь утверждалось, что необходимо «внимание к подлинному факту», «к мелочам, из которых складывается постижение специфического духа, особой исторической и национальной атмосферы»¹⁵. Третья позиция была обозначена в статьях А.А. Писарева, который отмечал, что «поэзия, равно как и все художества, стараться должна избирать предметы полезные, которые бы служили уроком в нравственности всякому возрасту и полу людей»¹⁶. Так с различных сторон были представлены основные позиции предромантического историзма: интерес к национальной теме, сосредоточенность на воспроизведении индивидуальных характеров, склонность к субъективной трактовке исторического события, лиризм повествования, актуализация яркости, выразительности, «живописания» образа и обстановки, извлечение из истории нравственного урока для современности¹⁷.

В сознании русского человека рубежа веков происходило осмысление памятников древней письменности, мифологии, фольклора, историографии XVIII века и художественного пересоздания исторических событий, на основании чего создавалась некая общекультурная целостность. Повторяющиеся, наиболее характерные легендарно-исторические моменты запоминались как национальное родовое предание, многие из этих историй бытовали и в устном пересказе. «Такой плотный, спаянный, сплавленный воедино состав своею прочностью, неразложимым единством и неподатливой твердостью частей, лежащих в основании, напоминал мифологические представления. Древняя национальная история <...> начинает переживаться как нечто сакральное, как миф»¹⁸. Складывалось особое рода мышление, которое и определило художественную интерпретацию древней истории через характер современного мировосприятия и личностную рефлексию.

В литературе русского предромантизма отношение к человеку как неповторимой индивидуальности только складывалось. В стадии становления находился также индивидуально-творческий тип художественного сознания. Поэтому вполне справедливым является суждение А.Н. Пашкурова о том, что образ лирического субъекта в творчестве многих поэтов эпохи был результатом «личностной рефлексии», являющейся «промежуточным звеном между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма»¹⁹. Сравнительно с «традиционалистской» рефлексией, оценивавшей создателя литературного произведения с точки зрения мастерства, способности в большей или меньшей степени соответ-

ствовать жанровому образцу, «личностная» рефлексия ориентирована на творческое создание нового средствами воображения и фантазии. Художником мир произведения основывался на личностном восприятии конкретным человеком мира в целостности реального и идеального. Художественный образ становился внутренне сложным, хотя до создания исторически конкретного и психологически достоверного образа было еще далеко.

Теоретическое осмысление нового направления в литературе состоялось во второй половине 1810-х – начале 1820-х годов. Для П.А. Вяземского романтизм выражался в оригинальности художественного мышления, самобытном отношении к миру, начало которым следует искать в творческой индивидуальности поэта, его неповторимом жизненном опыте, тесно связанном с национальным бытом²⁰. Представители русского гражданственного романтизма суть нового метода видели в национальном своеобразии творчества и народности литературы. Об этом говорил А.А. Бестужев в своих литературных обзорах 1823–1825 годов, утверждая, что романтизм выражается не только в форме, но и в содержании. «В разряд чисто романтической поэзии» он включал «Думы» К.Ф. Рыльева, считая, что они выросли на почве устного народного творчества и в современных условиях представляют собой «воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице»²¹. На первое место критик ставил личность автора и, следовательно, его отношение к историческому событию, субъективно-лирическую разработку темы.

На формирование русского предромантизма оказал значительное влияние западноевропейский опыт освоения литературой национально-исторического материала. Эта сторона вопроса тщательно изучалась нашим литературоведением в течение ряда десятилетий, поэтому остановимся лишь на тех аспектах, которые прямо связаны с темой данной статьи. Определяя методологические основы европейского предромантизма, М.Б. Ладыгин писал об особом отношении к истории, о том, что писатели «стремились изображать своего героя с точки зрения его исторического окружения, то есть в мотивировке мыслей, чувств и самого поведения налицо историческая определенность»²². Произведения предромантиков, написанные на историческом материале не были вполне историчны. Авторы стремились к воссозданию самой атмосферы прошлого через воспроизведение примет, деталей быта, обычаев, верований. Они опирались на собственно научное историческое знание, предпринимали шаги к освоению мифологического, фольклорного наследия, прибегали к стилизации и мистификации. Не случайно столь значительным было влияние на русскую литературу поэтики «оссианизма».

А.В. Архипова в ряде работ по истории русской литературы формирование предромантического историзма справедливо соотносит с выработкой в литературе рубежа веков особого «оссианического» стиля. Исследовательница склонна называть сам этот историзм «оссианическим». «В широком смысле оссианизм не сводился к отдельным заимствованиям (сюжетные эпизоды или описания бардов, воинов и ночных бурь), – отмечено в одной из ее работ, – а окрашивал весь стиль произведения, создавая мрачный печальный колорит с некоторой долей мистицизма...»²³.

Известно, что первое печатное упоминание о «Поэмах Оссиана» относится к 1768 году, а появление русского перевода – к концу 1780-х – началу 1790-х годов. Изданные Дж. Макферсоном под именем древнего шотландского барда стилизованные поэмы привлекли внимание, очевидно, выражением настроения и философии жизни, соответствующих предромантическим. Актуальным для времени был образ волевого и деятельного героя, привыкшего принимать самостоятельные решения и добиваться поставленной цели, привлекательным – настроением легкой меланхолии, значительными – мысли о бренности всего земного и яркая образная параллель «человек – природа».

Одним из первых под обаяние оссиановской поэзии попал Н.М. Карамзин, который перевел стихами из Оссиана поэмы «Картон» и «Сельские песни»²⁴. Современными исследователями отмечено, что интерес не был исчерпан первыми переводами – в 1798 году вышла в свет статья «Оссиан». Содержание статьи включает в себя оценку основанных на фольклорных источниках поэтических произведений Дж. Макферсона и его последователей с позиций эстетической и исторической. Был обнаружен иноязычный источник статьи Н.М. Карамзина – анонимная рецензия Дж. Смита на французское издание «Гэльских древностей»²⁵. О.Б. Кафанова заметила, что русский автор не во всем следует за источником, он делает самостоятельные наблюдения и выводы о значении поэзии Оссиана, указывает вслед за французским источником на некоторые недостатки поэтической системы шотландского барда, вольно или невольно сравнивая эту стилизованную поэзию с современной, отмечает однообразие в выражении чувства, неоправданные повторы, отсутствие идеи Бога. Общая же оценка поэтического мастерства автора в целом была высокой. Н.М. Карамзин более всего ценил в «Поэмах Оссиана» те черты, которые соответствуют художественности сентиментализма – лиризм и трогательность описаний, меланхолию и сожаление о быстротекущей жизни, о близких людях, с которыми пришлось расстаться. Акцентированы вместе с тем соответствующие поэтике предромантизма особенности: недосказанность и налет таинственности в изображении, сочетание живописности и тонкого лиризма, «блестящие краски» и «разнообразные тени для выражения

чувств». В 1792 году в России вышло наиболее полное двухтомное издание поэм Оссиана в переводе Е.И. Кострова. Этот прозаический перевод был признан и долгое время оставался, судя по изысканиям Ю.Д. Левина, лучшим²⁶.

Кроме стиля «Поэм Оссиана» русских писателей привлекала оригинальная образность древнескандинавской мифологии и поэзии, представление о которой складывалось по «Введению в историю Датскую» П.-А. Малле (в России вышло в 1785 году)²⁷. В литературе наблюдалось явное смешение «оссианического», скандинавского и древнерусского колорита. Ф.Я. Прийма писал о творчестве Г.Р. Державина рубежа веков: «“Слово о полку Игореве” ассоциировалось в сознании поэта не только с произведениями русского былинного эпоса и народными песнями, но даже с такими явлениями, как псевдославянская мифология, скандинавский эпос и поэзия Оссиана»²⁸. В поэзии и прозе сложился особенный, «северный», стиль, где древнерусское и скандинавское влияние довольно часто получало значение «оссианического».

«Оссианический» колорит стал неизбежен для писателей, обратившихся к теме исторического прошлого, к старине. В основных своих чертах – сочетании дикости и величия; мрачных, преимущественно ночных, туманных, пейзажах; скорбном меланхолическом тоне – он воплощал собой северную природу. Мистификация Дж. Макферсона тогда в России раскрыта не была, и автор «Поэм Оссиана» воспринимался как древний бард, народный певец-сказитель, подобный русскому Бояну. Творения «шотландского барда» усваивались русской литературой наряду с характерными формами отечественного фольклора и древней письменности. Герой древности в представлениях человека нового времени воплощал собой идеал, в котором мужество и преданность долгу не противоречили нежным чувствам, а стремление отстоять свою личную свободу и право на счастье предполагало борьбу за свободу своего народа, своей родины. Лирическое начало соединялось с героическим.

«Северный» стиль предполагал не только отдельные заимствования, но и создание общего мрачного колорита и элегического настроения, связанных с темой быстротекущего времени и тленности всего земного. Постепенно отдаленное историческое прошлое как золотой век гармоничного существования человека в мире становится источником условно-поэтического изображения, противопоставленного современной действительности, в которой утрачена первоначальная целостность мира и побеждают преступные наклонности человека²⁹.

К поэтике предромантизма явное тяготение демонстрировали поэты-сентименталисты М.Н. Муравьев и П.Ю. Львов. Творчество М.Н. Муравьева с этой точки зрения рассматривалось нашей наукой и ранее. Новаторские

черты в стиле и характере жанрообразования его поэтических произведений исследовались В.А. Западным³⁰. Опередив своих современников, М.Н. Муравьев, как отметила Л.И. Кулакова, первым отказался от традиционного жанрового деления в лирике и эпосе, хотя именно новое «оставлял незаконченным в черновиках»³¹. В.И. Федоров, считая просветительские взгляды писателя определяющими, а творчество в значительной степени соответствующим принципам «развивающегося сентиментализма», находил в нем и предромантические черты. Исследователь подчеркивал, что поэт явно предпочитал «живописность» У. Шекспира нормированной поэтике французских драматургов, обнаруживал в своем творчестве начатки исторического мышления: античное искусство было понято им как отражение конкретно-исторического периода национального развития. К поэтам-современникам Муравьев обратился с призывом к «полному раскрытию творческого процесса от рационалистических пут»³². Как новаторскую в жанровом и стилевом отношении прозу писателя оценивает И.Ю. Фоменко³³.

Повесть М.Н. Муравьева «Оскольд» (1794–1796) явилась одним из первых произведений на темы русской истории в оссиановском духе. В нем отразились исторические взгляды писателя, которые представляли собой сложную систему, выстроенную в процессе критического усвоения идей европейского Просвещения и содержащую «целый ряд самостоятельных выводов»³⁴. Среди них было противоречившее просветительской идее «прогресса» утверждение сложного взаимовлияния народов, когда не только более развитые способны повлиять на судьбу менее цивилизованных, но возможно и обратное.

Произведение дошло до нас в виде фрагмента, который был опубликован уже после смерти автора с подзаголовком «Из отрывков древних скальдов»³⁵. Рассказ о походе на Царьград объединенных северных народов, варягов, руссов, славян, обрывается практически в самом начале. Однако автором дано подробное описание многочисленного воинства. Предводитель объединенных дружин Оскольд, покровительствуемый Одином – главным богом в скандинавской мифологии, ведет войска, чтобы вернуть народам веру их предков, «уничтожить власть греческих богов» (С. 290). Он полон решимости и выдерживает суровое испытание, которое посылает ему бог-покровитель.

Рассказ ведется от имени певца-скальда, который соединяет описание воинства с лирическим пейзажем. Пейзаж, песенное обращение певца к «отчаянной девице», потерявшей жениха русской княжне, имена мифологических богов и героев – все создает атмосферу древности в духе Оссиана и «Слова о полку Игореве». Описание лагеря и воинов, битвы Оскольда с таинственным призраком имеют, как показал Ю.Д. Левин, прямые

параллели в сочинениях Дж. Макферсона³⁶. Включаются в повествование и воспоминания героя о предшествовавшем походу обряде посвящения в воины. Мысленному взору читателя представляется другая картина: в окружении соплеменников юноше состригают волосы и приносят их в жертву богам, затем перепоясывают его «сияющим мечом». Неподалеку от места совершения обряда находится Искерда, возлюбленная посвящаемого «в воинство» Радмира. Она теряет сознание, потому что после обряда влюбленных ожидает разлука – родители не дают согласия на их союз. Наблюдая происходящее, Оскольд вспоминает о своей трагически закончившейся любви. Он как будто снова видит погибшую возлюбленную Етельвинду: «Как молния, сверкнувшая во тьме ночной, изобразилось то счастливое мгновение, в которое нарекла она его властелином сердца своего» (С. 298). В повествовании объединяются образ чувствования певца-скальда, героя и современного повествователя. Им свойственны общий взгляд на события героического похода, отношение к любви, гуманистический образ мыслей. Драматическому характеру любовной истории каждого из персонажей соответствует общий элегический настрой повествования. Не противоречит он и патриотической теме, мотивам жертвенности, разлуки, потери любимого человека. Этому настрою вполне отвечает «оссианический» характер пейзажа.

Предыстория храброго Оскольда – соперничество с рыцарем Рингвальдом, которое вылилось в поединок, победа и заслуженное счастье взаимной любви, явление призрака побежденного рыцаря и сражение с ним – активизирует в произведении любовную тему и элементы рыцарского романа. Далее тема развивается в отношениях Радмира и Искерды. Герои повести наделяются не только мужественными и непреклонными сердцами, они живут для отечества и «дерзают умереть за него бестрепетно», но способны и к нежным чувствам.

М.Н. Муравьев создает живописный образ «старины». Обращаясь к обрядам и обычаям древних славян, писатель вводит символику и поэтические элементы «оссианизма» (обращение к «златым струнам арфы», образы «старцев в одеждах, белейших снега»). В речи певца-скальда упоминаются языческие предметы поклонения северных народов, «храм богов», «древние дубы священные». Они соседствуют с элементами христианской обрядности: «Уже отверзаются огромные врата священного храма, и толпа наполняет его пространные притворы...» (С. 293). Колорит русского Средневековья довольно условен – собственно исторические детали смешиваются с элементами мифологии и современной литературы.

Очевидно влияние на художественное мышление писателя просветительской «теории среды». Существование северных народов в условиях ярко выраженной смены времен года, бурных и враждебных человеку

проявлений природы, в окружении суровых ландшафтов, наделенных особенным, мрачным типом изменчивой красоты, сформировало характер мужественный, деятельный и благородный. Происходило своеобразное объединение «оссиановского» и древнескандинавского колорита с древнерусским, потому что сходными были условия существования народов, воссоздавался соответствующий характер мироощущения. Поэтическое изображение «старины» давалось при этом под явным воздействием психологии современного автору цивилизованного человека. Были акцентированы темы национального своеобразия народа, его мирного и военного быта, героическая, любовная и нравственная проблематика, религиозный вопрос – все то, что особенно занимало русское общество на рубеже XVIII и XIX веков.

Просветительская концепция «естественного» человека, живущего в соответствии с законами природы, реализовывалась в идеализированных, хотя и наделенных национально-историческими чертами образах. В целом же изображение выражало авторскую рефлексию по поводу исторического события.

Такой же тип поэтического мышления выражен в «Храме славы великих россиян» (1803) П.Ю. Львова. В современной науке это произведение оценивается как выражение «субъективно-авторского начала в структуре произведения»³⁷. Историко-художественное повествование соединялось в нем с научно-мифологическим опытом и выражением творческой фантазии автора. В предисловии Львов замечал: «Книга моя не история, а подражательное ей повествование о некоторых предметах»³⁸. Произведение состоит из нескольких частей. Вначале излагается основанный на древних летописях рассказ о происхождении славян и о соединении их с руссами. Далее читатель знакомится с видением-фантазией автора на темы отечественной истории, собственно Храмом славы в подробных описаниях скульптурных изображений. «Мне казалось, – пишет автор, – что я стоял на высочайшей горе, как бы посреди земли, морей и небес; вселенная отверста была моему взору <...> возносились великолепные храмы, торжественные врата и памятники, достойные удивления»³⁹. В следующем разделе содержались «описания кумиров и идолопоклонения славянороссов с картинками празднеств их и игрищ»⁴⁰ со ссылками на современные автору публикации фольклорных материалов. Кроме образов языческих богов, приводились подробные описания народных обрядов.

Завершалось издание «Повестью о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском»⁴¹. К повести автор присовокупляет замечание – «во вкусе тех давних лет», и вводит в текст многочисленные цитаты из «Слова о полку Игореве», летописей и «старинных русских песен». П.Ю. Львов делает попытку непосредственного соединения исторических

описаний с данными славянской мифологии, где божества и герои приобретают аллегорическое значение. Соединение разнородных элементов не становится органическим целым, оно эклектично, и каждый легко просматривается и выделяется из текста. Отдельные фрагменты сосуществуют не по правилам правдоподобия и единообразия, но по принципу гармонизации, и в качестве гармонизирующей доминанты выступает личность автора, от имени которого ведутся описания, рассуждения, повествование.

Предромантический историзм складывался в соединении элементов разнородных источников: национальных, фольклорных и летописных, литературных, классических и современных. Целостность произведения при этом обеспечивалась выражением сознания автора, личность которого проецировалась на образ певца-сказителя и отражалась в образе центрального персонажа. Древнее, дохристианское и раннее христианское существование народов было привлекательно для предромантиков именно своей удаленностью во времени. Обращение к «старине» не стесняло воображения и полета фантазии автора, предоставляло возможность для полного выражения «исторической эмоции» (определение Б.М. Эйхенбаума)⁴². Русская «старина» в характерных проявлениях национального быта интересовала их как хронологически отдаленный, легендарный период становления духа нации, выражающий нравственный, этический и эстетический идеал в его чистом виде.

Своеобразно исторические представления переходной литературной эпохи отразились в художественном сознании А.Н. Радищева. Г.Н. Моисеева, изучив вопрос по архивным материалам писателя и отчасти тексту «Путешествия из Петербурга в Москву», сделала важные выводы о том, что в истории он искал ответы на вопросы современной жизни России и что этот интерес был обусловлен его общественно-политическими идеями. В древнерусских памятниках, законодательных документах, научных трудах по истории древнего мира Радищев искал причины современного состояния России, ответы на вопрос о социальном неблагополучии нации. В истории им выделялся период Новгородской республики, «вечное устройство» которого он считает исконно русским и следы такового находит в других древнейших городах – Киеве, Полоцке, Суздале, Владимире. Соответственно духу времени искал писатель ответ и на вопрос о национальном русском характере⁴³.

В трудах М.П. Алексева этому вопросу уделялось самое серьезное внимание. Его работа «К истолкованию поэмы Радищева “Бова”» представляет особый интерес в связи с темой настоящего исследования. В ней осуществляется истолкование поэмы не традиционно, через сказочно-повествовательную основу, а путем выявления «густо зашифро-

ванных автобиографических намеков и признаний»⁴⁴. Обратившись к тексту вступления, исследователь замечает, что в нем содержится в сжатом виде план всего произведения, большая часть которого до нас не дошла. Намечен маршрут «странствия на Пегасе» лирического субъекта. Этот план предположительно является основой «философско-содержательных частей» произведения, которые в соединении с рассказом о странствиях Бовы должны были выразить отношение автора к истории и современности. «Поездка на Пегасе» представляет собой не только географический маршрут (города, реки, области), но и экскурсии в древнюю и новую историю, имена исторических деятелей разных времен. Начало странствия должно было развернуться, «Где стояло сильно царство / Славна древле Митридата, / Где Тигран царил в Арменьи», и продолжиться в Колхиде, «Где Ясон, обняв Медею, / Укротил сурово сердце». Далее читатель в воображении должен был переместиться в Тавриду, «Где кувыркались чредою / Скифы, греки, генуэзцы»⁴⁵. В предисловии к поэме упоминаются Ермак, «душа велика», князь Владимир, Нестор, Назон.

М.П. Алексеев сопоставил текст «Бовы» с другими произведениями А.Н. Радищева, его письмами и дневниками. Внимание исследователя привлекают явные смысловые переключки и совпадения. «Вступление к “Бове” открывает читателю столь же широкие географические горизонты, – пишет он, – сколь углубленные исторические перспективы... Русская старина и всемирная история не отделяли Радищева от современности». Писатель своей шуточной по видимости поэмой вовсе не собирался просто развлечь своего читателя, он работал над «философской поэмой о современной ему России, о том, как создавалась российская держава»⁴⁶.

В современной науке к вопросу об историческом мышлении А.Н. Радищева формируется новое отношение. А.В. Петров видит в нем выражение предромантического отношения к жизни, для которого было характерно творческое воплощение своеобразного итога поздней просветительской мысли и начало «набирающей силу мысли исторической»⁴⁷. Поэтическое выражение нового типа художественного сознания рассматривается им на примере «историософской» оды Радищева «Осьмнадцатое столетие» (1801). «Век-столетие», по словам ученого, становится героем оды, образ его «генетически восходит к образам «нового года» из эонических од, типологически же соотносится с персонажами научно-дидактических стихов, например, со стеклом из ломоносовского «Письма о пользе Стекла»⁴⁸. Здесь ушедший век представлен в движении, в процессе развития множества конкретных событий и присущих ему противоречий. Традиционная лирическая форма приобретает новое, не свойственное ей ранее содержание. При этом диалектика исторического мышления поэта, как справедливо заключает автор статьи, прямо вырастает из метафизиче-

ских представлений о влияющих на историю неизменных, вневременных факторах, таких, как Божественный промысел, Премудрость и просвещенный Монарх, носителей силы, непосредственно определяющих общественное развитие.

Наблюдения М.П. Алексеева и А.В. Петрова убедительно показывают, как в творчестве А.Н. Радищева трансформируются классические жанровые формы, способствуя выражению владевшего автором критического по отношению к просветительской доктрине предромантического сознания. В поэтическом мире произведений сосуществуют «сказка древних лет» с выражением напряженного размышления о времени и о судьбе, философские идеи показаны проистекающими из предметов реальной действительности, развитие которой зависит не только от сил мировых, но и надмирных. Передается соответствующее времени отношение к всемирной истории и национальному легендарно-мифологическому миру.

Для Г.Р. Державина в его драматическом творчестве начала XIX века чрезвычайно важным был патриотический и гражданский пафос сюжетов, заимствованных из национальной истории и фольклора. На этот аспект поэтом было обращено внимание в предисловиях к «героическому представлению» «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), трагедиям «Евпраксия» и «Темный» (1808). В.А. Бочкарев справедливо отмечал стремление Державина «к точному воспроизведению той обстановки, в которой эти события происходили»⁴⁹. «Точное воспроизведение обстановки» не исключало, конечно, авторского вымысла, главным для Державина было сохранить историческую достоверность обстановки и поведения действующих лиц.

Театральное представление «Добрыня» (1804) обращено к истории дохристианской Руси и посвящено теме героического противостояния русского народа угрожавшим его независимости кочевым племенам. Обстановка русского средневековья воссоздается в пьесе благодаря введению подробных описаний места действия, которое по ходу пьесы изменяется несколько раз, не выходя за пределы города Киева. Эти описания выполнены в традициях предромантической готики, где преобладают мрачные тона, а живописные элементы создают атмосферу таинственности. Для Державина образы легендарного Добрыни и татарского хана Тугарина-Змея не менее историчны, чем князя Владимира. Исторически достоверное он находит не только в древней летописи, но и в национальном фольклоре, вместилище народной памяти. В предисловии к «Добрыне» читаем: «Все действия взяты частью из истории, частью из сказок и народных песен»⁵⁰.

В 1806 году Г.Р. Державиным было написано «героическое представление, с хорами и речитативами в 4-х действиях» «Пожарский, или Осво-

бождение Москвы». Не отвергая необходимости поэтического вымысла при создании художественного произведения на исторический сюжет, автор утверждал, что очень важно при этом соблюсти общую логику исторического момента. События могут быть вымышлены, но вымысел не должен касаться характера эпохи, изменять мировоззрение и характер человека. Известны его критические замечания в адрес В.А. Озерова, пренебрегшего в своем «Димитрии Донском» именно исторической логикой и показавшего поведение своих героев не соответствующим нравственным и этическим нормам изображенной в трагедии эпохи.

В.В. Сперанская, сопоставив пьесу Г.Р. Державина «Пожарский, или Освобождение Москвы» с другими, написанными его современниками на ту же тему, – трагедии «Освобожденная Москва» (1798) М.М. Хераскова и «Пожарский» (1807) М.В. Крюковского, – заметила, что он в общем разделял их поэтическую трактовку событий. Однако был ближе к исторической правде, поскольку опирался на конкретные источники: «Сказание» Авраамия Палицына, бывшего непосредственным участником событий, и описания, принадлежавшие перу современника Петра Первого в сочинении «Ядро российской истории» (1770) ⁵¹.

Историческое противостояние русского народа польским захватчикам в «героическом представлении» Г.Р. Державина реализуется в нескольких направлениях. Художественный конфликт представлен одновременно как героический, межличностный и любовный. В центре исторического противостояния, организующего текст, оказывается образ «чародейки» Марины, наделенной, согласно народной «молве», сверхъестественной силой. Ей удается подчинить себе волю не только ставшего предателем Заруцкого, но на время и истинных героев и патриотов Трубецкого и Пожарского; по ее слову разразилась во время решительной битвы за Москву гроза. Однако преданность долгу и любовь к Родине Пожарского и молитвы борющегося за правое дело народа оказались сильнее. Зло побеждается отнюдь не усилиями мифологических помощников, которым тоже находится место в произведении, но в результате объединенного нравственного усилия центральных персонажей.

Ради освобождения Москвы Минин пожертвовал своим состоянием, Палицын, рискуя жизнью, доставил благословение патриарха Гермогена и денежные средства из церковной казны. Мужественный и самоотверженный характер Пожарского сплотил все патриотические силы. Победа над врагом завершается актом избрания главы государства. Им по общему решению становится наследник престола Алексей Михайлович Романов.

Идеи соборности и «законной» власти монарха подчиняют себе все содержание пьесы, в том или ином виде находят свое выражение в других драматических произведениях Державина. Таким образом, автор пьесы,

воссоздавая завершенную художественную картину конкретного момента русской истории, использует не только материалы, запечатлевшие реальный ход вещей, но также реконструирует духовную атмосферу эпохи.

В драматических произведениях Г.Р. Державина историческая обстановка воссоздается прежде всего средствами языка. В предисловии к трагедии «Ирод и Мариамна» (1808) автор отмечает, что намеренно стилизовал язык, желая мотивировать поведение персонажей, «дабы сколько возможно ближе и изобразительнее передать характер еврейского народа» (С. 216). Трагедия «Темный» предваряется объяснением устаревших слов и выражением намерения «напамятовать... древние наши обычаи» (С. 385). В пьесах Державина художественный вымысел, основанный на народном предании, в общих своих чертах не противоречит исторической правде. Произведение в целом приобретает неповторимую оригинальность именно соединением объективного исторического материала с выражением сохранившегося в народном предании и субъективного авторского к нему отношения.

При ближайшем рассмотрении поэтика и стиль предромантических произведений на темы русской истории имеют много общего с древнерусскими. Д.С. Лихачев отмечал в качестве распространенного в древних памятниках сочетание рационального отношения к реальному факту с лирическим и эстетическим его переживанием⁵². Это свойство не только художественных произведений, но и летописей, в которых соответствующая жанру фактографичность объединялась с поэтической образностью и риторикой. Неслучайно в развитии русской литературы конца XVIII – начала XIX века отмечается сосуществование в противоборстве и взаимном влиянии элементов нескольких стилей, в частности классического и барочного. В композиции сосуществовали рациональное линейно-логическое и иррациональное хаотичное построение; в образе – статическое и динамичное, универсальное и изменчивое, гармоничное и антитетичное. Именно в этом взаимодействии А.В. Михайлов видел своеобразие эпохи, отметив, что «с началом XIX века появляется возможность того, чтобы единство возникало из смеси разнородного и строилось на почве, подготовленной только что обретенным... новым, чрезвычайно напряженным отношением к историческому развитию»⁵³.

С мифологизацией древней истории, ее идеализацией связаны многие произведения русских писателей и поэтов последующих за рубежом веков десятилетий – А.А. Бестужева, К.Ф. Рыльева, В.К. Кюхельбекера. Их привлекали периоды национальной истории, в которые проявлялись преданность идее, патриотизм, героическое самопожертвование. Однако ни на рубеже веков, ни два десятилетия спустя русские писатели не стремились к полноте воспроизведения исторической обстановки. Их задача ограничи-

валась воссозданием колорита русской «старины», который был вполне узнаваем, хотя и приблизителен. Создавалась легендарно-притчевая обстановка, в которой действовали исторические лица и вымышленные персонажи. В их образе мысли и чувствованиях заключалось индивидуальное, авторское представление о национальном характере и национальном идеале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Макогоненко, Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. – Сб. 13 : XVIII век. – Л., 1981. – С. 3–65.

² Фоменко, И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева // Там же. – С. 169.

³ Михайлов, А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX вв. // Быт и история в античности : сб. науч. тр. / отв. ред. Г.С. Кнабе. – М., 1988. – С. 235.

⁴ Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 4.

⁵ Азадовский, М.К. История русской фольклористики : в 2 т. – М., 1958. – Т. 1. – С. 112.

⁶ Троицкий, В.Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. – М., 1982. – С. 301.

⁷ См. там же. – С. 303.

⁸ Азадовский, М.К. Указ. соч. – С. 48.

⁹ Глинка, Г.А. Древняя религия славян. – Митава, 1804. – С. 5.

¹⁰ См.: Азадовский, М.К. Указ. соч. – С. 112.

¹¹ См.: Ломоносов, М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Ярослава Первого. – СПб., 1766; Эммин, Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. – Т. 1–3. – СПб., 1767–1769; Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен. – Кн. 1–4. – М., 1768–1784; Щербатов, М.М. История Российская с древнейших времен. – Т. 1–7. – СПб., 1770–1791.

¹² См.: Афанасьев, Э.Л. На пути к XIX веку (русская литература 70-х гг. XVIII в. – 10-х гг. XIX в.). – М., 2002. – С. 25–63.

¹³ См. там же. – С. 107.

¹⁴ См.: Карамзин, Н.М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Вестник Европы. – М., 1802. – №. 2. – С. 188–198.

¹⁵ Северный Вестник. – СПб., 1804. – Ч. 2. – С. 265.

¹⁶ Там же. – Ч. 4. – С. 171.

¹⁷ Подробнее см.: Архипова, А.В. Предромантические тенденции в критике 1800–1810-х годов // Очерки истории русской литературной критики : в 4 т. – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 153–193.

¹⁸ Афанасьев, Э.Л. Указ. соч. – С. 44.

¹⁹ Пашкуров, А.Н. Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории возвышенного : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2005. – С. 25.

²⁰ См.: Вяземский, П.А. Г.Р. Державин. О жизни и сочинениях г. Озерова // Соч. : в 2 т. / сост., подгот. текста, коммент. М.И. Гиллельсона. – М., 1982. – Т. 2. – С. 9–14.

²¹ Мордовченко, Н.И. История русской критики первой четверти XIX века. – М. ; Л., 1959. – С. 344–345.

- ²² Ладыгин, М.Б. Концепция мира и человека в литературе предромантизма (к вопросу о своеобразии метода) // Принципы метода и жанра в зарубежной литературе. – М., 1982. – С. 44.
- ²³ Архипова, А.В. Эволюция исторической темы в русской прозе 1800–1820-х гг. // На путях к романтизму : сб. науч. тр. – Л., 1984. – С. 217.
- ²⁴ Первая публикация: Московский журнал. – 1791. – Ч. 2. – Кн. 2. – С. 115–147; Ч. 3. – Кн. 2. – С. 134–149.
- ²⁵ См.: Кафанова, О.Б. О статье Н.М. Карамзина «Оссиан» // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 160–163.
- ²⁶ См.: Левин, Ю.Д. Оссиан в России // Макферсон, Д. Поэмы Оссиана. – Л., 1983. – С. 502–505, 507.
- ²⁷ См.: Шарыпкин, Д.М. Скандинавская тема в русской романтической литературе // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы / отв. ред. М.П. Алексеев. – Л., 1972. – С. 96–167.
- ²⁸ Прийма, Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном контексте первой трети XIX в. – Л., 1980. – С. 133.
- ²⁹ См.: Маслов, В.И. Оссианизм Карамзина. – Прилуки, 1926.
- ³⁰ См.: Западов, В.А. Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму. – Л., 1987. – С. 135–150.
- ³¹ Западов, В.А. М.Н. Муравьев / В.А. Западов, Л.И. Кулакова // Учен. зап. Ленингр. ун-та. – Сер. Филол. науки. – 1939. – № 47. – Вып. 4. – С. 28.
- ³² Федоров, В.И. От сентиментализма к романтизму. Поиски нового поэтического содержания и форм его выражения // История романтизма в русской литературе (1790–1825). – М., 1979. – С. 74.
- ³³ См.: Фоменко, И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. – 1981. – № 3. – С. 116–130.
- ³⁴ Фоменко, И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII– начало XIX в. – Сб. 13 : XVIII век. – С. 184.
- ³⁵ См.: Муравьев, М.Н. Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Полн. собр. соч. : в 3 ч. – СПб., 1819. – Ч. 1. – С. 270–298. (Далее данное издание цитируется с указанием в круглых скобках страницы.)
- ³⁶ См.: Левин, Ю.Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII – первая треть XIX века. – Л., 1980. – С. 81–82.
- ³⁷ Капитанова, Л.А. Повествовательная структура русской романтической повести (начальный этап развития). – М., 1994. – С. 8.
- ³⁸ Львов, П. Храм славы великих россиян. – Ч. 1. – М., 1822. – С. 3.
- ³⁹ Там же. – С. 59.
- ⁴⁰ Автор, в частности дает ссылку: Вестник Европы. – 1819. – № 20.
- ⁴¹ Отдельно повесть была опубликована: Русский вестник. – 1808. – Ч. 4. – № 11. – С. 147–211.
- ⁴² Эйхенбаум, Б.М. Карамзин // О прозе : сб. статей. – Л., 1969. – С. 203.
- ⁴³ См.: Моисеева, Г.Н. Русская история в творчестве Радищева 1780-х годов // А.Н. Радищев и литература его времени. – Сб. 12 : XVIII век. – Л., 1977. – С. 40–49.
- ⁴⁴ Алексеев, М.П. К истолкованию поэмы Радищева «Бова» // Избранные труды: Русская литература и ее мировое значение. – Л., 1989. – С. 33.
- ⁴⁵ Радищев, А.Н. Полн. собр. соч. – Т. 1. – С. 31–32.
- ⁴⁶ Алексеев, М.П. Указ. соч. – С. 41–47.

⁴⁷ Петров, А.В. «Осьмнадцатое столетие» А.Н. Радищева: исторические открытия просветительского сознания // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 21–29.

⁴⁸ См. там же. – С. 24.

⁴⁹ Бочкарев, В.А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800–1815 гг.) // Учен. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та. – Куйбышев, 1959. – Вып. 25. – С. 381.

⁵⁰ Державин, Г.Р. Соч. : в 9 т. / объясн. и примеч. Я. Грота. – СПб., 1867. – Т. 4. – С. 48. (Далее тексты цитируются с указанием страницы в круглых скобках.)

⁵¹ См.: Сперанская, В.В. Художественное своеобразие исторической драматургии Г.Р. Державина («Пожарский, или Освобожденная Москва») // Проблемы мастерства писателя / отв. ред. З.И. Левинсон. – Тула, 1971. – С. 86–103.

⁵² См.: Лихачев, Д.С. Избранное. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – СПб., 2000; и др.

⁵³ Михайлов, А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX вв. // Быт и история в античности. – С. 235.

С.Н. Моторин

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДРАМАТУРГИИ А. ВАМПИЛОВА

Александр Вампилов, который родился и провел детство в сибирском поселке, в самой настоящей глубинке, учился в Иркутском университете, избрал своими героями тех, кого хорошо знал – людей, живущих в провинции. И хотя будущий драматург сам был одним из них, он не стал просто их бытописателем, поскольку прежде всего его интересовали социально-психологические, нравственные конфликты, развивавшиеся в специфической среде, в условиях провинциального быта. Местом действия в его пьесах обычно становятся областной или районный центр; события разворачиваются в студенческом общежитии, в типовом доме, в кафе, чайной, гостинице. Герои – обыкновенные люди, представляющие собой почти полный социальный срез (от ректора университета Репникова в «Прощании в июне» до посетителей чайной поселка Чулимск).

Изображение провинциального быта в произведениях А. Вампилова имеет двойственный характер, так как для драматурга понятие «провинция» было не столько географическим, сколько эмоционально-нравственным, а быт представлялся ему не как нечто раз и навсегда сложившееся и не зависящее от человека, тем более не как абстракция, но как уклад жизни, формируемый самим человеком на основе традиций и под воздействием современных культурных факторов. С одной стороны, провинциальный быт у художника нередко становится объектом иронии и даже са-

тиры, что обусловлено духовной и эстетической ущербностью многих вампиловских героев – обитателей предместий, окраин, жителей больших промышленных городов и маленьких таежных поселков. С другой стороны, провинциальный быт в пьесах Вампилова является существенной частью своеобразной лирической стихии, наполненной покоем, тишиной, поэзией природы, песен – словом, тем, от чего просыпается человеческая душа, пробуждается совесть. Такая атмосфера, лишенная суетности, оказывается необходимой его лучшим героям как условие, дающее возможность пересмотреть свои поступки, переосмыслить основы собственного бытия, найти истинные нравственные ориентиры, увидеть жизненную перспективу, обрести себя заново. Провинциальный быт дает возможность остаться наедине с самим собой и ощутить сопричастность с судьбами других людей, внутреннее единство с ними. И здесь с темой провинциального быта переплетается тема дома и родственных уз. Кроме того, заурядная обстановка, типичные обстоятельства жизни необходимы художнику для создания контраста между бытовой средой и содержанием личности героя, его внутренним миром, его человеческими качествами. Будничный бытовой фон оттеняет незаурядность характера героя, духовно близкого писателю, их внутренняя связь обнаруживается в авторской поэтической интуиции, служащей сквозным стержнем монолитного мира вампиловской драмы.

Собственно тема дома и родственных уз в пьесах А. Вампилова имеет два варианта воплощения: мечта об обретении дома и его поиск; несовместимость с домом. Причем эти варианты могут сочетаться. Бездомность, разъединенность героев с миром дома, родного гнезда, отчего дома – одна из важнейших черт художественного мира писателя. Нет дома у Колесова («Прощание в июне»), и герой вынужден жить то в «общаге», то на даче Золотуева, никогда не зная, где окажется завтра, но, несмотря на это, грезит альпийскими лугами, которые являются своеобразной сублимацией его мечты о доме. В поисках крыши над головой появляются у Сарафановых Бусыгин и Сильва («Старший сын»), а Васенька и Нина стремятся покинуть домашний очаг. Бежал из своего дома в большом городе следователь Шаманов («Прошлым летом в Чулимске») и теперь ночует у Кашкиной; сестры Валентины покинули родное гнездо в поисках счастья, да так и не нашли его. По сути, дома, в полном смысле этого слова, нет ни у одного из вампиловских героев.

Даже Виктор Зилов («Утиная охота»), получивший долгожданную отдельную квартиру со всеми удобствами, чувствует себя неуютно: квартира вроде бы есть, а дома все-таки нет. Жизнь по чужим углам, впопыхах, с оглядкой (полубездомное существование), стала для него естественной формой бытия. К появлению собственного жилья он не готов; когда-то

покинув родительский дом, настолько привык ко всему временному, что уже не в состоянии изменить уклад своей жизни, который несовместим с понятием «дом». Какая-то непонятная самому герою сила гонит его вон из комфортабельного и престижного жилья, но нигде он не находит душевного покоя, кроме утиной охоты, сопоставимой с альпийскими лугами Колесова, тоже отчасти сублимирующей мечту о доме.

Существенной частью понятия «дом», несомненно, являются родственные узы, и в пьесах Вампилова именно эта сфера человеческих взаимоотношений чаще всего оказывается под угрозой, именно нити, связывающие между собой близких людей, рвутся, возникает мотив сиротства, осмысленный драматургом как острое чувство одиночества человека среди людей вообще, необязательно имеющих с ним кровное родство. Студента Колесова автор «Прощания в июне» сразу заявляет как сироту в буквальном смысле этого слова. Золотуев, его антипод в пьесе, как выясняется, тоже одинок, но стал таким сам в силу своего стремления к накопительству, отгородившись от мира дачным забором. В финале, когда рухнула его идея продажной сущности человека, он готов отдать все, что у него есть, только бы не оставаться в одиночестве.

Сюжет «Старшего сына» целиком строится на основе семейно-бытовой коллизии, действие пьесы воспринимается как поток жизни, детально воспроизведенный драматургом. Два молодых человека, увязавшиеся за девушками в надежде на легкий успех, получают отпор и оказываются холодной ночью в глухом предместье большого города. Все их попытки честным путем найти ночлег оказываются неудачными. Случайно подслушанный ими разговор становится поводом для злой шутки, разыгранной ими над Сарафановыми: Бусыгин выдает себя за внебрачного сына главы семьи. Особую бытовую достоверность и вместе с тем художественную глубину пьесе придает то, что дальнейшие события как бы абсолютно случайны по отношению к повседневному ходу жизни Сарафановых. Они развиваются контрапунктно к жизненным неурядицам этого дома (Сарафанов вынужден скрывать от своих детей то, что играет на похоронах, а не в филармонии; его дочь собирается замуж за нелюбимого человека; сын мучается юношеской влюбленностью). Назвавшийся сыном Сарафанова Бусыгин по мере развития сюжета все более и более чувствует по отношению к этим людям симпатию, его тянет к ним в силу духовной близости, о которой он даже не подозревал. Столкнувшись с безыскусственностью и теплотой настоящих семейных отношений, он остро ощутил себя обделенным, неприкаянным, обнаружил в себе истинно человеческие чувства и порывы: способность к состраданию, желание помочь ближнему, угрызения совести. Чем ближе к финалу, тем труднее герою признаться в обмане не только из-за стыда, но и потому, что он

действительно почувствовал себя близким этой семье, где так доверчиво его приняли, где он так, оказывается, нужен.

Мотив бездомности у Вампилова достигает своего апогея в «Провинциальных анекдотах», героями которых стали самые разные люди: гостиничный администратор, коридорная, метранпаж, шофер, экспедитор, скрипач, официантка, агроном, фельдшер, девушка, приехавшая по набору. Всех их объединяет одно – гостиница, в которой они оказались или по долгу службы, или по воле случая. Это место действия объединяет не только героев, но и сюжеты пьес, входящих в состав «Провинциальных анекдотов» («История с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом»). Само гостиничное пространство достаточно условно в силу того, что гостиница – временное, случайное пристанище для человека, но, с другой стороны, именно поэтому оно обладает своим незыблемым укладом, даже какой-то странной властью над людьми. Гостиница – это дом, но дом у дороги, представляющий собой образ, противоположный домашнему уюту, стабильности, укорененности. Дорога делает человека сторонним наблюдателем в бытовом и социальном пространстве; его по настоящему ничто не касается, не тревожит. В этом контексте гостиница «Тайга» оказывается особым поворотом темы: оторванность человека от настоящего дома, от корней, оборачивается его нравственной дезориентацией, его индифферентностью по отношению к вечным ценностям; он «зверевает». И неслучайно гостиница называется «Тайга». Это обстоятельство отмечали многие критики, видя в таком названии символ дикости, духовного оскудения. Действительно, здесь герои перестают верить в добро, в бескорыстие, в способность человека помочь ближнему («Двадцать минут с ангелом»), во всем непонятном видят угрозу («Случай с метранпажем»), буквально теряют человеческий облик, превращаясь в существ жестоких и коварных, не придерживающихся даже формальных приличий человеческого общежития, при этом не испытывают никакого смущения от подобной метаморфозы, которую считают явлением вполне нормальным, а чаще просто не замечают, как не замечает этого Пашка Хороших из «Прошлым летом в Чулимске», готовый убить любого, осмелившегося ему противоречить словом или делом.

В последней законченной пьесе А. Вампилова перед читателем предстает мир самой что ни на есть глухомани – затерявшийся в тайге поселок Чулимск. Привычные для персонажей «Чулимска» среда, быт для художника становятся источником постоянного, мощного драматизма. Несмотря на то, что все действие пьесы разворачивается на площадке перед старинным купеческим домом, в котором находится чайная, и по времени события занимают всего лишь одни сутки, несмотря на жесткую ограниченность сценического пространства, писатель сумел показать суть про-

винциального бытия. Чулимск – заштатный районный центр, где все знают друг друга и все друг о друге. Всякий знает, что следователь Шаманов ночует у Кашкиной. Каждому известна история отношений Хороших и Дергачева, любой может рассказать, почему они ссорятся. Здесь невозможно что-то утаить, даже прошлое Шаманова, человека здесь чужого, пришлого. И уж, конечно, всем, кроме самого Шаманова, известно о любви к нему Валентины. Чулимск, как вся российская глубинка, живет полудеревенской жизнью: у большинства его обитателей свои дома, хозяйство, живность; выбор развлечений невелик (старый кинофильм или танцы в клубе); пьянство. Каждый день одно и то же. Здесь одновременно и ничего не происходит, все застыло, и происходит очень многое. Жизнь тихого лесного местечка разрывают на части две столкнувшиеся стихии: исконная и современная, причем эта драма не выливается в прямое драматическое действие, но оказывается не менее болезненной, нежели драма личности отдельного человека.

Люди разъезжаются из Чулимска, пустеют и окрестные села. Покинули родной дом в надежде найти счастье в большом городе сестры Валентины, которые так и не обрели своей мечты, разделив участь многих «лимитчиков», уехали из Чулимска ее школьные подруги. Вернувшись из армии, перебрался в большой город Павел, там он зарабатывает «длинный рубль», а в Чулимск приезжает только на время отпуска; городская жизнь ожесточила его, приучив к тому, что все в жизни надо брать силой, вырывая у других. Всем покинувшим родное гнездо Чулимск не нужен в силу его непрестижности и «бесперспективности». Этот таежный мир, живший своими традициями, оказался на грани гибели из-за отдаленности от «центров цивилизации». И страдают от этого простые люди, оставшиеся в родном поселке, потерявшие ощущение полноценности собственной жизни, основанной на исконном укладе, растерянно пытающиеся что-то изменить, назвав чайную «столовой», со страхом отчитываясь перед невидимым телефонным начальством за каждый пустяк; они завели кассовый аппарат и называют чеки «талонами», но не понимают, что с ними делать, а просто передают друг другу, как дети, играющие в магазин. Чулимск болезненно ощущает давление сил, не присутствующих на сцене, полумифических, непонятных, поэтому пугающих, – сил городского уклада. Такое состояние усугубляется утратой родственных связей, большой город забирает детей тайги, которые быстро забывают родных, оставшихся дома, как забыла дочь старика Еремеева. В Чулимске уже считается нормальным судиться с собственными детьми, требуя алиментов, – именно так советуют поступить старику Мечеткин и Хороших, не видя в этом ничего особенного и удивляясь ужасу эвенка, возникшему от их предложения. Помигалов, отец Валентины, уже наученный горьким

опытом, боится остаться в одиночестве, поэтому так строг, до жестокости, с младшей дочерью. Пашка приезжает в отпуск к матери, но отношения между ними такие, что Анна Васильевна настаивает на немедленном отъезде сына, хотя чувствует перед ним свою вину и любит его.

Стремясь найти духовную, нравственную опору для человека, а Вампилов в драме «Прошлым летом в Чулимске» выдвигает на первый план образы дома и палисадника. Они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Дом этот когда-то строил купец, которому нагадали, что он будет жить, пока не достроит дом, и купец все время его перестраивал. Валентина тоже постоянно чинит палисадник, который все время ломают посетители чайной. Понятие «дом» в данном случае наполняется обобщенным, нравственно-философским, смыслом и в то же время не теряет своего прямого, конкретного значения. Важно, что помогает Валентине восстанавливать палисадник именно старик Еремеев, в чем выразилась вампиловская идея преемственности поколений как противовес тенденции забвения своих корней. В сочном бытописании «Чулимска» Вампилов передал ту нравственную напряженность, которую он увидел не только в существовании отдельной личности, но и в бытии огромного социального пласта и, увидев, соотнес с драмой конкретного единичного человека, оказавшегося в кризисной ситуации, предполагающей необходимость сделать выбор. В сущности, все пьесы Вампилова об этом, а не только «Прошлым летом в Чулимске».

Необходимо отметить, что сама по себе тема нравственного выбора, стоящего перед человеком, в литературе не нова, традиционно она решалась в двух вариантах: или герой преодолевает самого себя и обстоятельства и выходит из кризиса победителем; или не выдерживает напряжения внутренней борьбы, и происходит его окончательное падение. А. Вампилов отыскал принципиально новый подход к решению этой темы. Его герой после длительного падения, очутившись на краю бездны, из которой уже нет возврата, прозревает и делает шаг к духовному возрождению, заново обретая самого себя. Главной особенностью выбора, который делает вампиловский герой, является его неявность. Проблема для него состоит не в том, чтобы решить, какой из путей правильный, и пойти именно этой дорогой, а в том, что необходимо увидеть саму возможность выбора, найти и осознать разнообразные направления, различив их в сплошном потоке событий. При этом тип героя от пьесы к пьесе в целом остается неизменным, но меняется положение точки жизненного пути, в которой ему приходится делать очередной выбор. Она отодвигается все дальше и дальше, а выбор становится все более мучительным и затрудненным.

Меняется биография героя, его возраст, а ситуация становится все острее и острее. Однако писатель, безусловно, верит в человека, недаром герои всех его пьес обязательно переживают «момент истины» и, как правило, обретают те ценности, которые когда-то ими были утрачены, и те, которыми они никогда не обладали, но теперь без них уже не могут обойтись. Тема прозрения в произведениях драматурга выполняет функцию своего рода подводного течения, уносящего все прошлое, рутинное, незначительное и высвечивающего все истинное, человеческое, вечное.

Коллизия пьесы «Прощание в июне», на первый взгляд, незатейлива, даже тривиальна. Студент выпускного курса университета по фамилии Колесов в силу сочетания его собственной бьющей через край энергии и стечения ряда обстоятельств оказывается перед выбором, предполагающим либо исключение из вуза, отказ от научной работы и любовь девушки, которая ему нравится, либо отречение от нее и гарантированное получение диплома с перспективой дальнейшей карьеры. Именно такое условие поставил перед молодым человеком ректор Репников – отец Тани. Герой не выдерживает соблазна и соглашается забыть девушку ради получения диплома и любимой работы, но на выпускном вечере, устыдившись собственной расчетливости, он демонстративно рвет свой диплом.

Казалось бы, история эта крайне наивна, а ее пафос попросту банален; конечно, нельзя предавать любовь, нельзя идти на компромисс с совестью, однако если подойти к этому произведению более внимательно, то оказывается, что все далеко не так просто, ведь сюжет здесь лишь формально связан с темой любви. А. Демидов, рассматривая «Прощание в июне», в предисловии к книге А. Вампилова «Избранное», вышедшей в 1975 году, совершенно справедливо заметил, что в данном случае «не следует переоценивать масштабы любви героев...»¹. Позже Е. Гушанская, сопоставив разные редакции пьесы, пришла к следующему выводу: «Любви Колесова и Тани в пьесе попросту почти нет, хотя, казалось бы, пьеса посвящена именно ей»². Действительно, если и говорить о любви, то только о любви Тани к Колесову, герой же явно не испытывает по отношению к ней этого чувства, что следует из его поведения на протяжении всего действия, хотя она ему и симпатична. Поэтому в том, что он почти без колебаний выполняет условие Репникова, для него самого нет ничего такого, что могло бы быть истолковано им как предательство. И хотя некоторые сомнения у него все же были после разговора с ректором, искушение оказалось слишком велико. Но сразу вслед за объяснением с Таней сомнения в душе Колесова стремительно разрастаются, превращаясь в растерянность пополам с отчаянием: согласно авторской ремарке, герой бесцельно бредет по двору, натывается на лейку, хватает ее, размахивается, но опускает руку и остается стоять посреди двора. Герой

все-таки понял, что совершил нравственное преступление вне зависимости от объективной (посторонней) оценки его поступка. Ему открылась правда о себе: пусть неосознанно, непреднамеренно, но он расплатился Таниной любовью за возможность получить диплом, тем самым предал себя. Расплатой же за это для него стало одиночество: если до этого момента на протяжении всего действия Колесов был центром всеобщего внимания, то после, на выпускном вечере, мы видим его одного, вокруг бурлит жизнь, веселье, а он как бы отгорожен от всего, причем окружающие не замечают этого. Герой сам старается находиться в стороне, в тени. И только в финале ему удается преодолеть искушение. Герой при всех рвет диплом, так как чувствует, что может окончательно потерять себя, что он уже не Колесов, а кто-то другой.

Мотив морального искушения трижды повторяется в пьесе, каждый раз в новом ракурсе, с разным исходом, при разных обстоятельствах. Репников в последнем разговоре с Колесовым говорит о том, что нечто похожее когда-то произошло с ним самим, но он, в отличие от героя, пошел на сделку с совестью и, по словам его жены, стал администратором, а не ученым. Теперь же сам выступает в роли искусителя. Третий вариант ситуации связан с образом Золотуева, который никогда не сомневался в допустимости нравственного торга; однажды, в молодости, будучи продавцом, он попытался дать взятку ревизору, но тот не взял. Для незадачливого жулика такое поведение оказалось загадкой, по его логике – все «берут», вопрос только в цене. Доказательству этого тезиса Золотуев посвятил всю свою жизнь, но ревизор, спустя много лет, все равно не взял, хотя от него требовалось только сказать, даже без свидетелей, что он тогда зря посадил Золотуева.

Таким образом, Вампилову в этой пьесе удалось трансформировать заурядный морально-дидактический конфликт, естественным образом вытекающий из тривиального сюжета, в серьезный социально значимый, нравственный конфликт, связанный с проблемой выбора человеком между индивидуальной честью и общественной моралью.

Новизна подхода А. Вампилова к теме заключается и в том, что, прежде чем сделать выбор, герой должен увидеть его, осознать проблему, различив ее в непрерывном жизненном потоке, как, например, происходит с Бусыгиным в пьесе «Старший сын». До момента прихода в дом Сарафановых герой выражает свое скептическое отношение к человеколюбию, бескорыстию, способности сострадать ближнему в следующей сентенции: «У людей толстая кожа, и пробить ее не так-то просто. Надо соврать как следует, только тогда тебе поверят и посочувствуют». Руководствуясь этой мыслью, он с приятелем и затевает мистификацию, чтобы где-нибудь переночевать. Но случилось так, что ему поверили почти сра-

зу и стали относиться как к сыну и старшему брату, которому можно рассказать о всех семейных проблемах, обратиться за помощью и, в свою очередь, найти поддержку. Затеяв эту рискованную игру, Бусыгин очень скоро понимает жестокость своего легкомысленного поступка, и перед ним возникает вопрос: что делать дальше, как выйти из создавшегося положения? Просто сбежать? Продолжать играть роль и обманывать? Признаться? В его душе нарастает борьба, сомнения в правильности того или иного шага не дают принять какое-либо определенное решение, кроме того, растет страх разоблачения. Но боится он уже не за себя, а за Сарафанова, ибо не хочет и не может причинить ему боль, ведь этот человек теперь стал ему близким, а его дом родным. И когда обман открывается, Бусыгин с облегчением обнаруживает, что для Сарафанова в конечном итоге не имеет принципиального значения, обманул его Бусыгин или нет. Все решает подспудно существовавшая, а теперь окрепшая духовная близость героев. В сущности, Бусыгин сделал свой выбор в пользу человечности еще тогда, когда понял, что Сарафанов – «святой человек». С прекращением маскарада обнаруживается то, что было спрятано под маской разочарованного в людях циника, то, что скрывалось не только от окружающих, но и от самого себя – его живая душа, жаждущая любви и добра, которая пробудилась, и маска ему больше не нужна. Главное в том, что герой смог увидеть возможность выбора и осознать его необходимость.

Диаметрально противоположный результат прозрения предложен драматургом в «Истории с метранпажем», первой части «Провинциальных анекдотов». Главный герой, администратор гостиницы Калошин, не зная значения слова «метранпаж», решил, что постоялец обладает какой-то особой властью и собирается отомстить ему за нанесенное оскорбление. Перепугавшись до предела, герой видит единственный выход в симуляции сумасшествия, однако ему действительно становится плохо, и вызванный врач констатирует тяжелый сердечный приступ. В предчувствии смерти, вспоминая свою жизнь, Калошин буквально преображается: исчезают его вечный страх перед начальством, неудержимое стремление к «шальным» деньгам, амбициозность. Он пытается осмыслить пройденный им путь, и мы слышим самую настоящую исповедь. Это уже не плут-чиновник, а просто человек, который может просить прощение и сам готов прощать. Но лекарство подействовало, таинственный и грозный метранпаж оказался просто работником типографии, опасность миновала, и прозрение героя оборачивается всего лишь недолгим просветлением, после которого Калошин становится прежним, алчным, ленивым, невежественным, хамоватым стяжателем. Открывшаяся ему истина не принесла никаких настоящих перемен в жизнь героя и была им тут же забыта.

Так же, как и Калошин, «на пороге», вспоминает прошлое Зилов в «Утиной охоте», которая стала не только главным произведением А. Вампилова, но и поворотным моментом развития русской драматургии второй половины XX века. В этой пьесе соединились и стремление писателя к глубокому исследованию социально-нравственной проблематики, и его тяготение к острой драматургической форме. «Утиная охота» на порядок выше, значительнее всех произведений, созданных им ранее. Если перед другими героями Вампилова (до этой пьесы) ставился вопрос, как поступить в той или иной конкретной ситуации, то перед Зиловым встал вопрос принципиально иного характера: как жить и стоит ли вообще жить? В сущности, эта бытийная проблема возникла перед героем задолго до того злосчастного хмурого утра, в которое ему принесли похоронный венок; просто именно эта изуверская шутка стала исходной точкой мучительного пути к прозрению. Его утренние воспоминания – это не просто пассивное припоминание случившегося накануне, порожденное состоянием похмелья и смутным ощущением вины, это, пусть во многом интуитивное, но все же целенаправленное движение из сумерек, где все кажется призрачным, зыбким, к яркому солнечному свету, от полуживотного существования к четкому осознанию истинного положения вещей. Герой ищет выход из духовного тупика, им движет жажда гармонии с миром и самим собой.

Если внимательно присмотреться к миру, в котором живет Зилов, то оказывается, что его окружает не просто будничная, обыкновенная жизнь, а какое-то карикатурное подобие жизни. Этот мир полон абсурда и унылых теней, оставшихся от истинно человеческих чувств. Здесь все не просто обыденно, но как-то уж очень абсолютно «серо»: постылая работа, пустые развлечения, заезженные темы разговоров, суетные заботы. Человек постоянно находится среди неизменно одинаковых вещей: мебель в квартире Зилова типовая, из окна виден типовой дом и лишь узкая полоска серого неба. Это какое-то «выморочное» существование, где все до предела обезличено.

Внешне это благополучный, сытый, даже комфортный, но искусственный, противоречащий естеству эрзац-мир, в котором все теряет свой истинный смысл и цену. Здесь можно только делать вид, что трудишься, и существовать безбедно, можно быть равнодушным ко всему, кроме собственного благополучия, и считаться приличным и уважаемым человеком. Главное – «не волноваться», не нарушать правила игры, принятые обществом, даже если они абсолютно абсурдны. Отсюда и та ущербность, карикатурность отношений между людьми, проявляющаяся на протяжении всей пьесы. Например, эпизод во второй картине второго действия, когда жена Саяпина, сослуживца Зилова, фактически готова на измену мужу с его начальником ради вождельной квартиры, а тот не только не возмущен

этим, но даже с гордостью говорит о ней: «Подруга жизни». Ситуация настолько гротескна, что всякое повидавший Зилов ошеломлен и не может удержаться от следующей реплики: «Да уж, подобралась у вас семейка».

В этом мире людьми утрачен смысл таких понятий, как правда и ложь, добро и зло, любовь и ненависть. Главный герой настолько запутался в этой перевернутой реальности, что неудивительным представляется такое его состояние, когда он уже совсем ни в чем не уверен, даже не может определить время суток и упорно отказывается верить на слово кому бы то ни было даже в этом, казалось бы, очевидном вопросе: «Ночь?.. (*Вдруг энергично.*) Где ночь? Где ты ее видишь? Ночью должно быть темно. А это что такое? (*Тычет пальцем в открытую дверь, через которую видна освещенная улица.*) Что это?.. Разве это ночь? Ну? Светло как днем! Какая же это к черту ночь?! Нет, мне все это опротивело...» Тем более мучительной для него оказывается попытка разобраться в самом себе и заново обрести свою человеческую сущность.

Виктор Зилов не доверяет никому, даже себе; он не смог поверить в искренность и чистоту чувства Ирины, полюбившей его, потому что слишком хорошо знает сущность взаимоотношений между людьми в этом мире, где все строится на лжи, лицемерии и равнодушии: «Ну вот мы с тобой друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся, и я тебе говорю: «Старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдем со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить». И ты идешь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идешь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась моя копейка, на это тебе тоже наплевать...»

Для Зилова предательство – обыденное явление. В его мире предают и по мелочи, и по-крупному, и открыто и тайно, и других, и самих себя, лишь бы выгодно было. Грешен и сам Виктор, хотя никогда не делал этого, руководствуясь меркантильными соображениями, как поступают, например, его приятели, которые не раз «продали» Зилова. И когда он оказывается на грани самоубийства, некоторые из них даже не очень стараются скрыть свое желание поживиться на его смерти. Так, Саяпин, один из сослуживцев героя, вроде бы пытаясь отвлечь Зилова от мыслей о самоубийстве, когда тот еще полон решимости довести задуманное до конца, невольно начинает внимательно осматривать полы, стены, говорит о том, что надо отремонтировать, как будто Виктор уже застрелился, а хозяином квартиры стал сам Саяпин, ведь он стоит первым в очереди на жилье. Официант Дима даже внешне остается спокойным, узнав о страшном намерении Зилова. Вместо того, чтобы хотя бы отобрать патроны, он начинает давать советы относительно их надежности, чтобы не было осечки, снова заряжает ружье и, как бы кстати, спрашивает про лодку, откровенно желая получить ее в наследство.

Вот тогда-то для главного героя и наступает окончательное прозрение: «Я еще жив, а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало?.. Крохоборы!» Столь явное предательство так потрясло Зилова, что он вынужден начать переоценку многого. Герой делает свой выбор в пользу жизни и не совершает непоправимого шага. Он остается жить благодаря, может быть, впервые за долгие годы нравственной летаргии проснувшегося в нем гневу, под влиянием пусть даже и такого опасного, но все же настоящего, человеческого чувства. Однако это только начало долгого и сложного пути возрождения человека в человеке, поэтому автор оставляет финал пьесы открытым.

Значительно более однозначным, бесповоротным, выглядит возрождение другого вампиловского героя – Шаманова из «Прошлым летом в Чулимске». Кроме того, его выбор имеет ярко выраженную социальную значимость.

В начале пьесы Шаманов предстает перед нами в состоянии полной апатии по отношению ко всему, что его окружает, даже к самому себе. Даже собственное тело кажется ему каким-то чужим. Абсолютно все Шаманову кажется неважным, ему ничего не хочется, им владеет непреодолимая сонливость, физически ощутимая лень. Если он идет куда-то, что-то делает, разговаривает, то во всем замечен автоматизм. Он постоянно рассеян, может запросто забыть табельное оружие в квартире любовницы. Даже внешне герой выглядит человеком опустившимся, так как одет неряшливо, хотя его работа предполагает максимальную собранность и аккуратность в самых незначительных мелочах. Во всем поведении Шаманова явственно просматривается формализм: ест и пьет, что дадут; неграмотному старику-эвенку советует «углубиться в архивы»; ночует у Кашкиной только потому, что она этого хочет; скандал между Дергачевым и Пашкой воспринимает только как возможное в перспективе уголовное дело, которым придется заниматься по долгу службы. Любовь Валентины, о которой все кругом знают, для него одного остается тайной, и если бы девушка сама не сказала ему о своем чувстве, то вряд ли он заметил бы ее. Однако именно это совершенно неожиданное для героя признание становится толчком к его пробуждению. Человек вновь обрел способность чувствовать окружающий мир, ощутил себя частью этого мира: «Все ко мне возвращается заново: вечер, улица, лес – я сейчас ехал через лес, – трава, деревья, запахи – мне кажется, я не слышал их с самого детства...» Все это вновь связывается для него в целостное течение жизни, за которую Шаманов, как прежде, почувствовал себя ответственным и способным активно с ней взаимодействовать.

Когда-то герой малодушно отказался от борьбы за справедливость, решив, что все его усилия напрасны и виновного в преступлении все равно оправдают. Но теперь прежняя энергия и решимость под влиянием чувства стыда, вернулись к нему. Он понял, что очутился на краю нрав-

ственной бездны, из которой уже не будет возврата: «...я дошел до ручки...» Поэтому Шаманов принимает решение ехать в город и принять участие в судебном процессе, от которого теперь зависит многое, причем не только для него, но и для всего общества, в котором человек не должен в тридцать два года мечтать об уходе на пенсию.

Критики не раз отмечали адекватное воспроизведение современности в пьесах А. Вампилова. И это закономерно, ведь герой «театра Вампилова» – человек его поколения, душа которого близка и понятна писателю, узнаваема и картина жизни 60–70-х годов, вплоть до ее абсурдных проявлений, протекающая в провинциальных городах и поселках. Однако такое подчеркнутое жизнеподобие не мешает, а помогает автору подняться в своих произведениях до высот истинно философского звучания, до разговора о «вечных» общечеловеческих проблемах, среди которых поиски смысла жизни, одиночество, разобщенность людей, дефицит взаимопонимания, искренности, доброты, способности к состраданию.

А. Вампилов как художник обладал чрезвычайно острым углом зрения на современность и способностью воплощать под этим углом жизнь такими средствами, которые еще больше подчеркивали эту остроту. Его драматургическое мастерство и тонкое понимание человеческой психологии позволяли ему создавать особый драматургический мир, в котором повседневность дана в перенасыщенном своими особенностями состоянии и потому воспринимается живой, естественной и в то же время поразительной, шокирующей. Писателю удалось уловить в самом течении современной жизни те ее существенные тенденции, до него не замеченные, которые через десять-пятнадцать лет стали определяющими в развитии общества. Более того, он сумел показать их внутреннюю противоречивость в сочетании с их способностью, видоизменяясь, сохранять жизненность. Поэтому «театр Вампилова» дает ощущение подлинности, каждая его пьеса с течением времени не теряет актуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демидов, А. О драматургии А. Вампилова // Вампилов, А. Избранное. – М. : Искусство, 1975. – С. 461–462.

² Гушанская, Е. Александр Вампилов : очерк творчества. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 320 с.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н.Н. Репин

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ В ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII ВЕКА: ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТ

Проблема морской торговли России с европейскими странами не стала еще предметом специального и комплексного изучения¹, хотя она имеет несомненное значение, во-первых, потому, что на морскую торговлю приходилась основная часть внешнеторгового оборота России, а, во-вторых, хронологические рамки данной статьи включают период, когда особое влияние на торговые отношения с Западом оказывала внешнеторговая политика русского правительства.

В первое десятилетие XVIII века единственным центром торговли с европейскими странами был Архангельск. В то время его внешнеторговый оборот в 2,5 миллиона рублей был нормой, а в 1710 году достиг 3 миллионов рублей². В 1744 году объем морской торговли (уже через 10 портов) превысил 9 миллионов рублей, составив 96 процентов русско-европейской торговли³, а в 1762 году ее размеры (через 13 портов) достигли почти 16 миллионов рублей, 91,4 процента объема торговли с Западом и 88 процентов общего внешнеторгового оборота России⁴. Таким образом, доля морской торговли России с европейскими странами за полвека снизилась незначительно, сохранив ведущее положение в связях с внешним рынком.

В политике русского правительства до предоставления свободной торговли в 1762 году сочеталось административное и экономическое регулирование торгового оборота морских портов с целью превращения Петербурга в главный внешнеторговый центр, придавая своеобразие торговле в других портах России.

Правительство России принимало все возможные меры для развития торговли со странами Европы через Петербургский порт.

После успешных действий русской армии в Ижорской земле, 16 мая 1703 года, в устье Невы был заложен Петербург, призванный открыть новую страницу в истории внешней торговли России.

Уже в июне 1703 года в «Ведомостях» было объявлено, «чтоб все товары, которые к Риге, к Ревелю и к Шанцу (Ниеншанцу. – Н.Р.) приходили, тамо (в Петербурге. – Н.Р.) пристанище имели»⁵. Одновременно правительства морских держав были оповещены о желании Петра I организовать торговлю в новом порту с обещанием наградить первые корабли, которые придут к нему⁶.

Возможно, что приход в Петербург первого корабля в ноябре 1703 года связан с оповещением правительств европейских государств об открытии нового порта⁷. Второй корабль пришел в Петербург в 1704 году с товарами, был загружен смолой, а при возвращении захвачен шведами⁸. Для обеспечения безопасности нового порта в 1704 году была основана морская крепость Кроншлот, прикрывавшая Петербург с моря. Попытка шведов овладеть ею в 1705 году не увенчалась успехом, но шведский флот блокировал Финский залив, чтобы не допустить иностранные торговые корабли к Петербургу и «подорвать в корне» зарождавшуюся в нем торговлю⁹.

Вопрос о торговле через Петербург был поставлен царем в беседе с первым британским постоянным дипломатом в России Чарльзом Уитвортом в 1705 году. Петр I убеждал своего собеседника в том, что «ему нужно с этой стороны отворить дверь» для торговли со странами Европы¹⁰. Ч. Уитворт в своем донесении в Лондон писал: «Царю очень хочется видеть несколько судов в портах Балтийского моря и обеспечить себе благоприятные условия для свободной торговли во все продолжение войны»¹¹. Для побуждения иностранных купцов к торговле в Петербурге русское правительство намеревалось создать им благоприятные условия: снизить таможенные пошлины по сравнению с Архангельском, отменить казенные монополии и откупа, предоставить свободную торговлю хлебом и др.¹²

Однако правительства морских держав – Англии и Голландии – были уверены в победе Швеции и болезненно переживали утверждение России в Прибалтике. Еще в 1703 году русский дипломат А.А. Матвеев в письме к Петру I сообщал: «Англичан и здешних (голландцев. – Н.Р.) прямое намерение, чтоб не допустить вас иметь какую-нибудь пристань на Балтийском море, отнюдь не хотят они и слышать такого соседства ближнего»¹³. И через два года Ч. Уитворт считал опасным «отворить дверь к европейским и торговле на Балтике», а в 1706 году ставил вопрос о поисках

средств для удаления России из завоеванных ею земель на Балтийском побережье¹⁴. Карл XII в первые годы XVIII века заявлял, что он «скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках царских». Об отношении Швеции к балтийскому вопросу можно судить также по следующему его высказыванию: «Пушкой царь занимается пустою работою и строит города, а мы для себя оставим славу брать оные»¹⁵.

С 1705 года, когда были установлены постоянные дипломатические отношения между Великобританией и Россией, можно было ожидать перемен и в коммерческих связях двух стран. Однако, судя по «верющей грамоте», данной Ч. Уитворту, главной целью английского правительства в то время являлись экономические вопросы – достижение «промышленных и торговых выгод», но не установление связей с Петербургом, а улучшение торговли британских купцов в Архангельске¹⁶.

А.А. Матвеев, отправленный в Лондон в 1707 году, получил «наказ», в котором ставилась задача привлечь Великобританию в качестве посредника в заключении мира со Швецией при обязательном сохранении за Россией Петербурга. Для достижения успеха на переговорах предусматривалось обсуждение вопроса о коммерческом трактате, основным пунктом проекта которого являлась организация торговли через пристанище на Балтийском море, то есть через Петербург, с обещанием предоставить английским купцам разные привилегии¹⁷. Однако дипломатическая миссия А.А. Матвеева, затянувшаяся более чем на год, не принесла России положительных результатов. Примирение России и Швеции не входило в планы британского правительства, выступавшего за сохранение «равновесия на Севере» и опасавшегося, что сближение с Россией вызовет гнев Карла XII, который после заключения мира с Саксонией в 1706 году усилился настолько, что стал, по выражению Н.Н. Молчанова, «арбитром Европы»¹⁸. Правительства морских держав были уверены в победе Карла XII, когда шведские войска вступили на территорию России в 1708 году.

Политические и военные вопросы, являвшиеся первостепенными в то время, отодвинули решение экономических проблем правительствами морских держав на второй план, а вопрос об организации торговли с Петербургом был снят.

Ситуация несколько изменилась после Полтавы. Британский историк Д. Горн, оценивая победу русской армии под Полтавой, писал, что она «раскрыла перед английскими министрами нежелательные перспективы русского преобладания на Балтике»¹⁹, а лорд Стаффорд в беседе с Б.И. Куракиным в 1709 году заметил, что Англия «не хочет видеть в разорении и бессилии корону шведскую»²⁰. Генеральные Штаты Нидер-

ландов считали, что усиление позиции России на Балтике «может быть вредно целой Европе»²¹.

После завоевания шведских портов в Прибалтике в 1710 году русские дипломаты А.А. Матвеев в Гааге и Б.И. Куракин в Лондоне обратились к правительствам Нидерландов и Великобритании и к торговым людям этих стран с предложением «купечество отправлять» в Петербурге и других балтийских портах, завоеванных Россией²².

В 1710 году в Петербург пришел еще один, третий, торговый корабль, владельцем которого был англичанин Андрей Стейльс, торговавший в Архангельске с конца XVII века и прочно связанный с казной благодаря приобретаемым монополизированным ею товарам и поставляемым (часто по заказу) необходимым предметам импорта. Являясь подданным Великобритании, А. Стейльс по коммерческим делам был связан не столько с британским рынком, сколько с портами европейского континента, прежде всего с Амстердамом, что беспокоило Ч. Уитворта²³. Наконец, стоит отметить, что корабль А. Стейлса, пришедший в Петербург, был построен по его заказу в России на первой купеческой верфи братьев Бажениных в Вавчуге²⁴.

В 1711–1712 годах наметилось расхождение морских держав по балтийскому вопросу, когда Голландия стала не столь негативно относиться к утверждению России на Балтике и отказалась бездумно следовать политике британского правительства²⁵. Однако переговоры России с Нидерландами по коммерческим делам в это время велись по вопросу об организации торговли не в Петербурге, а в других российских портах на Балтике²⁶. Отношения же России с Англией ухудшались. Если в 1711 году России удалось добиться нейтралитета, то после окончания войны за испанское наследство в 1713 году правительство Англии попыталось организовать давление на Россию и Швецию и «принудить их силою» к миру, если они не примут посредничества по разработанному им плану²⁷. Поскольку Великобритания более склонялась к поддержке Швеции, русское правительство оценило такое посредничество как «вредное и предосудительное» и предупредило, что в случае враждебных действий Англии будет оказано сопротивление и конфискованы товары у британских купцов, торговавших в Архангельске²⁸. Опасение исполнения угрозы русского правительства и сближение позиций России и Голландии по балтийскому вопросу содействовали тому, что Великобритания изменила свое отношение к торговле с российскими портами на Балтике.

Поворотным событием в судьбе Петербурга как внешнеторгового центра стал приход в 1713 году в Петербургский порт семи кораблей²⁹. Английские корабли (3-й и 7-й) принадлежали британской купеческой компании Р. Робинсона – С. Гартсайда, сотрудничеству которых способ-

ствовала деятельность Ральфа Робинсона в качестве корреспондента А. Стейлса. Самуил Гартсайд являлся в то время крупнейшим иностранным коммерсантом в Архангельске. После смерти А. Стейлса в 1712 году он унаследовал его связи с казной и выполнял другие поручения Петра I³⁰. В связи с недостатком экспортных товаров в Петербурге С. Гартсайд просил выдать из Адмиралтейства «для дополнки тех кораблей смолы и пику, чтобы те корабли просты за море не пошли и убытку б нам не было»³¹, а в следующем году собирался отправить в столичный порт 10 кораблей для вывоза смолы (10 тысяч бочек) и пеньки (40 тысяч пудов)³². Стоит отметить и то, что 3 корабля С. Гартсайда строились на верфи Бажениных³³, которые, возможно, и пришли к Петербургу в 1713 году.

М.Д. Чулков, верно связав начало качественных сдвигов в петербургской торговле с 1713 годом, идеализировал условия, в которых она протекала, и переоценивал влияние Петра I на ход международных событий того времени, когда царь будто бы «стал быть начальным над морем Балтийским и заградил уста всем российским неприятелям»³⁴. Частичный прорыв почти единого антирусского фронта европейских государств в 1713 году, на наш взгляд, лишь положил начало регулярной торговле в Петербурге, создав предпосылки для его становления как внешнеторгового центра.

Решающее значение в этом процессе приобрело регулирование экспортного товарооборота столичного порта. Именным указом от 31 октября 1713 года было запрещено везти в Архангельск главные предметы экспорта – юфть и пеньку, а предписывалось направлять их в Петербург. Сюда же намечалось привозить казенные, персидские и китайские товары. Остальные предметы экспорта купцы могли отправлять по своему усмотрению, «из которых городов куда способнее»³⁵. Распоряжением Сената от 16 ноября 1713 года по указанию царя предписывалось оповестить иностранных и русских купцов о привозе вышеуказанных товаров и направлении кораблей за ними в Петербург. Появление указов за полгода до начала навигации демонстрирует стремление Петра I подготовить и организовать торговлю на новом месте, чтобы русские купцы могли вовремя направить юфть и пеньку в новую столицу, а иностранные коммерсанты, связанные с торговыми домами в европейских странах, смогли бы своевременно зафрахтовать суда до Петербурга, «дабы от того убытку не имели»³⁶.

Таким образом, русское правительство, неудовлетворенное отношением европейских государств к торговле в столичном порту, попыталось использовать внутренние возможности, чтобы путем концентрации ос-

новых предметов экспорта в столичном порту принудить иностранных купцов избрать новое направление торговли.

Однако в октябрьский указ 1713 года были внесены существенные коррективы. Указом от 16 января 1714 года предписывалось юфть и пеньку, «которыми торговали с иноземцами и задатки дали, отпустить в Санкт-Петербург во всем против того, кто сколько посылает к городу (Архангельску. – Н.Р.), а остальные товары по изволению торговых людей»³⁷. По распоряжению правительства от 15 марта 1714 года купцы должны были отправлять в столичный порт пеньку, которая находилась на пути к нему севернее Твери, и четвертую часть юфти. Этим же указом все экспортные товары на 1715 год распределялись поровну между Петербургом и Архангельском. Декабрьским указом 1716 года квота столичного порта на 1717 год была снижена до $\frac{1}{6}$ части экспортных товаров, а указом от 15 ноября 1717 года на следующий год вновь повышена – до $\frac{2}{3}$ вывозимых через два порта товаров. Наконец, в январе 1719 года эта квота вновь была снижена до $\frac{1}{3}$ ³⁸. Изменение квоты предметов экспорта, приходившихся на Петербург и Архангельск, совпадает, как правило, с числом иностранных кораблей, приходивших в столичный порт: 16 – в 1714 году, 53 – в 1715 году, 33 – в 1716 году, 51 – в 1717 году, 54 – в 1718 году, 52 – в 1719³⁹.

Содержание указов, изданных в 1714–1719 годах, показывает, что правительство, явно настроенное на переориентацию торговли на столичный порт, вынуждено было изменять для него квоту экспортного товарооборота, демонстрируя тем самым непоследовательность своей политики, которая зависела не от желания царя, а от условий торгового мореплавания по Балтийскому морю и от отношения к России ведущих государств Европы.

Огромное влияние на торговлю с Петербургом оказывали шведские военные корабли, которые в течение 10 лет блокировали вход в Финский залив, а с 1713 года задерживали торговые суда, направлявшиеся в российские порты на Балтийском побережье. В феврале 1714 года голландские купцы считали невозможным торговать в Петербурге «ради препятствия ходу их торговых кораблей от шведов»⁴⁰. К 20 июня 1714 года шведские каперы (сторожевые суда) захватили 130 иностранных кораблей, шедших к Петербургу, среди которых 11 принадлежали компании Р. Робинсона – С. Гартсайда⁴¹. Действия шведских каперов достигли апогея в 1715 году, когда в Швеции был издан каперский устав, запрещающий торговлю европейских государств с российскими портами на Балтике, а к маю 1715 года было захвачено 30 торговых судов, шедших к ним⁴².

Морские державы вынуждены были принять экстренные меры для защиты своих торговых судов. Еще в мае 1714 года Генеральные Штаты Нидерландов, обеспокоенные «отниманием кораблей и товаров через шведов», заявили о необходимости «противиться силой против силы»⁴³. В 1715 году на Балтийское море для защиты торговых судов были направлены эскадры военных кораблей Англии и Голландии⁴⁴. Б.И. Куракин, оценивая эту акцию, сделал вывод, что «самая нужда подвела оборонять свое коммерция от шведов и вольность в том море учинить»⁴⁵. Результат не замедлил сказаться: если в 1714 году в Петербург пришло 16 кораблей, то в 1715 году – 53. В 1715 году было вывезено наибольшее количество товаров в сравнении с двумя предшествовавшими годами⁴⁶.

Неодинаковое в разное время влияние на торговлю в Петербурге оказывали перемены в политике европейских государств по отношению к России. Если в 1715 – первой половине 1716 года англо-русские отношения были благоприятными, то с сентября 1716 года в правящих кругах Великобритании проявилась «необузданная враждебность к России»⁴⁷. Проблеск надежды на разрешение балтийского вопроса в 1717–1718 годах, когда был заключен Амстердамский договор между Францией, Россией и Пруссией, позволивший начать прямые переговоры о мире между Россией и Швецией на Аландских островах, угас под воздействием правительства и дипломатов Англии, что привело к ее сближению с Швецией и разрыву дипломатических отношений с Россией.

Учитывая изменения в международной обстановке, русское правительство стало более реально рассматривать расстановку политических сил в Европе и обстановку для торгового судоходства на Балтийском море в определении квоты экспортных товаров для столичного порта, не оставляя мысли об укреплении коммерческих связей европейских стран именно через Петербург.

Архангельск по-прежнему оставался главным внешнеторговым центром России. Среднегодовой размер товарооборота северного порта в 1717–1719 годах составлял 2942 тысячи рублей, то есть всего на 89 тысяч рублей он был меньше, чем в 1710 году, и в 7 раз превосходил объем торговли в Петербурге в 1718 году. При этом соотношение стоимости экспорта и импорта в этих портах было неодинаковым: экспорт Архангельска превосходил вывоз из Петербурга в 10 раз (2344 и 233 тысячи рублей), а импорт Петербурга, составивший 189 тысяч рублей, лишь в три раза уступал архангелогородскому⁴⁸. Таким образом, цель правительства отвлечь как можно больше экспортных товаров от северного порта к столичному не была достигнута к концу второго десятилетия XVIII века. Стоит отметить, что из-за недостаточного спроса на многие предметы экспорта в Петербурге, уже с 1715 года в нем отчетливо проявилась тен-

денция к затовариванию⁴⁹, усилившаяся в последние два года Северной войны, а число иностранных кораблей, приходивших к Петербургу, достигнув максимальной величины в 1720 году (75), снизилось в следующем году до 60⁵⁰.

Сложность обстановки на Балтийском море, когда его восточный угол был прикрыт в 1719–1721 годах англо-шведским флотом, вынуждал иностранных купцов и владельцев торговых судов считаться с этим до конца Северной войны. Не помогло и то, что в 1720 году административные методы регулирования экспортного товарооборота Петербурга были дополнены экономическими. «Для размножения при оном порте торга» была снижена на 2 процента внутренняя пошлина с русских купцов, иностранные и русские коммерсанты получили право на заключение контрактов на поставку экспортных товаров в Петербург, а «иным портам таких контрактов не чинить под великим запрещением»; отечественные купцы освобождались от десятой доли сборов с найма судов и подвод, отвалного, привального, прикольного и др. Для упорядочения торговли была учреждена портовая таможня в Петербурге и «передовая» в Кронштадте и т.п.⁵¹ Кроме того, в это время началось строительство дорожного тракта между двумя столицами, проводился капитальный ремонт Вышневолоцкого канала и начато строительство Ладожского; наладилась транспортировка товаров в Петербург из Кронштадта и Ладоги на лихтерах, стала функционировать Гжатская пристань с целью концентрации экспортных товаров из западных регионов страны «для распространения в Санкт-Петербургском порту купечества». Для ускорения транспортировки предметов экспорта руководителям внутренних таможен и застав было предписано не задерживать купцов, отправлявших к нему товары⁵².

Несмотря на разрыв дипломатических отношений с Великобританией в 1720 году, русское правительство, предоставив свободу торговли английским купцам в России декларациями 1720 и 1721 годов⁵³, способствовало не только укреплению их связей с российскими портами, но и склонению общественного мнения в Великобритании в пользу России⁵⁴.

В последние годы Северной войны Архангельск оставался главным внешнеторговым центром России. Его товарооборот в 1720 году, составлявший 2436 тысяч рублей, снизился по сравнению со среднегодовым объемом торговли в 1717–1719 годах на 18 процентов, а величина таможенных пошлин в 1721 году понизилась в сравнении с 1720 годом менее чем на 9 процентов – с 196,5 до 176,9 тысячи рублей⁵⁵. Поэтому, признавая регулирование распределения экспортных товаров между столичным и северным портами недостаточным, правительство с начала второго десятилетия стало использовать жесткие административные методы регламентации морской торговли. Но прежде чем перейти к исследованию данной пробле-

мы остановимся на характеристике торговли в балтийских портах, завоеванных у шведов в годы Северной войны.

Торговля в бывших портах Швеции стала оживать с переходом их к России, но с неодинаковой активностью и в разное время. Так, объем торговли в Риге, судя по величине таможенных сборов, вырос в 1711 году более чем в 5 раз в сравнении с предыдущим годом⁵⁶. При этом торговля велась, по сообщению Ч. Уитворта, «только залежавшимися товарами»⁵⁷. В Ревеле в 1710 году торговли не было, а в 1711 году размер таможенных пошлин составил 5339 ефимков. В Нарве после ухода двух датских кораблей в 1707 году сведения о ее внешнеторговых связях за последующие 10 лет отсутствуют.

Активизация торговли в балтийских портах была связана с переменой в 1711 году отношения к ней голландских купцов, когда они «собирались идти в Ригу и Ревель», а в следующем году, как сообщал русский торговый агент в Амстердаме Фан дер Лит, «уже много голландских кораблей прибыло в русские порты и испокупили товары многие»⁵⁸. С целью обеспечения безопасности плавания торговых судов по Балтийскому морю голландские купцы обратились к своему правительству, но этот вопрос не был решен, хотя и обсуждался в парламенте в 1711 и 1712 годах⁵⁹.

«Для приведения купеческих дел в порядок» в Ригу в 1712 году обер-инспектором таможни был «определен» московский купец Илья Исаев, а в помощники ему гороховлянин Михаил Ширяев⁶⁰. Тогда же монопольное право на торговлю в Рижском порту пенькой и казенными товарами с уменьшением размера пошлин в сравнении с иностранными купцами получил А.Д. Меншиков, что вызвало недовольство голландских и английских коммерсантов и жалобы их об отмене нововведений в Риге⁶¹. В 1712 году объем торговли в Риге возрос на 5 процентов, а в Ревеле – на 15 процентов⁶².

Особенно значительные изменения в торговле этих портов произошли в 1713 году: в Риге ее размеры возросли по сравнению с предыдущим годом в 1,8 раза, в Ревеле – в 2,5 раза⁶³. В этом же году в Ригу пришло 76 иностранных кораблей⁶⁴, которые, по сообщению И. Исаева, «щастливо отсюда восприняли путь свой и, как слышно есть, едва не все щастливее имели в Зунд прибытие»⁶⁵.

Шведский флот в это время был еще достаточно силен, чтобы воспрепятствовать проходу иностранных кораблей в российские порты на Балтике. Сенат Швеции в ответ на обращение Голландии в 1712 году пропустить торговые корабли в порты России на Балтике принял решение: «Чтоб никаких галанских, аглинских и прочих народов кораблей в Ригу или протчие московские городы не пропускать взад и вперед»⁶⁶. И все же иностранные торговые суда сумели пройти не только в Ригу, но и в Ре-

вель, а Рижский порт, как и ранее, стал обеспечивать потребности морских держав в корабельных припасах. Однако в 1714 году, когда действия каперского флота Швеции активизировались «ради препятствий ходу кораблей» в российские порты, товарооборот Риги снизился на четверть – с 101 444 ефимков до 75 875⁶⁷. В 1715 году безопасность прохода торговых судов, как отмечалось выше, обеспечивали военные корабли Англии и Голландии. Свой вклад в защиту торговли на Балтике внес и российский флот. В мае 1715 года рижский купец Э. Данненштерн писал Петру I, что к «свободному сюда кораблям приходу добрые признаки имеются», так как русские военные корабли «шведских капоров побрали»⁶⁸. В результате в Ригу пришло 157 кораблей, которые, по сообщению И. Исаева, «с конфоем щастливо восприяли путь свой»⁶⁹, что привело к почти удвоенному росту портовых сборов в Риге в сравнении с 1714 годом (с 75,9 до 129,8 тысячи ефимков) и сохранению уровня таможенных сборов в следующем году. Вместе с тем товарооборот Ревельского порта снизился в 1715 году до самого низкого уровня (414 ефимков), но в следующем году возрос до 25 581 ефимка⁷⁰.

Начиная с 1718 года размеры пошлинных сборов в Риге имели отчетливо выраженную тенденцию к росту и в 1721 году достигли максимальной величины – 161,7 тысячи ефимков. Рижский порт отвлек на себя заметную часть экспортных товаров, производимых в России: в 1720 году, по нашим подсчетам, доля Риги в их экспорте составляла пятую часть пеньки, льна и льняного семени, около четверти поташа, около трети пряжи, десятую часть парусного полотна⁷¹.

При относительном равенстве суммы таможенных сборов в Ревеле в 1716 году (25 581 ефимка), в 1720 году (25 891 ефимка) и в 1721 году (24 920 ефимков) в промежуточные между ними годы сумма этих сборов заметно колебалась, составив, например, в 1719 году всего 2956 ефимков. Причина резкого спада торговли в Ревельском порту в 1719 году связана с тем, что Ревель, будучи военно-морской базой России, подвергся в этом году блокаде объединенной англо-шведской эскадры.

Торговля Нарвы возобновилась в 1717 году, когда в порт пришел 1 иностранный корабль, в 1718 году – 1 корабль, в 1719 году – 2 корабля. Приход 11 иностранных кораблей в 1720 году датирует перелом, произошедший в нарвской торговле⁷², что подтверждается сведениями о сборе пошлинных сборов⁷³.

Подводя итоги развития морской торговли с европейскими странами в первые два десятилетия XVIII века, можно заключить, что страстное желание Петра I превратить Петербург в главный внешнеторговый центр России в то время не было реализовано. Попытка царя насильственным путем переориентировать торговлю на Балтику окончилась неудачей по

независимым от него причинам. Этому препятствовала вначале блокада российских морских портов военным флотом Швеции и нежелание морских держав торговать с ними, а затем опасность торгового мореплавания по Балтийскому морю, создаваемая шведскими каперами, и осложнение отношений между Великобританией и Россией.

Лишь с 1713 года наметились позитивные сдвиги в торговле Петербурга и в наиболее крупных портах Прибалтики – Риге и Ревеле, которая в последнее время имела тенденцию к возрастанию при заметных колебаниях в отдельные годы. Политика русского правительства регулировать распределение экспортного товарооборота между Архангельском и Петербургом административными средствами способствовала росту торговли в столичном порту, но не решила основной задачи – превращения Петербурга в главный внешнеторговый центр страны. Основные предметы экспорта отвлекались на другие российские порты в Прибалтике без использования насильственных средств, однако Архангельск сохранял свое значение главных морских ворот России с Западом до конца Северной войны. После ее окончания начинается новая страница в регулировании торговли России с европейскими странами через отдельные морские порты, что предопределило своеобразие их истории в последующие четыре десятилетия.

С середины октября 1721 года, когда Петр I поставил вопрос о разработке конкретных мер по переориентации торговли с Севера на Балтику, начинается его обсуждение в Коммерц-коллегии с привлечением видных отечественных коммерсантов и в Сенате.

Свое отношение к этому вопросу Петр I определил предельно ясно: «Чтоб большая часть товаров вывозилась из Санкт-Петербурга, а к прочим портам определить некоторую часть из тех мест, которые по удобности пути и по близости к тем портам подлежат». Исходя из этого, царь указывал сделать «расписание: из каких городов водяным путем и какими реками куда возить»⁷⁴.

Представители купечества считали, «чтоб всего государства из всех губерний и провинций и к ним присутствующих городов, также и из малороссийских городов, а именно пенька, сало, воск, поташ, смольчуг, икра, юфть, железо, которые раньше возили в Архангельск, привозить в Санкт-Петербург», признавая, правда, необходимым отправлять в северный порт $\frac{1}{3}$ пеньки «для догрузки кораблей», так как на Севере производились преимущественно «тяжелые товары». Направление других экспортных товаров купцы оставляли на «рассмотрение другим, высоким учреждениям». Определить же «для привоза товаров особливых городов и провинций» к отдельным внешнеторговым центрам они не смогли, «понеже и к тем портам товары надлежат из тех же мест, из которых в Санкт-Петербург». При этом представители купечества заметили, что, если даже удастся

определить «такие особливые города по удобности пути», будет трудно контролировать провоз товаров к ним из внутренних районов России⁷⁵.

Члены Коммерц-коллегии высказались против регламентации направлений для вывоза отдельных предметов экспорта и «прикрепления» к Петербургу определенных регионов страны, поскольку признавали, что «принуждение везти некоторую часть оных товаров, которые за море продаются, трудно учиниться может, понеже все виды товаров не могут без великого убытка в Санкт-Петербург привозиться, тако ж де и никогда не можно с свободою купечества разорвать и разделить». Не устраивало внешнеторговое ведомство и насильственное привлечение торговли к тому или иному порту, «которое никогда благоучрежденное купечество терпеть не может». Коммерц-коллегия, однако, признала необходимым привозить в столичный порт сибирское железо, в связи с отсутствием в нем «тяжелых товаров», и ввоз «добрых вин».

Наиболее действенным средством активизации торговли в Петербурге Коммерц-коллегия считала отмену внутренней пошлины и «протчих мелких податей» в нем, то есть экономические меры, которые, по ее мнению, позволят избежать «разорения» торговли в Архангельске, «ибо всегда опасно и страшно весьма есть в материи купечества генеральную переменную учинить»⁷⁶. Вместе с тем внешнеторговое ведомство вынуждено было выполнять указание о составлении росписи товаров, привозимых к портам, сохранившуюся в архиве Сената под названием «Ведение о товарах, которые бывают в привозе к портам и из которых городов и как возят для отпуска за море»⁷⁷, которое и легло в основу именного указа 1721 года.

Что касается мнения «сенаторов и министров», то среди них преобладало негативное отношение к крутым мерам переориентации торговли в столичный порт, которое выразил Ф.М. Апраксин, заметив, что царь «такими переменами разорит все купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осушаемые слезы»⁷⁸.

Петр I, будучи в Сенате 26 ноября 1721 года, ознакомившись с результатами проделанной по его распоряжению работы, оставил без внимания предложение представителей купечества, отверг рекомендации Коммерц-коллегии, остался глух к мнению сенаторов.

Именным указом от того же числа, основные положения которого изложены в распоряжении Сената от 2 декабря 1721 года «О трактах к портовым городам», внутренние районы европейской части России были распределены между Петербургом, Архангельском, Ригой и Нарвой. В Архангельск должны были поступать товары из провинций, которые «прилегли действительно к водяному пути Двины (Северной. – Н.Р.) без переволок землею». В Ригу намечалось отправлять предметы экспорта из западных районов России и из Малороссии. Подвоз товаров к Нарве был

ограничен Псковом и его дистриктом. Из остальных районов все экспортные товары должны были вывозиться в Петербург, в котором и концентрировалась основная часть предметов экспорта для вывоза в европейские страны⁷⁹.

Главное внимание правительство обращало на регулирование торговли в Архангельске. Поскольку этот аспект проблемы уже нами исследовался⁸⁰, ограничимся лишь кратким изложением политики правительства в отношении северного порта, отмечая одновременно меры, направленные на укрепление роли Петербурга в качестве ведущего внешнеторгового центра России.

Результаты введения норм указа «О трактах к портовым городам» сказались уже в 1722 году, когда к Петербургу пришло 119 кораблей, а к Архангельску 60, а в 1725 году соответственно 236 и 19. Если по числу кораблей в этом году размер торговли в Петербурге превосходил ее объем в Архангельске в 12,4 раза, то по величине товарооборота в стоимостном выражении – более чем в 22 раза: соответственно 3430,9 и 153,7 тысячи рублей⁸¹. И если для столичного порта следствием политики Петра стал «своего рода триумф»⁸², то для северного порта – «лебединая песня», когда «торговая кипучая деятельность Архангелогородской биржи сменилась необычно тишиною»⁸³.

Целый комплекс дискриминационных мер в отношении Архангельска был использован в 1724 году. Устанавливалась дифференцированная пошлина на вывозимые за границу товары: те предметы экспорта, которые производились в Поморье, облагались обычной внутренней 5-процентной пошлиной, а к остальным добавлялась «четвертая доля против Петербурга». Вводился запрет на ввоз импортных товаров на внутренний рынок России, а «четвертая доля» распространялась и на иностранные товары. Был усилен контроль за всем, что везли в Поморье, «особливо к городу Архангельскому». Поощрялась деятельность «доносчиков-обличителей».

Особую роль в контроле за выполнением указов, ограничивавших архангелогородскую торговлю, сыграла комиссия во главе с капитаном гвардии С. Пырским, направленным в Архангельск Петром I в июне 1724 года «для разведывания у города отпуску за море заповедных товаров». Н.И. Павленко характеризует С. Пырского, который сопровождал А.Д. Меншикова в ссылку, «суровым и беспощадным служакой, бдительно сторожившим своего узника, не склонным проявлять никакого милосердия»⁸⁴. Эти качества С. Пырский проявил с неменьшим рвением при выполнении личного поручения Петра I в Архангельске. Он «арестовывал» запрещенные к вывозу за границу товары у купцов, привлекал к «розыску» не только торговых людей, но и должностных лиц губернской канцелярии и таможни. Глава комиссии использовал предоставленную

ему свободу действий, «беря за караул» нарушителей указов и пытая их. Широко практиковалась конфискация товаров, денег и «пожитков», взыскание штрафов, пополнивших государственное казначейство почти на 200 тысяч рублей. Лишь после смерти Петра I пострадавшие были амнистированы и смогли получить деньги и товары, кроме уже израсходованных.

Кризис архангелогородской торговли в 20-е годы отразился не только на состоянии жителей Поморья, но и на положении купцов и крестьян европейской части России и на торговле иностранных купцов. Неслучайно поэтому вопрос о «вольности коммерции» через Архангельск стал в 1726 году частью программы высших государственных органов в поисках выхода из хозяйственных и политических затруднений, переживаемых Россией. Верховный тайный совет признал необходимым предоставить Архангельску «вольность коммерции». Купцам разрешалось торговать, «кто к которому порту торговать не похочет». Однако устанавливалась дифференцированная пошлина – в Петербурге меньше, а в Архангельске больше, чтобы не обратилось все купечество к одному Архангельску, а петербургская торговля не прекратилась.

Сенат, предлагая восстановить дифференцированную пошлину с торговых операций русских купцов в Петербурге на 2 процента меньше, чем в Архангельске, введенную в 1720 году и отмененную в 1724 году в первом таможенном тарифе, и сохранить наложенную тем же тарифом дополнительную пошлину в Архангельске – «четвертою долею больше». Большое внимание сенаторы уделили вопросу об удешевлении транспортных расходов по доставке товаров в столичный порт, улучшению сухопутного тракта – «перспективной дороги» от Петербурга до Волхова, строительству «удобных палат» – складских помещений для экспортных товаров. Все эти меры, по мнению Сената, могли создать такие преимущества для Петербургского порта, который и без определенных провинций будет иметь успешную торговлю. Для увеличения пошлинного сбора в Архангельске сенаторы сочли возможным разрешить экспорт хлеба.

По указу от 9 января 1727 года была разрешена свободная торговля в Архангельске и вывоз хлеба из него, но внутренняя пошлина в северном порту была установлена на 4 процента выше, чем в Петербурге – 7 и 3 процента.

Вопрос об архангелогородской торговле стал предметом обсуждения в первой Комиссии о коммерции. В 1727 году по ее рекомендации был разрешен ввоз импортных товаров на внутренний рынок России, а в 1731 году уравнена пошлина с импортных товаров, ввозимых через столичный и северный порты. Однако дифференцированная пошлина с русских купцов из внутренних городов страны сохранялась на прежнем уровне – на 2 процента выше, чем с поморских жителей.

В 1735 году Коммерц-коллегия предлагала отменить разницу в уплате внутренних пошлин иногородних и поморских купцов, но это предложение не было удовлетворено Сенатом.

Отмена внутренних пошлин в России не привела к отмене ограничений торговли в Архангельске. По указу Сената от 5 мая 1754 года вместо 13-копеечной надбавки к сумме портовых таможенных сборов, взимаемых в Петербурге, в Архангельске добавлялось 15 копеек с товаров, которые производились в Поморье и по 17 копеек с предметов экспорта, привезенных из других городов. В 1755 году с этих групп товаров надбавки были снижены на 2 копейки при сохранении более льготных условий для предметов поморского производства. Лишь в 1762 году «для поправления коммерции и всех ее императорского величества верноподданных» Архангельск «снабжался всеми теми преимуществами и выгодами», какими пользовался Петербург.

Правительственная политика по регулированию торговли в Петербурге и Архангельске достигла своей цели уже в 1722 году, когда он превратился в главный внешнеторговый центр в связях с Западом. С 1725 по 1762 год объем торговли в нем увеличился почти втрое. Доля Петербурга составляла 62,2 процента объема морской торговли в 1726 году, 63 процента в 1743 году и около 57 процентов в 1762 году⁸⁵. Внешнеторговый оборот Архангельска за те же годы увеличился в 5,5 раза (153,7 и 980 тысяч рублей) и достиг максимальной величины (500–700 тысяч рублей) в годы вывоза большого количества зерна⁸⁶.

В сферу правительственной политики по регулированию торговли в других портах не попадало большинство предметов экспорта прежде всего в связи с тем, что их товарооборот чаще всего ограничивался товарами,купаемыми в этих портах и прилегающей к ним округе, преобладанием импорта и незначительным размером морской торговли⁸⁷: 2,2 процента торговли в 1743 году и немногим более 4 процентов в 1762 году. Поэтому более подробно остановимся на характеристике торговли в Риге, Ревеле и Нарве, которая подвергалась правительственной регламентации.

Рига оставалась крупнейшим портом в Прибалтике и после ее перехода в состав России. Особенность рижской торговли состояла в том, что большую роль в ней играли купцы из соседних с Россией стран. И.Г. Фоккеродт, оставивший любопытные записки по истории петровского времени, заметил, что «торговлю в Риге надобно считать только привозной: рижане скупают товары, привезенные поляками, литовцами и курляндцами, и отсылают их на иностранных судах, а своих покупателей снабжают иностранными товарами»⁸⁸.

Многочисленные сведения об этом содержатся в правительственных указах и «представлениях» купцов в Коммерц-коллегию и комиссию о коммерции⁸⁹. Поэтому русское правительство всякий раз, как только «польский торг приходил во всеконечный упадок», принимало меры «для поправления рижской коммерции»⁹⁰, что являлось одной из основных причин колебания объема торговли в Риге в отдельные годы при перманентном его возрастании: с 700 тысяч ефимков в 1716 году и 1750 тысяч ефимков через 10 лет до 2500–2600 тысяч ефимков в первой половине 1740-х годов и 4103, 9 тысячи ефимков в 1762 году⁹¹.

Начало политики правительства по ограничению рижского товарооборота связано с указом 1719 года, запретившим ввоз европейских товаров из Риги внутрь России⁹², а через два года началось регулирование поставок в этот порт товаров российского производства. Указ «О трактах к портовым городам» предписывал «в Ригу возить тем, которые всякие товары всегда возили, выключая две следующие причины: первое, которые прилегли к Гжатской пристани, а также и к Лукам (Великим. – Н.Р.) ближе, чем для отпуска в Санкт-Петербург возить, а не в Ригу, а которым надлежит возить в Ригу, чтоб грузились в своих рубежах – на Каспле, Двине и Торопе реках»⁹³.

Показателем действенности этого указа явилось резкое сокращение поставок товаров из «великороссийских» и «малороссийских» губерний: пеньки с 249 тысяч пудов в 1721 году до 50,4 тысячи пудов, льна соответственно с 34 тысяч пудов до 314, пряжи с 5,8 до 3,3 тысячи пудов, льняного семени с 2700 до 940 четвертей, а парусного полотна и поташа, которых в 1721 году вывозили соответственно 23,4 тысячи аршин и 15,1 тысячи пудов, в 1722 году в Ригу не привозили⁹⁴. С этим фактом связано и снижение пошлинных сборов в Рижском порту в 1722 году почти на 14 процентов по сравнению с предыдущим годом⁹⁵. Прекратили связи с Ригой торговые люди из центрального региона России, «прикрепленного» к Петербургу, и из Пскова.

Отрыв Рижского порта от внутреннего рынка России был, однако, непродолжительным. Уже в 1723 году жители западных районов России и Малороссии были ориентированы на «умножение» производства пеньки для отвоза в Ригу, чтобы следовать примеру литовских и польских купцов, продававших там крупные партии этого товара⁹⁶. Через 5 лет купцам из Пскова и Великих Лук разрешалось везти предметы экспорта, производимые в своих уездах, не только в Нарву, но и в Ригу и Ревель. Тем же указом была объявлена свобода торговли товарами, ввозимыми из восточных стран, в любом российском порту⁹⁷. Правительственные указы о запрещении вывоза кожевенного сырья и зерна, являвшегося одним из предметов экспорта Риги и Ревеля, не всегда распространялись на эти

порты⁹⁸. Владельцы полотняных мануфактур получали право вывозить продукцию своих предприятий за границу через Рижский порт, чтобы отправлять ее заблаговременно, до начала навигации в других российских портах⁹⁹.

Вышеприведенные сведения свидетельствуют о целенаправленной политике русского правительства, которая заключалась в активизации торговых связей с европейскими странами, особенно с Голландией, заинтересованными в торговле с Ригой¹⁰⁰. Росту товарооборота Рижского порта способствовали также территориальная близость его к западным районам России, удобство путей сообщения через систему рек и притоков, наличие на них крупных перевалочных пунктов-пристаней, уверенность русских купцов в продаже своих товаров, доставлявшихся обычно по заранее заключенным контрактам с авансированием части или всей оговоренной стоимости. М.Д. Чулков отмечал, что мещане Риги не ограничивались торговлей с ними в своем городе, а «сами для придания охоты привозят и раздают ефимки наперед на покупку товаров»¹⁰¹, а неизвестный автор истории российской торговли констатировал, что «от торговли с рижскими купцами русские торговые люди немало наличных денег вывозят»¹⁰².

Поэтому «бренчане и других великороссийских и малороссийских городов купецкие люди имели промыслы пенечные и другие к Рижскому порту повсягдно»¹⁰³. «Из давних лет имели торговые коммуникации» к Риге купцы «из Смоленской и Порецкой пристаней на стругах»¹⁰⁴. Эти сообщения, относящиеся к 40–60-м годам XVIII века, свидетельствуют о прочности связей купцов из западных районов России с Рижским портом и ограничение этой торговли в начале 20-х годов было столь незначительным и кратковременным, что не оставило и следа.

Каков итог развития рижской торговли к началу 60-х годов XVIII века? В 1762 году товарооборот Риги достиг 7146 тысяч рублей, 45 процентов объема морской торговли России с европейскими странами, уступая лишь Петербургу. Основная часть экспортного товарооборота Риги приходилась, однако, на товары, привозимые из соседних стран. Доля товаров российского производства составляла всего 11 процентов экспортного товарооборота Риги 1762 года (779,5 тысячи из 7146), большая часть стоимости которых (84,5 процента) приходилась на пеньку. Вывоз пеньки российского производства из Риги за 40 лет возрос вдвое – с 240 до 503 тысяч пудов. Однако, если в 1721 году на ее долю приходилась третья часть общего количества этого товара, отправленного из Риги¹⁰⁵, то в 1762 году – более половины – 503,1 тысячи пудов из 930,7, составляя около трети стоимости экспорта Риги (1016,4 из 3189,6 тысячи рублей) и четвертую часть, отправленную из всех внешнеторговых центров Рос-

сии в этом году – 1957 тысяч пудов¹⁰⁶. Рост вывоза пеньки отечественного производства через Рижский порт объясняется тем, что западные районы России и Малороссия, являвшиеся одними из основных регионов выращивания конопли, приписанных к Риге по указу «О трактах к портовым городам», обеспечили регулярные и возрастающие по объему поставки ее в этот порт.

Иная картина наблюдалась в экспорте других, второстепенных для Риги товаров российского производства, вывоз которых регламентировался правительством и имел тенденцию к снижению.

В отдельные годы из Смоленской губернии к Риге сплавлялся лес. Однако правительственная регламентация заготовки леса на экспорт в западной части России, являющаяся составной частью общероссийской программы «сбережения лесов»¹⁰⁷, негативно отразилась на экспорте лесоматериалов из Рижского порта. Неслучайно поэтому в 1762 году лес из Риги не вывозился, в то время как стоимость лесоматериалов (450 тысяч ефимков), закупленных за пределами России, превышала 14 процентов экспортного товарооборота порта¹⁰⁸.

Доля российского льна, составлявшая в 1721 году 14 процентов общего объема этого товара, вывозимого из Риги¹⁰⁹, снизилась в 1762 году до 5 процентов (20,5 тысячи пудов из 403). Это свидетельствует о том, что указ от 1728 года, разрешавший привоз псковского льна в Ригу и Ревель¹¹⁰, не был реализован.

По-прежнему ограничивался ввоз импортных товаров из Рижского порта на внутренний рынок России¹¹¹, а в 1762 году стоимость иностранных товаров, отправленных внутрь России, составляла всего 8 процентов импортного товарооборота Рижского порта¹¹².

Особенностью торговли Ревеля являлось преобладание импорта над экспортом. Такое соотношение, по сведениям Г.А. Некрасова, относится к 1723, 1727, 1728, 1742, 1750 годам, когда доля иностранных товаров колебалась от 72,9 процента общего объема торговли порта в 1723 году до 89 процентов в 1742 году¹¹³. В 40-е годы XVIII века доля импорта была еще выше, составляя 89–96,5 процента внешнеторгового оборота Ревельского порта¹¹⁴, причем если импорт имел ярко выраженную тенденцию к росту, увеличившись с 1723 по 1750 год в 1,6 раза (с 188,8 тысячи ефимков до 306 тысяч), то экспорт за те же годы снизился в 1,4 раза¹¹⁵.

Важно отметить стабильность ввоза в Ревель основных предметов импорта, которыми являлись текстильные товары и соль, доля которых в импорте возросла с 34,1 процента в 1723 году до 50 процентов в 1750 году¹¹⁶. В 1762 году на эти товары приходилось 51,8 процента (из 298,7 тысячи ефимков), а стоимость других предметов импорта составляла: сахара – 29,4

тысячи ефимков, галантерейных и «нюрнбергских товаров» – 21,5, вина – 15, кофе и чая – 10,5, табака – 9,7, красок – 6,1 тысячи ефимков¹¹⁷.

Объем экспорта Ревельского порта испытывал значительные колебания (от 29,6 тысячи ефимков в 1742 году до 70,2 тысячи ефимков в 1723 году), причиной которых являлась регламентация вывоза зерна. В 1712 году ревельские купцы сообщали, что от запрещения экспорта зерна «никаких товаров к Ревелю привозить не будут, отчего как городу, так и уезду будет великая нужда и пошлин в сборе не будет»¹¹⁸. В 1725 году они рассматривали экспорт хлеба как средство поправить свое благосостояние¹¹⁹. Однако незначительный вывоз зерна из Ревеля или его отсутствие в его экспортном товарообороте в первой половине XVIII века было нередким явлением из-за ограничения или запрещения отпуска хлеба по указам русского правительства. Лишь в отдельные годы, как, например, в 1750 году, доля хлеба превысила 40 процентов стоимости экспортных товаров или достигла 50 процентов в 1728 году¹²⁰. В 1762 году стоимость вывезенного из Ревеля зерна составила 89,4 процента объема его экспорта (464,6 тысячи ефимков), обеспечив не только максимальный уровень товарооборота Ревельского порта, но и преобладание вывоза над ввозом¹²¹.

Доля пеньки и льна, пользовавшихся постоянным спросом в Ревеле, колебалась от $\frac{1}{3}$ (в 1727 и 1750 годах) до 60 процентов в 1742 году объема экспорта¹²², а в 1762 году вместе с прочими вывозными товарами она составила всего 6,4 процента стоимости «заморского отпуска».

Ограничение вывоза из Ревеля кожевенного сырья под предлогом развития мануфактурного производства в России¹²³ привело к сокращению доли этого товара в экспорте Ревельского порта с 19–23 процентов в 1720-е годы до 5,6 процента в середине века¹²⁴ и 4,2 процента в 1762 году¹²⁵.

Правительственное регулирование грузопотока Ревельского порта, отсутствие налаженного речного пути к нему, сохранившиеся и позднее¹²⁶, являлись сдерживающим фактором расширения связи Ревеля с внутренним рынком России. Поэтому даже в начале 1760-х годов доля предметов российского производства и иностранных товаров, ввезенных во внутренние города России, не достигала и $\frac{2}{6}$ объема торговли Ревеля (14,2 тысячи ефимков из 763,3 тысячи), составляя 4 процента стоимости импорта (11,3 тысячи ефимков) и только 0,5 процента экспорта (2,9 тысячи ефимков)¹²⁷.

Более тесными были связи Ревельского порта с Петербургом. Ревель, в котором навигация начиналась раньше, а заканчивалась позднее, чем в столичном порту, служил для него аванпостом, перевалочной базой, местом концентрации товаров, которые ввозились в Петербург или вывозились из него¹²⁸. Связи внутренней торговли Ревельского порта с российским рынком были более ощутимыми, чем с поставкой в него экспортных

товаров. На ревельском рынке торговали сибирским железом. Эстонский хлеб вывозился не только за границу, но и в Петербург. Русские купцы вели в Ревеле «мелочный торг»¹²⁹.

Торговля в Нарве, более тесно связанной с внутренним рынком России, подвергалась жесткой регламентации в течение всего второго периода – с 1721 по 1762 год – из-за опасения правительства, что отвлечение российских товаров в нарвском направлении негативно скажется на торговле столичного порта.

Указ «О трактах к портовым городам» 1721 года ограничил нарвский экспорт продукцией, производимой на территории, прилегавшей к порту, и в Псковском уезде. Декабрьский указ того же года уточнил район заготовки леса для вывоза в Нарву, а в 1728 году он был расширен за счет Новгородского, Старорусского и Ямбургского уездов¹³⁰. Нарвский порт был усилен и тем, что к нему, кроме псковских посадских людей, разрешалось подвозить продукты своих хозяйств сельским жителям Псковского уезда – «вотчинникам и крестьянам», правда, без права продажи их иностранцам и врознь¹³¹.

В результате этих мер товарооборот Нарвского порта увеличился в 1722 году по сравнению с предыдущим по величине таможенных сборов на 20 процентов¹³², а 134 корабля, пришедших к Нарве в 1725 году¹³³, возросло в сравнении с 1721 годом более чем втрое.

Главными поставщиками экспортных товаров в Нарву были жители Пскова и его уезда, без которых, считала Коммерц-коллегия, нарвская торговля могла «ниспровергнута, а тамошние бедные жильцы в крайнюю нищету и бедность придут»¹³⁴. Ввоз псковского льна в Нарву, главного предмета ее экспорта, возрос с 61,4 тысячи пудов в 1722 году до 142,5 тысячи пудов в 1730 году и 233,3 тысячи пудов в 1762 году, составив 85–90 процентов стоимости экспортного товарооборота Нарвского порта¹³⁵.

Второе место в экспорте Нарвы занимал лес (бревна, брусья, доски, жерди, дрова), вывоз которого испытывал значительные колебания, причиной которых являлось правительственное регулирование его отпуска за море. Наибольшие размеры экспорта лесоматериалов из Нарвы относятся к рубежу 20–30-х годов XVIII века после расширения районов заготовки леса для вывоза за границу и разрешения вывоза за границу мачтового леса¹³⁶. Так, в 1728 году в европейские страны из Нарвы было ввезено почти 11,6 тысячи мачт и райн, а также 1009,4 тысячи сосновых и еловых бревен и брусьев¹³⁷.

После запрещения вывоза лесоматериалов в 1734 году нарвские купцы имели все основания сетовать на то, что они «восприяли сущее оскудение»¹³⁸. Адмиралтейство и Коммерц-коллегия, которым Сенат поручил

рассмотреть вопрос о перспективах торговли лесом в Нарве, разошлись во мнениях. Коммерц-коллегия высказалась за ограничение вывоза леса из Нарвского порта одной третью или даже четвертью тех лесоматериалов, которые вывозились оттуда в начале 1730-х годов, а Адмиралтейская коллегия, опасаясь «перевода лесов», предлагала запретить его экспорт. Сенат в 1736 году считал возможным разрешить вывезти из Нарвы 122 тысячи сосновых и еловых «дерев»¹³⁹. В начале 40-х годов коллегии вновь вернулись к обсуждению этого вопроса в связи с нарушением квоты экспорта леса из Нарвы (185 тысяч бревен вместо 122 тысяч), что, по мнению Сената, ставило под угрозу удовлетворение внутренних потребностей в лесе. По указу 1745 года норма заготовки леса в старых районах была снижена до 49,3 тысячи бревен в год, а в новых (у Чудского и Псковского озер) квота должна быть определена в зависимости от наличия леса. Вывоз жердей, шестов и дров ограничивался количеством, необходимым для закрепления погруженных на суда бревен и брусьев¹⁴⁰. В 1745–1754 годах нарвские купцы продавали иностранцам по 110,6 тысячи бревен¹⁴¹, что было несколько ниже нормы, установленной для вывоза за границу из Нарвы сенатским указом.

Снижение экспорта леса из Нарвского порта привело к тому, что в середине XVIII века его стоимость не превышала десятой части экспортного товарооборота этого порта¹⁴² и к постановке вопроса о компенсации сокращения лесного торгового оборота другими товарами. В середине 1730-х годов Коммерц-коллегия предлагала предоставить торговлю в Нарвском порту всеми товарами из всех районов страны, что, по ее мнению, не могло отразиться на торговле столичного порта¹⁴³. Однако это предложение в то время не было реализовано. В 1746 году нарвские купцы обратились с просьбой: «Невозможно ли по обстоятельствам нынешнего времени вместо лесного торгу к порту в приумножении других торгов позволения»¹⁴⁴. Повторение аналогичной просьбы в 1749 году указывает на то, что правительство не намеревалось или не смогло этого сделать. По крайней мере, Комиссия о пошлинах, которой было поручено решение этого вопроса в середине 50-х годов XVIII века в связи с запрещением экспорта леса, не смогла его разрешить¹⁴⁵. Сенат же дело «приумножения» торговли в Нарве передал самим нарвским жителям, предписывая им «вместо запрещенного лесного торгу самим собою покупкою в указанных и тому городах и местах для отпуска заморского российских товаров»¹⁴⁶, не выходя, таким образом, за рамки указов тридцатилетней давности.

В начале 60-х годов XVIII века при сохранении 90-процентной доли льна в экспортном товарообороте Нарвы (352,2 тысячи рублей из 390,5) и заметном снижении стоимости вывоза леса (с 30 тысяч рублей в середине

50-х годах до 19,3 тысячи рублей в 1762 году) лишь незначительно возросла доля второстепенных для Нарвы товаров, стоимость которых в 1762 году составила 4,9 процента экспортного товарооборота, в то время как в середине 50-х годов она колебалась от 7,6 до 15,8 тысячи рублей, составляя 2–6 процентов стоимости вывозимых из Нарвы товаров¹⁴⁷. Основную часть второстепенных товаров в нарвском экспорте 1762 года составляла пенька (15,4 тысячи рублей) и зерно¹⁴⁸.

Вывоз хлеба из Нарвского порта 3068 четвертей в 1761 году и 882 четвертей в 1762 году был разрешен «на первый случай, пока сим опытом лучшие примечания для безопасности тех мест в недостатке хлеба, где закупка оному дозволена, сделаны не будут»¹⁴⁹, явно рассчитанный на развитие торговли новым для этого порта товаром.

Другим средством активизации нарвской торговли являлось увеличение ввоза иностранных товаров, главными из которых долгое время были соль, вино и табак¹⁵⁰, а в 1762 году – соль, сахар, москательные товары, вина, составлявшие $\frac{3}{4}$ импортного оборота Нарвы¹⁵¹. Попытка нарвских купцов добиться в 50-е годы XVIII века компенсации уменьшившейся лесной торговли предоставлением права продажи на внутреннем рынке России соли¹⁵² не была удовлетворена правительством, так как шла вразрез с интересами казны, сосредоточившей торговлю этим товаром в своих руках.

Товарооборот Аренсбургского, Гапсальского и Перновского портов ограничивался товарами, производимыми в их округе, преимущественно хлебом, лесом, льном, а предметы иностранного ввоза также предназначались для продажи на местных рынках. Лишь порт Пярну имел связи с российским рынком, откуда в 1762 году было привезено товаров отечественного производства на сумму 481 рубль, а внутрь России был вывезен всего один анкерок соленых лимонов стоимостью 1,5 рубля¹⁵³.

Немногим отличалась от вышеуказанных портов торговля в Фридрихсгаме и Выборге, хотя эти внешнеторговые центры формально были включены в орбиту русского рынка, чему содействовало распространение на них российской тарифной системы¹⁵⁴. В свою очередь это повышало внимание русского правительства к Выборгу и Фридрихсгаму, проявившееся в усилении регламентации их торговли, главным образом ее основы – «лесного торгова»¹⁵⁵, и в создании для этих портов более льготных условий по сравнению с ближайшими финскими торговыми центрами¹⁵⁶.

Примечательна поэтому оценка связи Выборга с внутренним рынком России первого руководителя Коммерц-коллегии П.А. Толстого: «Из Выборга за море российским товаром отпуску не было»¹⁵⁷. Такая ситуация сохранялась и позднее. Так, в 1740 году Сенат «не видел «довольного числа других товаров», способных компенсировать снижение торговли

лесом и продуктами его переработки¹⁵⁸. Коммерц-коллегия в середине 50-х годов XVIII века отмечала, что «другие товары при том порте состоящие – самое малое дело», а ее попытка заменить лесной торг другими предметами экспорта в то время не удалась, так как возить их из российских городов в Выборг оказалось «не сходно» из-за «дальнего и многотрудного» провоза товаров, значительно повышавшего на них цену¹⁵⁹.

Несмотря на это, Выборг все же имел определенные связи с российским рынком: в 20-е годы «мелочный торг» вели обосновавшиеся там русские купцы и крестьяне¹⁶⁰, а в начале 20-х годов товары российского производства – говяжье сало и свечи, конопляное и льняное масло, лен и пенька, полотно – составляли 16,6 процента экспортного товарооборота Выборгского порта¹⁶¹.

Экспорт леса из Выборга продолжался с разрешения правительства даже тогда, когда вывоз его из других портов запрещался, а стоимость экспортированных из него лесоматериалов составляла не только большую часть товарооборота порта 1762 года – 81 процент (30,2 тысячи рублей из 37,9 тысячи), но и почти 30 процентов стоимости лесоматериалов, вывезенных в страны Европы из всех российских портов¹⁶².

Основная часть экспорта Фридрихсгама, перешедшего к России по Абовскому миру в 1743 году, также состояла из лесоматериалов (бревна, брусья, доски, жерди, дрова), среднегодовые размеры вывоза которого в 1747–1755 годах составляли 6,6 тысячи рублей, или 59,4 процента объема экспортного товарооборота этого порта¹⁶³, а в 1762 году – 77,2 процента, или 11 тысяч рублей из 14,2. Стоимость остальных товаров, производимых в прилегающей к нему округе и пограничных районах Финляндии, не достигала в 1762 году и четверти стоимости экспорта Фридрихсгамского порта, из которых основная часть – 81,2 процента, или 2,6 тысячи рублей из 3,2, приходилась на смолу¹⁶⁴.

Не рассчитывая на изменение структуры экспорта Фридрихсгама из-за удаленности его от российского рынка, правительство обратило особое внимание на расширение лесопиления в портовом городе, видя в этом важнейшее средство «умножения коммерции», «поправления городских и уездных обывателей», увеличения пошлинных сборов и поощрения ввоза иностранных товаров¹⁶⁵.

В отличие от Выборга, в котором стоимость ввозимой соли превышала половину импортного товарооборота в 1762 году, ассортимент импортных товаров Фридрихсгама был более широким. Это шерстяные ткани, сахар, хлопчатобумажные ткани, кофе, какао, чай, табак, соль и другие, рассчитанные, видимо, на удовлетворение потребностей местных жителей и населения пограничных финских районов¹⁶⁶, а стоимость соли – 5640 рублей – не достигала и трети импорта Фридрихсгамского порта¹⁶⁷.

Обобщая сказанное, можно согласиться с выводом, имеющимся в исторической литературе об обособленности прибалтийских портов от внутреннего рынка России ¹⁶⁸. В 1762 году чуть более чем через полстолетия после перехода большинства балтийских портов в состав России, в год, когда было предоставлено право свободы торговли каждому российскому купцу в любом внешнеторговом центре страны, через Ригу, Нарву, Выборг, Ревель, Фридрихсгам и Пярну за границу вывозилось 17,1 процента всех товаров российского производства, экспортированных в страны Европы морем ¹⁶⁹.

Экономическими причинами слабых связей прибалтийских портов с внутренним рынком России в XVIII веке являлось превращение Петербурга в главный внешнеторговый центр страны, когда сохранялась опасность отвлечения от него грузопотока в другие порты, и защита отечественного мануфактурного производства от конкуренции европейских изделий. Политическая подоплека сохранения обособленности Прибалтики связана с обязательством Петра I соблюдать привилегии портовых городов на Балтийском море, зарегистрированные в «капитулянтских пунктах» ¹⁷⁰ 1710 года, подтверждавшиеся в последующее время сменявшимися на российском престоле императорами и императрицами ¹⁷¹.

Следует, однако, отметить, что обособленность Прибалтики была не одинаковой как в отношении отдельных портов, так и в различные периоды полувековой регламентации балтийской торговли. Критериями приписки того или иного района российского рынка к определенному порту являлись их территориальная близость, удобство путей сообщения, традиционность их связей с Россией. Аренсбург и Гапсаль вовсе не были связаны с внутренними городами России. Так, на долю Выборга, Фридрихсгама, Ревеля, Пярну приходилось всего 4,5 процента (55,5 тысячи рублей из 1225,5) товаров российского производства, вывезенных в 1762 году через порты Балтики, присоединенные к России, в то время как их значительная часть провозилась через Ригу (63,6 процента) и Нарву (31,9 процента) ¹⁷², что показывает устойчивость внешнеторговых связей России с европейскими странами через эти порты, имевших давнюю историю.

Признавая известную обособленность прибалтийских портов от России, нельзя согласиться с ее преувеличением, что будто бы с основанием Петербурга Россия не особенно нуждалась в гаванях Прибалтики, что она была не в состоянии освоить «громадную военную добычу», что русское правительство проводило политику экономической изоляции Прибалтики и т.п. ¹⁷³

Основание Петербурга и политика правительства, направленная на превращение его в главный внешнеторговый центр страны, действительно оказали негативное влияние на торговлю некоторых портов на Балти-

ке, особенно на Нарву, ранее связанную со многими русскими городами. Однако указы 20-х годов XVIII века, учитывая традиционные связи русских купцов с Нарвой и Ригой, приписали к ним часть тех районов внутреннего рынка России, купцы из которых ранее торговали в этих городах.

Решающее значение на торговлю в балтийских портах российскими товарами имели пути сообщения, влиявшие на выбор торгового направления к ним русских купцов. Так, например, указ 1728 года предоставивший купцам из Пскова и Великих Лук право торговли во всех российских портах на Балтийском побережье, не привел к смене направления их коммерции, так как Нарва находилась ближе к местам их проживания, а доставка товаров в Нарвский порт по давно освоенному водному пути была более выгодной. Предоставление права свободы торговли во всех портах восточными товарами не отвлекло их от Петербурга¹⁷⁴, связанного с Астраханью и другими пунктами торговли на востоке страны.

Законодательные акты по регулированию внешней торговли России с начала 20-х годов XVIII века были направлены прежде всего на привлечение экспортных товаров к Петербургу от Архангельска, а не от балтийских портов. Для этого в течение 8 лет (с 1713 по 1721 год) применялись административные меры, которых оказалось недостаточно для достижения главной цели, поставленной инициаторами и организаторами политики, – сосредоточение торговли в столичном порту, поскольку решающее влияние на морскую торговлю на Балтике в это время оказывали внешние факторы, связанные с Северной войной. С ее окончанием по инициативе Петра I был использован целый комплекс жестких, насильственных, дискриминационных мер по ограничению архангелогородской торговли, проведение которых под бдительным контролем императора в 1722–1725 годах парализовало коммерцию в Архангельске и обеспечило превращение Петербурга в главный внешнеторговый центр России.

После обсуждения вопроса о «вольности коммерции» в высших государственных органах в 1726 году в январе 1727 года был издан именной указ, отменявший распределение экспортных товаров по отдельным портам, предоставивший свободу торговли в Архангельске и возможность поправить его положение как внешнеторгового центра посредством вывоза зерна. Эти меры способствовали оживлению торговли в северном порту. Несмотря на сохранение разницы в таможенном обложении в Архангельске и Петербурге в пользу последнего, увеличение объема торговли в северном порту позволило ему занять третье место в числе морских портов России (после Петербурга и Риги) и стать вторым после столичного порта центром внешней торговли страны, прочно связанным с внутренним рынком.

Окончательный итог в истории противостояния Петербургского и Архангелогородского портов подвел указ 1762 года, отменивший дифференцированное таможенное обложение, способствовавшее в течение 40 лет активному росту товарооборота Петербурга, и предоставивший им равные торговые права, создав тем самым благоприятные условия для более быстрого роста объема торговли в Архангельске и укрепления его связей с европейскими странами, тенденция к чему наметилась ранее.

Наконец, стоит отметить, что объем и структура товарооборота морских портов во многом определялась уровнем связей с внутренним российским рынком. Большая часть балтийских портов была оторвана от него, а их товарооборот почти полностью обеспечивался продуктами местного производства. На местном рынке сбывались и предметы импорта. Рига служила основным центром сбыта продукции соседних государств, куда отправлялась и подавляющая часть ввезенных из-за границы товаров. Этим путем возрождалась и укреплялась рижская торговля, по объему лишь немного уступавшая петербургской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В исторической литературе изучена история внешней торговли через отдельные порты: см.: Некрасов, Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. – М., 1984; Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700-х начале 60-х годов XVIII века : дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 1985; Он же. Смена главного внешнеторгового направления России и торговля через Архангельск в XVIII в. – Омск, 1984. – Деп. в ИНИОН 16.05.84, № 16730; Он же. Изменение объема и структуры экспорта Архангелогородского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. : сб. ст. – М., 1983; Он же. От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли Архангельска в 20–50-х годах XVIII в. // Архангельск в XVIII веке. – СПб., 1997. – С. 228–249; и др. Многолетняя работа М.Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия» (СПб., 1781–1788. Т. 1–7) содержит богатый источниковый материал, но не является историческим исследованием.

² См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Прил., табл. 1.

³ См. там же. – Табл. 13.

⁴ См. там же. – Табл. 25.

⁵ Ведомости времени Петра Великого. – Вып. 3 : 1703–1707. – М., 1903. – С. 73–74.

⁶ См.: Любименко, И.И. Торговля в Петербурге // Петербург петровского времени : сб. ст. – Л., 1948. – С. 77; Тимофеев, А.И. История Санкт-Петербургской биржи. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учрежденной Санкт-Петербургской биржи, 1703–1903. – СПб., 1903. – С. 4 ; и др.

⁷ Сведения о приходе первого корабля в Петербург, о награждении шкипера и команды и др. см.: Ведомости времени Петра Великого. – С. 95–96; Голиков, И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – Ч. 10. – М., 1792. – С. 95–96; Ч. 17. – М., 1797. – С. 94; Тимофеев, А.И. Указ. соч. – С. 4–5; Немиров, Г.А. Опыт истории Санкт-Петербургской биржи в связи с историей Санкт-Петербурга как торгового порта. – Вып. 4. – СПб., 1888. – С. 6–15; и др.

⁸ См.: Кротов, П.А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга : сб. ст. – СПб., 2001. – С. 424.

⁹ См.: Тимченко-Рубан, Г.И. Первые годы Петербурга. – СПб., 1903. – С. 118, 119, 151.

¹⁰ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО.). – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 220.

¹¹ Там же. – С. 92–93.

¹² См.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. – Т. 4. – Кн. 1. – СПб., 1887. – С. 283.

¹³ Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 8. – М., 1962. – С. 48.

¹⁴ См.: Сб. РИО.. – С. 221.

¹⁵ Голиков, И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого... – Т. 6. – С. 192; Никифоров, Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. – М., 1950. – С. 43.

¹⁶ См.: Сб. РИО. – С. 1–7, 39, 44–47.

¹⁷ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 5. – СПб., 1912. – С. 60–61; Александренко, В.И. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. – Т. 1. – Варшава, 1897. – С. 4.

¹⁸ Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – 3-е изд. – М., 1990. – С. 206, 212.

¹⁹ См.: Horn, D. Great Britain and Europe in the Eighteen Century. – Oxford, 1967. – P. 201.

²⁰ Архив князя Ф.А. Куракина. – Т. 6. – СПб., 1890. – С. 347.

²¹ Соловьев, С.М. Указ. соч. – Кн. 8. – С. 284.

²² См.: Кротов, П.А. Указ. соч. – С. 426; Александренко, В.И. Указ. соч. – С. 7.

²³ См.: Сб. РИО. – С. 66–67.

²⁴ См.: Кротов, П.А. Указ. соч. – С. 425.

²⁵ См.: Архив князя В.А. Куракина. – С. 76; Бантыш-Каменский, Н.Н. Обзор внешних сношений по 1800 г. – Ч. 1. – М., 1984. – С. 128; Никифоров, Л.А. Указ. соч. – С. 104.

²⁶ См.: Центральный государственный архив Военно-Морского Флота РФ. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 90–90 об., 116, 122; Д. 43. – Л. 150 (далее – ЦГАВМФ); Соловьев, С.М. Указ. соч. – Кн. 8. – С. 471; Кн. 9. – С. 10, 25.

²⁷ См.: Соловьев, С.М. Указ. соч. – Кн. 9. – С. 13.

²⁸ См. там же.

²⁹ См.: Кротов, П.А. Указ. соч. – С. 426.

³⁰ См.: Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 17. – Л. 232об.–233; Д. 93. – Л. 131–131об., 133, 138; Д. 17. – Л. 237об.–239, 287об.–290; Д. 22. – Л. 451–454об.; Д. 20. – Л. 309об., 320–321; Козинцева, Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. – Т. 93. – М., 1973; – С. 267, 337; Захаров, В.Н. Поставка западноевропейскими купцами оружия и военного снаряжения в Россию в начале XVIII в. // Проблемы истории СССР. – Вып. 12. – М., 1982. – С. 97–98; и др.

³¹ Голиков, И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого... – Т. 10. – С. 95.

³² См.: РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 22. – Л. 451–456об.

- ³³ См.: Репин, Н.Н. Коммерческое судостроение в России конца XVII – первой половины XVIII в. // Вопросы истории. – 1978. – № 1. – С. 45. – Прим. 65.
- ³⁴ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 31.
- ³⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1.. – Т 5. – № 2732 (далее – ПСЗ-1); Доклады и приговоры... – Т. 3. – Кн. 1. – С. 1005.
- ³⁶ ПСЗ-1. – Т. 5. – № 2737.
- ³⁷ Там же. – № 2760, 2784.
- ³⁸ См. там же. – № 3051, 3115, 3268.
- ³⁹ См.: Кротов, П.А. Указ. соч. – С. 427.
- ⁴⁰ Никифоров, Л.А. Указ. соч. – С. 107–108, 110.
- ⁴¹ См. там же. – С. 109–110; Архив князя Ф.А. Куракина. – Кн. 10. – С. 55–56, 134.
- ⁴² См.: РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 20. – Л. 164об.
- ⁴³ Материалы для истории русского флота. – Ч. 3. – СПб., 1867. – С. 75–76.
- ⁴⁴ См.: Никифоров, Л.А. Указ. соч. – С. 120.
- ⁴⁵ Там же. – С. 121; РГАДА. – Ф. 35. 1715. – Д. 8-а. – Л. 158.
- ⁴⁶ См.: РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 25. – Л. 433.
- ⁴⁷ См.: Житков, К.Г. История русского флота. Период Петровский. 1672–1725. – СПб., 1912. – С. 161; Тарле, Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. – М., 1949. – С. 56; Мемориал, каков по указу Его Царского Величества подан аглинскому двору в 1719 году и против того данные от одного двора ответы и учиненный на оные сего 1720 года насупротивный ответ. – СПб., 1720. – С. 49–53, 122; Никифоров, Л.А. Указ. соч. – С. 131, 133,
- ⁴⁸ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля через Архангельск и Петербург... – Табл 1, 4, 5.
- ⁴⁹ См. там же. – Табл. 6. Более подробные данные за 1718 г. см.: РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 905. – Л. 499об.–500 об.
- ⁵⁰ См.: Кротов, П.А. Указ. соч. – С. 427.
- ⁵¹ См.: ПСЗ-1. – Т. 6. – № 3672; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 905. – Л. 198–200об.; Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 94–95.
- ⁵² См.: ПСЗ-1. – Т. 5. – № 3557, 3615, 4018; Т. 6. – № 4025; Голиков, И.И. Деяния Петра Великого... – Т. 8. – С. 142; Щекатов, А. Словарь географический Российского государства. – М., 1804. – Ч. 2. – С. 38; РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 2. – Д. 189. – Л. 109.
- ⁵³ См.: РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 56. – Л. 55–56; Бантыш-Каменский, Н.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 133; Голиков, И.И. Деяния Петра Великого... – Т. 7. – С. 174–175.
- ⁵⁴ См.: Соловьев, С.М. Указ. соч. – Кн. 9. – С. 273, 303.
- ⁵⁵ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Табл. 1, 2.
- ⁵⁶ См.: Чуйков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1 (табл. к с. 50).
- ⁵⁷ Сб. РИО. – С. 113.
- ⁵⁸ ЦГАВМФ. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 122; Д. 43. – Л. 174.
- ⁵⁹ См. там же. – Д. 43. – Л. 150.
- ⁶⁰ См.: Голиков, И.И. Деяния Петра Великого... – Т. 4. – С. 118.
- ⁶¹ См.: Сб. РИО. – С. 189–191.
- ⁶² Таможенные сборы в Риге составили 59 452 ефимка, а в Ревеле – 6152 (см.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – Табл. к с. 50).
- ⁶³ Таможенные сборы в Риге в 1713 г. составили 101 404 ефимка (см. там же).
- ⁶⁴ См.: Голиков, И.И. Деяния Петра Великого... – Т. 4. – С. 118.
- ⁶⁵ РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 17. – Л. 525.
- ⁶⁶ ЦГАВМФ. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 748.
- ⁶⁷ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1 (табл. к с. 50).

- ⁶⁸ ЦГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 23. – Л. 462об.
- ⁶⁹ Там же. – Д. 53. – Л. 272.
- ⁷⁰ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1 (табл. к с. 50).
- ⁷¹ Вывоз пеньки из Риги в 1721 году возрос по сравнению с 1720 годом с 237,5 тысячи пудов до 245 тысяч пудов, а льна с 12,2 до 35,1 тысячи пудов (см.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Табл. 7, 8).
- ⁷² См.: Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М., 1996. – С. 142.
- ⁷³ Портовые таможенные сборы в Нарве составили 1000 рублей в 1713 году, 5624 – в 1719 году и 15 448 рублей в 1720 году (см.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 30).
- ⁷⁴ Там же. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 378.
- ⁷⁵ Там же. – С. 378–380.
- ⁷⁶ Там же. – С. 382–384.
- ⁷⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 905. – Л. 502–503об.
- ⁷⁸ Фоккеродт, И.Г. Россия при Петре Великом // Чтения Общества истории и древностей российских (далее – Чтения ОИДР). – М., 1874. – Кн. 2. – Отд. 4.
- ⁷⁹ ПСЗ-1. – Т. 6. – № 3860.
- ⁸⁰ Поскольку этот аспект темы автором данной статьи изучен (см.: Репин, Н.Н. От дискриминации к фритредерству... – С. 228–249 и др.), ограничимся лишь кратким изложением политики правительства в отношении Архангельска, параллельно отмечая меры, направляемые на укрепление роли Петербурга как главного внешнеторгового центра страны.
- ⁸¹ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Табл. 1, 10, 11.
- ⁸² Кротов, И.А. Указ. соч. – С. 426.
- ⁸³ Огородников, С.Ф. Очерки истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. – СПб., 1890. – С. 147.
- ⁸⁴ Павленко, Н.И. Александр Данилович Меншиков. – М., 1981. – С. 61.
- ⁸⁵ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Табл. 13, 25.
- ⁸⁶ См.: Репин, Н.Н. От дискриминации к фритредерству... – Табл. 1. – С. 239–240.
- ⁸⁷ В 1743 году объем торговли Выборга составил 116,4 тысячи рублей, Пернова – 24 тысячи, Аренсбурга – 15,5 тысячи, Гапсаля – 3,1, Колы – 2,3 тысячи рублей, или в целом 2,2 % общего объема морской торговли; в 1762 г.: Пернова – 205,5 тысячи рублей, Выборга – 120,3 тысячи, Аренсбурга – 71,6 тысячи, Фридрихсгама – 39,1 тысячи, Гапсаля – 14,4 тысячи, Онеги – 11,8 тысячи, Колы – 1,1 тысячи, Темерниковского порта – 173 тысячи рублей, в целом 636,8 тысячи рублей, или немногим более 4 % объема морской торговли со странами Европы (см.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... – Табл. 13, 25).
- ⁸⁸ Фоккеродт, И.Г. Указ. соч. – С. 68.
- ⁸⁹ См.: ПСЗ-1. – Т. 11. – № 8837; Санкт-Петербургский филиал архива Института российской истории Российской академии наук Российской Федерации (далее – СПбФ архива ИРИ РАН). – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 376. – Л. 104; Д. 572. – Л. 75.
- ⁹⁰ Там же. – Д. 552, 572, 772.
- ⁹¹ РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 354; ПСЗ-1. – Т. 7. – № 4212, 4415; Т. 11. – № 8837; Т. 12. – № 9346.
- ⁹² См.: ПСЗ-1. – Т. 5. – № 3359.
- ⁹³ Там же. – Т. 6. – № 3860.

- ⁹⁴ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1 (табл. к с. 50).
- ⁹⁵ См. там же. – С. 57; Т. 5. – Кн. 2. – С. 30.
- ⁹⁶ См.: Голиков, И.И. Деяния Петра Великого... – Т. 8. – С. 414.
- ⁹⁷ См.: ПСЗ-1. – Т. 8. – № 5326.
- ⁹⁸ См. там же. – Т. 7. – № 4720; Т. 9. – № 7077; Т. 10. – № 7183, 7283; Т. 11. – № 8202; Т. 12. – № 8850; Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 138–147.
- ⁹⁹ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 100, 103; и др.
- ¹⁰⁰ ПСЗ-1. – Т. 5. – № 2659; Т. 11. – № 8837; Козинцева, Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения. – Т. 10. – М., 1962. – С. 169.
- ¹⁰¹ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 300.
- ¹⁰² СПбФ архива ИРИ РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 572. – Л. 5.
- ¹⁰³ ПСЗ-1. – Т. 11. – № 8873.
- ¹⁰⁴ РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 358. – Л. 1–2об., 4–4об.
- ¹⁰⁵ См.: Репин, Н.Н. Изменение объема и структуры экспорта... – С. 186. – Прим. 65.
- ¹⁰⁶ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 25об.–26; Д. 647. – Л. 1–10.
- ¹⁰⁷ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 192–194, 219.
- ¹⁰⁸ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 647, 655. (Подсчеты мои.)
- ¹⁰⁹ См.: Репин, Н.Н. Изменение объема и структуры экспорта... – С. 186. – Прим. 65.
- ¹¹⁰ См.: ПСЗ-1. – Т. 8. – № 5326.
- ¹¹¹ См. там же. – Т. 5. – № 3359; Т. 11. – № 8180; Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 41, 185–186.
- ¹¹² См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 31об.; Д. 641. – Л. 1–95.
- ¹¹³ См.: Некрасов, Г.А. Указ. соч. – С. 206, 207.
- ¹¹⁴ См.: РГАДА. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 15, 18–19.
- ¹¹⁵ См.: Некрасов, Г.А. Указ. соч. – С. 206, 207.
- ¹¹⁶ См. там же. – С. 134–141, 169–176, 180, 190.
- ¹¹⁷ РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 640. – Л. 1–17. (Подсчеты мои.)
- ¹¹⁸ Там же. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 17. – Л. 478–478об.
- ¹¹⁹ См.: Некрасов, Г.А. Указ. соч. – С. 130.
- ¹²⁰ См. там же.
- ¹²¹ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля через Архангельск и Петербург... – Табл. 25. – Прим. «б».
- ¹²² См.: Некрасов, Г.А. Указ. соч. – С. 86, 132–134; Он же. Балтийская торговля России через эстонские порты в 20–60-е годы XVIII в. (по материалам эстонских архивов) // Скандинавский сборник. – Т. 24. – Таллинн, 1979. – С. 174–175.
- ¹²³ См.: ПСЗ-1. – Т. 7. – № 4720; Т. 9. – № 7077; Т. 10. – № 7183, 7283, 7666; Т. 11. – № 8202; Т. 12. – № 8850.
- ¹²⁴ См.: Некрасов, Г.А. Указ. соч. – С. 132.
- ¹²⁵ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. (Подсчеты мои.)
- ¹²⁶ См.: Письмо Г. Гротенгальма к графу А.Р. Воронцову (1780 г.) о ревельской торговле // СПбФ архива ИРИ РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 552. – Л. 167–169.
- ¹²⁷ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 641. – Л. 1–95; Д. 646. – Л. 1об.–4, 1–17; Д. 655. – Л. 1–49об. (Подсчеты мои.)
- ¹²⁸ См.: Внешняя торговля России через Ревельский порт... – С. 95–96; Немиров, Г.А. Указ. соч. – Вып. 6.
- ¹²⁹ ПСЗ-1. – Т. 7. – № 4411, 4454, 4720, 4725; Немиров, Г.А. Указ. соч. – Вып. 6. – С. 126, 134, 155, 157.
- ¹³⁰ См.: ПСЗ-1. – Т. 6. – № 3918.

- ¹³¹ См. там же. – Т. 7. – № 4242.
- ¹³² См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 30.
- ¹³³ См.: РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 72. – Л. 38об.–39.
- ¹³⁴ Там же. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 1658. – Л. 11об.
- ¹³⁵ См. там же. – Л. 39; Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 632. – Л. 21–21об.; Д. 655. – Л. 1–49.
- ¹³⁶ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 136, 141–142; 146, 148–149, 159–160, 179.
- ¹³⁷ См. там же. – С. 159–160.
- ¹³⁸ Там же. – С. 133; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 199–200.
- ¹³⁹ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 162–167, 195.
- ¹⁴⁰ См. там же. – С. 212–219.
- ¹⁴¹ См. там же. – С. 174.
- ¹⁴² Стоимость леса, вывезенного из Нарвы в 1750 году, составила 27,8 тысячи рублей, а в 1751 году – 34,8 тысячи рублей (см.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 632. – Л. 21–21об.).
- ¹⁴³ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 176–177; ГААО. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 199.
- ¹⁴⁴ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 222–223.
- ¹⁴⁵ См. там же. – С. 295–296.
- ¹⁴⁶ Там же. – С. 296.
- ¹⁴⁷ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 632. – Л. 21–22об.
- ¹⁴⁸ См. там же. – Д. 655. – Л. 1–49об.
- ¹⁴⁹ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 353.
- ¹⁵⁰ См. там же. – С. 101, 128–131.
- ¹⁵¹ 27,5 тысячи рублей из 37,9 тысячи рублей (см.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 641. – Л. 1–95).
- ¹⁵² Они просили разрешить торговать солью, продавая ежегодно по 2000 ластов с уплатой пошлин по 12 копеек с пуда (см.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 328).
- ¹⁵³ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 639. – Л. 31об.; Д. 640. – Л. 17; Д. 646. – Л. 1–3; Д. 647. – Л. 1об.–9.
- ¹⁵⁴ Купцы этих городов выступали за сохранение норм обложения, установленных тарифом 1731 года, даже после издания очередного тарифа в 1757 году (см.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 298–301, 309; Кн. 5. – Т. 2. – С. 408–409, 428–435, 441–446, 447, 451, 453–454).
- ¹⁵⁵ Там же. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 369, 387–389, 413–418, 423–425, 465–489; РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 2. – Д. 43. – Л. 185–185об.; Кириллов, И.И. Цветущее состояние всероссийского государства. – М., 1831. – С. 39.
- ¹⁵⁶ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 368–369, 372, 414–418, 423–425, 465–489.
- ¹⁵⁷ РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 48. – Л. 369.
- ¹⁵⁸ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 389.
- ¹⁵⁹ См. там же. – С. 464, 481.
- ¹⁶⁰ См. там же. – Кн. 1. – С. 360.
- ¹⁶¹ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 1–49об.
- ¹⁶² 30,2 тысячи рублей из 101,7 тысячи рублей (см. там же. – Л. 44–49об.)
- ¹⁶³ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 453.
- ¹⁶⁴ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 1–49об.

¹⁶⁵ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 441.

¹⁶⁶ Шведское правительство сразу же после Абовского мира принимает меры к сокращению ввоза товаров в Финляндию (см.: Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 406), что указывает на несомненное значение ввоза в Швецию импортных товаров из Фридрихсгама.

¹⁶⁷ Он составлял 15 571 рубль (см.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 641. – Л. 1–95).

¹⁶⁸ Зутис, Я.Я. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. – М., 1937. – С. 21–41.

¹⁶⁹ См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 1–49об. (Без Темерниковского порта.)

¹⁷⁰ Чулков, М.Д. Указ. соч. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 22–29, 80–89.

¹⁷¹ См. там же. – С. 89–91, 153, 185; и др.

¹⁷² См.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 1–49об.

¹⁷³ См.: Зутис, Я.Я. Указ. соч. – С. 21–33, 35–38.

¹⁷⁴ На Петербург приходилось 80 процентов стоимости товаров, вывезенных за границу в 1762 году (см.: РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 1–49об).

В.Н. Козляков

ПРАВЯЩИЕ ГРУППЫ ЗАМОСКОВНОГО КРАЯ

(по материалам разбора 1630/31 гг.)*

Аристократическая элита и государев двор по-прежнему продолжают изучаться отдельно от жильцов и уездного дворянства в России XVII века. Поэтому взаимоотношения чинов внутри дворянского сословия, влияние на них «родословного» фактора остаются по большей части не исследованными. Известный специалист по истории русского Средневековья американский профессор Роберт Крамми в статье «Новости из Московии» (The Latest from Moscovy), опубликованной в журнале «The Russian Review» в 2001 году, справедливо заметил, что «просопографический императив» становится «второй натурой» в исследованиях элиты Московского государства XVI–XVII веков. На изучение состава государева двора повлияла и книга Р. Крамми о боярской элите XVII века. Ответить же на вопрос, работает ли просопографический метод составления коллективного портрета, когда речь идет о тысячах рядовых служилых людей, по-прежнему можно только предположительно.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Дворянство Московского государства 1613–1682 гг.»), проект № 06-01-001183а.

Государев двор, жильцы и служилые «города» представляли собой единую систему чинов. В истории русского дворянства известно несколько десятков по-настоящему аристократически княжеских и боярских родов, связанных иногда родством с царем, но какова доля боярской элиты в составе всего дворянского сословия, что было, если представители одного рода не только служили в разных чинах, но и владели поместьями и вотчинами в разных частях государства, сохраняли ли они в этом случае представление о своем родовом клане, делали ли какие-нибудь шаги, чтобы укрепить связи внутри рода, или внутрисословные различия русского дворянства не позволяют смешивать в одном строю, образно говоря, золотые кафтаны стольников с стегаными «тегилями» уездных парвеню?

На первый взгляд, судьбы одного рода расходились слишком далеко, чтобы его представителям, даже носившим одну и ту же фамилию, чувствовать себя дворянским кланом. Так, в 1644 году один из «золотых кафтанов», стряпчий «с ключом» Иван Михайлович Аничков, вместе со своими братьями и сыном просил, чтобы их родичей уфимцев Аничковых, сосланных при Иване Грозном, не велели «в места ставить». Обратим внимание, что челобитная подается от человека, всего через два года ставшего постельничим молодого царя Алексея Михайловича. Для подачи челобитной объединяется часть представителей рода, сделавших успешную карьеру и желавших защитить себя от местнических притязаний других родов. В глазах тех, кто спорил о местах с Аничковыми, уфимские дети боярские по-прежнему оставались членами их рода. Следовательно, клановое сознание здесь присутствует. Есть оно и в аргументации челобитчиков: дед Ивана Михайловича Аничкова был сотенным головой, у которого, согласно челобитной, «бывали в товарищех дворяне добрые Вышеславцевы, Висковатые, Казимеровы, Харламовы». Перечислены также рода, «бывшие в товарищех, и в головах, и в сотниках», с отцом, дядей и самим челобитчиком. Более того, И.М. Аничков разыскал десятню Деревской пятины 112 года и показал, что «отец ево Михайло служил прежним государем и в списке был из Деревские пятины другой человек и стоял в списке выше князей Ростовских, и Оболенских, и Кропоткиных, и Вадбальских, и выше Плещеевых и Бобарькиных, и Жеребцовых и Белеутовых»³. Подобные местнические столкновения представителей родов городских дворян с полковыми воеводами отмечал Ю.М. Эскин. В 1617/18 году туляне Ушаковы, Хрущовы и другие местничались со вторым воеводою Большого полка Ю.В. Вердеревским, рязанским дворянином по происхождению. В 1631–1632 году каширяне Лихаревы и князя Мещерские спорили о местах с проводившим у них разбор окольным князем Г.К. Волконским. В 1642 году малоярославецкие дворяне Челище-

вы, Бобрищевы-Пушкины, Поливановы протестовали против назначения их на службу с третьим воеводою Большого полка И.И. Загряжским⁴. Перечень подобных примеров можно еще пополнить, но из приведенных фактов очевидно, что объединение рода для защиты своей чести было общим правилом как для столичных, так и провинциальных дворян.

К сожалению, состав уездного дворянства, за исключением «выбора», входившего в государев двор до конца 1620-х годов, по-прежнему остается малоисследованным. Существуют лишь отдельные работы, в которых обычно реализуется давняя идея В.Н. Сторожева о совместном изучении десятиен и писцовых книг 1620–1630-х годов (здесь прежде всего надо упомянуть работу В.А. Аракчеева о псковском и пусторжевском дворянстве). Школа изучения служилого «города», представленная работами петербургского историка В.М. Воробьева о новгородском дворянстве, уходит эту тему в «частности» подсчетов «людности, конности и оружности» служилых людей. Изучение дворянства происходит по уездному принципу, например, есть работы о казанском, ярославском, нижегородском, арзамасском, суздальском, ростовском, боровском, воротынском, воронежском, уфимском и других дворянских корпорациях (Н.К. Фомин, В.А. Кадик, Н.В. Смирнов), но нет ни одной (!) работы или генеалогического справочника, в которых были бы собраны сведения о составе родов дворян всего Московского государства. Известно, что численность уездного дворянства по смете русского войска 1631 года составляла около 25 тысяч человек и в десять (!) раз была больше, чем число людей, служивших в государевом дворе, и жильцов. Тогда же в 1630/31 году насчитывалось 14 бояр, 7 окольных, 1 думный дворянин, 275 стольников, 455 патриарших стольников, 105 стряпчих, 883 московских дворянина, 790 жильцов. Вместе с дьяками численность служилых людей «по отчеству» из разных чинов, стоявших выше служилых «городов», составляла 2642 человека. Если всех, кто служил «по московскому списку», мы знаем поименно, то имена служилых людей и их родовые прозвания, встречающиеся в десятинях и списках этого времени, предстоит еще выявить и опубликовать.

Такая работа начата нами с целью восстановить пофамильный состав дворянских родов и охарактеризовать их распределение на территории Московского государства, что является необходимым условием исследования всего комплекса земельных, служебных и семейных связей дворян, на которые в значительной мере влияли региональные особенности развития дворянства в России. Возможность просопографического исследования появляется только на рубеже 1620–1630-х годов, которое вообще можно обозначить как переломное для системы учета служилых людей «по отчеству» после Смутного времени. Достаточно вспомнить такой известный факт внутренней истории государева двора, как исчезновение

«выбора» из боярских книг и списков, а также происходившее в те годы валовое писцовое описание всех уездов Московского государства после пожара 1626 года. В ряду подобных мероприятий оказался и проведенный в 1630–1631 годах сбор сведений о землевладении столичного дворянства и жильцов⁵. Главным же для рассматриваемой темы является обработка материалов разбора служилых «городов», проведенного в 1630–1631 годах.

Выявить однородные источники для анализа оказалось непросто, так как разборные десяти 1630–1631 годов, как и более известные десяти 1622 года, тоже сохранились не для всех уездов. Более того, часть служилых «городов» в 1630 году была разобрана на одних основаниях (по чиnam – выбор, дворовые и городские дети боярские, новики), а в 1631 году для разбора дворянских корпораций действовал другой принцип (дворян и детей боярских дополнительно верстали на три статьи по получаемому жалованью в 25, 20 и 15 рублей). Поэтому надо учитывать, что для реконструкции состава дворянства, кроме отсутствующих разборных десяти, возможно использовать списки дворян и детей боярских, близкие по составлению к этому времени: разборные, «подлинные» и даже полковые.

Содержание выявленных источников – десяти, разборных, подлинных и смотренных списков, отразивших материалы разбора дворян и детей боярских 1630–1631 годов, было занесено в компьютерный банк данных, насчитывающий около 15 тысяч записей. В ходе этой работы создан поименный список, охватывающий более половины дворян и детей боярских, служивших тогда в составе служилых «городов» (пока исследованием охвачены дворянские корпорации Замосковского края, «городов» «от Литовской и Немецкой украины»). Полученные сведения о составе дворянских родов, служивших «с городом» в центре Московского государства, были сопоставлены с материалами боярских книг и списков, а также жилецких списков конца XVI – первой трети XVII века. Так, удалось сделать генеалогический «срез» состава значительной части русского дворянства на рубеже 1620–1630-х годов. Это позволяет уже сейчас начать предварительное изучение клановых связей дворянских родов, чьи представители служили в государевом дворе, жильцах и по «городам» Владимиру, Костроме, Ярославлю, Нижнему Новгороду, Твери с «малыми» уездами⁶.

Оказалось, что на рубеже 1620–1630-х годов государев двор и жилецкая корпорация включали в свой состав представителей более 800 родов. Антропонимический анализ родовых прозваний показал, что за исключением 70–80 княжеских и боярских родов, представители 320 фамилий (из них 270, или 50 процентов, в составе двора и 50, или 20 процентов, жильцов) входили в состав выборного дворянства в конце XVI века и в Смутное время. В то же время у 400 родов нет сведений об их службе

в чинах московских дворян и жильцов ко времени Смуты. Не будет преувеличением сказать, что многие такие рода – 50 процентов членов двора и 80 процентов жильцов – относились до царствования Михаила Федоровича к рядовому провинциальному дворянству.

Что дает предлагаемая методика для изучения клановых связей, поясним на двух примерах с использованием составленного списка выборных дворян и дворовых детей боярских, служивших по Замосковному краю (около 1500 человек).

В 1630–1631 годах в жильцах служил Иван Смышляев, сын Айгустов. Из представителей этого рода ранее, в последней четверти XVI века, был известен дворовый дьяк Улан Айгустов. Как выяснили С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский, он был дмитровским вотчинником; Айгустовы известны также из сохранившихся десятен по Переславль-Залесскому конца XVI века. Было бы логично предположить, что упомянутый жилец Иван Смышляев Айгустов происходил из этого дмитровско-переславского гнезда. Однако из составленного указателя дворянства Замосковного края выясняется, что, кроме Переславля-Залесского, Айгустовы служили в 1630–1631 годах еще по двум «городам» – Галичу и Луху (правда, имени Смышляй никто из них не носил). Обращение к материалам жилецких сказок 1631–1632 годов, обработанных А.Ф. Изюмовым, не проясняет вопроса о происхождении жильцов Айгустовых. Зато более поздний жилецкий разбор 1643 года, обработанный А.П. Павловым, позволяет точно установить, что в жильцах служили Айгустовы – потомки луховских выборных дворян, а не дьяка Ивана Грозного.

Следующий пример связан с кланом стольников Михаила и Ивана Васильевичей Алферьевых, внуков печатника и думного дворянина особого «двора» царя Ивана Грозного Романа Васильевича Алферьева-Нащокина. Их отец Василий Романович был выборным дворянином по Козельску в 1588–1589 годах, а потом стал московским дворянином. В Дворовой тетради и Тысячной книге Алферьевы-Нащокины записаны по Можайску. Между тем указатель состава дворян Замосковного края фиксирует, что род Алферьевых был связан с целым рядом уездов в центре государства (Арзамас, Галич, Кострома, Ростов). Вопрос о том, имели ли отношение уездные дворяне и дети боярские с фамилией Алферьевы к клану Нащокиных (а еще Безниных и Злобиных), нуждается в дополнительном изучении⁷, как и вся тема родственных связей дворян между собою по мужской и женской линиям.

Подведем итоги. Земельные, служебные и семейные связи дворян складывались десятилетиями, но на них особенно сильно влияли политические изменения по созданию единого Русского государства. Именно нужды государственной мобилизации служилых людей больше всего разрывали родственные связи, заставляя представителей рода служить на

большом пространственном удалении друг от друга (новгородские «выводы» и опричные «переборы людишек»). Однако память об общем происхождении не исчезала и родовое мышление оставалось действенным еще и в Смутное время и сразу после него. Вплоть до конца 1620-х годов государев двор продолжал пополняться за счет «выбора» (наиболее заслуженных провинциальных дворян), в котором продолжали служить родственники многих московских дворян. Как показывают работы А.П. Павлова, в начале царствования Михаила Федоровича преимущественно зачислялись в государев двор выходцы из смоленского «города», активны были также дети боярские из Новгорода и «городов» от Литовской украины. Дворянам разоренных «Литвою» уездов приходилось создавать свои родовые гнезда на новом месте и укреплять земельные приобретения, полученные в центре государства во время Смуты.

Однако столкновение родового и индивидуального принципов в Смутное время породило собственническую анархию в земельных отношениях, вызванную разорением поместного фонда в пограничных уездах Русского государства и появлением в Замосковном крае и на Севере государства новых помещиков и вотчинников. Все это повлекло изменения и в традиционной структуре дворянства, развивавшегося до Смуты с представлением о том, что служилый человек нес службу от того уезда, где владели землями он и его предки. Правилom становился «прииск» любой свободной поместной земли для обеспечения оклада. Демографический фактор, связанный с увеличением численности дворянства, заставил их еще больше ценить родственные связи. Доказательство родства с человеком, служившим по московскому списку, становилось для уездных детей боярских одним из возможных условий продвижения по лестнице чинов внутри своего «города». Правда, у московского дворянина была противоположная задача – доказать отсутствие таких связей, чтобы его не ставили в ряд с «обышными людишками». После ряда конфликтов интересов столичного и уездного дворянства основой для дальнейшей эволюции дворянского сословия стало все-таки не его разделение, а осознание общности.

Еще предстоит выяснить, какую роль в этой эволюции сыграло клановое мышление дворян, ведь в итоге русские дворяне смогли не увязнуть в конфликтах по поводу упоминаний рода в новгородской «Поганой книге», а составили в конце XVII века новую «Бархатную книгу»⁸. Она и стала лучшей иллюстрацией того, что, несмотря на все сложности эволюции государева двора и служилых «городов», в России смогло появиться дворянское сословие, основанное на представлении о фамильной чести и «честности» рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Crummey, R.O.* The Latest from Muscovy // *The Russian Review* 60. – 2001. – Oct. – P. 477.

² *Crummey, R.O.* *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689.* – Princeton, N.J., 1983.

³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Стб. Московского стола. – Д. 1118. – Л. 437–440.

⁴ *Эскин, Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. – М., 1994.

⁵ См.: *Сташевский, Е.Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. – М., 1912; *Исюмов, А.* Жилецкое землевладение в 1632 году. – М., 1913.

⁶ Источниками составления настоящего указателя являются материалы из фонда 210 Разрядного приказа в РГАДА и Эрмитажного собрания рукописей в РНБ.

Владимирское дворянство: *Владимир* – смотренный список полка князя И. Хованского в Туле в 137 (1629) г. с перечнем «первой» и «другой» половин дворян и детей боярских по Владимиру (Стб. Московского стола. Д. 1139). *Суздаль* – разборная десятина 1630 г. по Суздалью (Дела десятиен. Д. 7). *Муром, Юрьев-Польской, Лух* – смотренные и «подлинные» списки 1637–1638 гг. (Стб. Московского стола. Д. 1086. Ст. 4; Стб. Владимирского стола. Д. 72).

Ярославское дворянство: *Ярославль, Романов* – «Московские» списки, посланные к разбору, по Романову и Ярославлю (Стб. Московского стола. Д. 67). *Ростов* – разборная десятина 1630 г. (Дела десятиен. Д. 184). *Углич* – разборная десятина 1630 г. (Дела десятиен. Д. 163). *Пошехонье* – разборный список (Стб. Московского стола. Д. 1117; Столбцы Новгородского стола. Д. 7), а также списки десятиен денежной раздачи по итогам разбора (РНБ. Эрмитажное собрание. Д. 550/16, 343/8. Копии XVII в.).

Костромское дворянство: *Кострома* – разборный список (Стб. Московского стола. Д. 1117; Стб. Новгородского стола. Д. 7). *Галич* – десятина денежной раздачи 1634 г. (Дела десятиен. Д. 220).

Тверское дворянство: *Тверь, Бежецкий Верх, Зубцов, Старица, Ржева Владимирова* – Разборные десятины 1630–1631 гг. (Дела десятиен. Д. 79, 103, 109, 203, 229). Также использовался справочник В.Н. Сторожева «Тверское дворянство XVII века» (Тверь, 1891–1895. Вып. 1–4). *Торжок* – «московский» список, посланный разборщикам из Разрядного приказа в 1631 г. (Стб. Московского стола. Д. 67). *Кашин* – разборная десятина 1622 г., восстановленная в 1626 г. (Дела десятиен. Д. 15), а также разборный список 1631 г. (Стб. Московского стола. Д. 1117; Стб. Новгородского стола. Д. 7).

Нижегородское дворянство: *Арзамас, Нижний Новгород* – разборный список 1631 г. (Стб. Московского стола. Д. 1117; Стб. Новгородского стола. Д. 7).

Вологда – список, составленный в связи с высылкой дворян и детей боярских на службу в полки Украинного разряда в 1627 г. (Стб. Новгородского стола. Д. 11). *Переяславль-Залесский* – список служилых людей, назначенных на службу в Вязьму в 1630–1631 гг. (Стб. Новгородского стола. Д. 19).

Волок, Клин – разборные списки 1630/31 г. (Столбцы Московского стола. Д. 1117; Стб. Новгородского стола. Д. 7). *Дмитров* – десятина денежной раздачи 1634 г. (Дела десятиен. Д. 200).

Руза, Звенигород, Можайск – десятины денежной раздачи 1630–1631 гг. (Дела десятиен. Д. 233, 174, 221).

Города от Литовской уkraine

Белая, Дорогобуж – десяти денежной раздачи 1630–1631 гг. (Дела десяти. Д. 83, 252). *Смоленск* – использован полковой список 1630 г. (Столбцы Московского стола. Д. 1086. Столпик 4). *Вязьма* – список служилых людей, посланный к разбору 1630 г. (Столбцы Московского стола. Д. 67).

⁷ Если продолжить составлять такие генеалогические этюды со следующей буквой Б, то в первую очередь для изучения клановых связей надо обратить внимание на следующие рода: *Бабкины (Кашин, Кострома, Ржева Владимирова), Бартеневы (Галич, Дорогобуж, Нижний Новгород), Баскаковы (Беж. Верх, Владимир, Галич, Кострома), Батюшковы (Беж. Верх, Дмитров, Углич), Безобразовы (Арзамас, Вязьма, Можайск, Белая), Бекетовы (Арзамас, Переславль, Тверь, Торжок), Бестужевы (Кострома, Смоленск, Владимир), Бешенцовы (Беж. Верх, Кашин, Кострома), Бибиковы (Арзамас, Дорогобуж, Тверь), Блудовы (Можайск, Ростов, Суздаль), Бобоедовы (Нижний Новгород, Пошехонье, Юрьев-Польский), Болтин (Арзамас, Нижний Новгород, Ростов), Братцовы (Волок, Ростов, Юрьев-Польский), Бреховы (Арзамас, Кашин, Смоленск, Суздаль), Бурковы (Арзамас, Вологда, Звенигород, Можайск), Бурцевы (Арзамас, Кострома, Нижний Новгород).*

⁸ По подсчетам А.В. Антонова, в Палату родословных дел в конце XVII века было подано 629 родословных, а еще 350 семей, представители которых служили «при дворе» в 1680-е годы, «своих родословных не подали» (см.: *Антонов, А.В. Родословные росписи конца XVII в. – М., 1996*).

А.В. Соловьёв

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ КАК МЕТАНАРРАТИВ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Понятие «постсовременность» в заголовке данной статьи имеет в целом, инструментальный характер, которое нами используется для описания таких интеллектуальных «постконструктов», как постмодернизм и постгуманизм. Приставка «пост-» призвана описать переходность, неопределенность, нестабильность, которые как ощущение присутствуют сегодня в развитой человеческой цивилизации. У интеллектуалов это ощущение выражается через разные виды текстовых рефлексий, в основном, конечно, философских. У масс (по К. Марксу) или «одномерного человека» (по Г. Маркузе) оно выражается через культ тотального потребления «хлеба и зрелищ» и стремление к тоталитаризму и фундаментализму как попытке защитить свой мещанский быт. Современный интеллектуальный дискурс изобилует эсхатологическими культурными текстами, несущими в заголовках слово «конец» («конец истории», «конец цивилизации», «конец времени» и т.п.), поэтому «пост-измы» неминуемо возникнут.

кают. В данной статье мы акцентируем внимание только на двух «пост-измах»: постмодернизме и постгуманизме, которые оказывают наиболее сильное идеационное влияние на новый этап развития цивилизации, общепринято называемый информационным.

Большинство современных авторов, исследующих изменения, приносимые технологиями в нашу жизнь, отмечают, что рост накопления знания и информации в XX и XXI веках носит экспоненциальный характер. Постепенно процесс анализа данных изменений оформился в концепцию информационного общества, которая на сегодняшний день распространилась по всему миру и активно обсуждается как на уровне правительств, так и на уровне общественности.

Одним из первых авторов, заложивших основы концепции информационного общества, был экономист Ф. Маклап, опубликовавший в 1962 году работу «Производство и распределение знания в США»¹. Как экономиста, его интересовали проблемы, связанные с конкуренцией в свободном демократическом обществе, и, в частности, проблема формальных ограничений конкуренции, таких, как, например, патентная система. Прямая связь между патентной системой и научно-исследовательскими отделами компаний привела Ф. Маклапа к мысли о необходимости комплексного исследования процесса производства знаний (информации) в масштабах всего общества. Таким образом, в итоге исследование Маклапа включало в себя анализ следующих компонентов системы производства и распределения знаний: научно-исследовательскую деятельность; все уровни образования; коммуникацию и ее средства (книги, журналы, радио, телевидение, произведения искусства и т.д.); информационные машины (компьютеры, телекоммуникации, электронная обработка данных); информационные услуги (например, библиотеки и информационные центры, а также ту часть государственных, юридических, финансовых и других служб, эффективность работы которых зависит от информации).

Исследование Ф. Маклапа вызвало к жизни целую серию работ, посвященных теме информационной революции и информационного общества. В 1969 году П. Дракер публикует работу «Эпоха дискретности»², одна из глав которой «Общество знания» основана на данных Маклапа. Свое понимание общества знания или информационного общества П. Дракер связывает с экономическим показателем, утверждая, что к середине 70-х годов XX века сектор экономики, основанный на знаниях, составит половину всего внутреннего национального продукта. В 1973 году вышла работа Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»³, центральной идеей которой было то, что в постиндустриальном обществе основными видами деятельности становятся производство знания, информации и планирование. Доставка текстов (данных, отображаемых

всеми возможными способами) становится, а во многих странах, таких, как США, Япония, страны Европейского сообщества и уже стала полноправным сектором экономики.

Возникающие параллельно постиндустриальное и информационное общества приводят как к возникновению новых социальных групп, так и к изменению в образах (стилях) жизни существующих. Используя встречающуюся аналогию между постиндустриальным и информационным обществом, можно процитировать следующее определение постиндустриального общества Д. Белла, которое отражает радикальный характер перемен: «Постиндустриальное общество – это не «субструктура», вызывающая изменения в «суперструктуре». Это важное измерение общества, чьи изменения ставят управленческие проблемы перед политической системой, которая регулирует это общество, так же, как изменения в культуре и стиле жизни приносят конфронтацию с традицией, или возникновение новых социальных групп и наличие малообеспеченных групп поднимает вопросы власти и распределения привилегий в обществе»⁴.

Исследование именно этих «изменений в культуре и стиле жизни» является, по нашему мнению, особенно актуальным, так как именно они сформируют культуру людей недалекого будущего – культуру людей «информационного общества», на основе которой будут строиться социальные, экономические, политические отношения в обществе. Будет ли это эпоха «постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и прозрений, без обольщений и разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти...»⁵, или эпоха истинно гражданского общества с доминантой демократических ценностей, где всем его членам будут предоставлены равные возможности, как предрекают адепты концепции информационного общества и резолюции международных межправительственных конференций и форумов? То, что мы наблюдаем сегодня, прекрасно сформулировал В.В. Бибихин: «...человечество стало похоже на один сплошной глаз, на одно сплошное ухо, оно прильнуло к своим слышащим и видящим экранам и слышит и видит только то, что удивительные приборы работают все более совершенно и безотказно, все больше готовы подхватить и мгновенно передать слово и образ. Ничто, кажется, так не ценится сегодня, как этот экран. К нему приникли и что ждут на нем услышать? Какие последние новости?.. Самого человека нет на экране. Видны его проекции и проекты»⁶.

Динамика современного глобального потребительского общества как на Западе (США, Западная Европа), так и на Востоке (Япония, Китай, Россия) заставляет склоняться скорее к негативным «антиутопическим» сценариям развития информационного общества. В современном потребительском обществе технический прогресс сам по себе начинает играть

роль ценности, начинает «потребляться», превращается в фактор успеха. Если рассматривать всю культуру как совокупность культуры умения (техники, технологии) и культуры воспитания (нравственности) в русле кантовского подхода, то потребительское общество США является ярким примером высокого развития культуры умения, которое значительно опередило развитие культуры нравственной. Развиваясь в рамках потребительского мировоззрения, технология как ценность и как ключевой фактор развития информационного общества меняет свое значение и из фактора развития превращается в основу, определяющую структуру и векторы развития информационного общества. Одна из декларируемых основополагающих проблем информационного общества – проблема доступа к компьютерным сетям – обретает, кроме чисто технологического статуса, статус социальной проблемы, так как в современном западном потребительском обществе доступ является качественной характеристикой уровня жизни: без доступа нельзя получить высшее образование или работу, соответствующие потребительским предпочтениям представителей среднего класса. Нельзя, однако, утверждать, что потребительское мировоззрение есть что-то негативное по своей сущности. Человек, как и другие живые организмы, вынужден потреблять, чтобы жить. Речь идет, несомненно, о характере потребления: является ли оно рационально и морально оправданным? Потребляет ли человек то, что ему необходимо или потребление превращается в способ развлечения и постоянного отвлечения себя от реальностей мира? Примерно то же самое можно сказать и о технологии: если технология является средством «протезирования» ослабленных или отсутствующих (по сравнению с другими живыми существами) способностей человека, то достаточно сложно считать ее негативным фактором развития человеческой культуры. В конце концов, культура является технологической изначально, исходя из своей алгоритмизирующей и моделирующей сущности. В этом смысле философия постмодернизма внесла в развитие культуры информационного общества и положительные, и отрицательные моменты. С одной стороны, она легитимизировала информационные технологии в качестве одного из способов доставки развлечений и постоянного отвлечения себя от реальностей мира, расширив сферу потребления и в «цифровой мир». С другой стороны, философский постмодернизм не позволил превратить информационное общество в общество тотального потребления, оказывая сопротивление консьюмеризму в различных интеллектуальных формах, свойственных его императивам: толерантное отношение к неопределенности; акцент на многообразии; принятие инноваций и изменений. В постмодернистской философии идеи детерминизма (особенно экономического) а priori отрицаются, а в центре внимания оказываются «маргиналы», лю-

ди, оказавшиеся в меньшинстве, в состоянии неопределенности и перед необходимостью выбора. Одним из таких маргиналов является Дж.П. Барлоу, автор «Декларации независимости киберпространства», сформулировавший ценности зарождающегося социума информационного общества, в которых очень четко прослеживаются постмодернистские философские мотивы:

– свобода и независимое самоуправление («Мы не избирали правительства и вряд ли когда-либо оно у нас будет...»);

– вера в естественность и саморегулирование информационного общества («Киберпространство есть дело естества и растет само посредством наших совокупных действий»);

– вера в равенство и полное отсутствие каких бы то ни было ограничений гражданских прав и свобод («...мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической и военной мощи и места рождения»; «...мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства»);

– нематериалистический взгляд на человеческую личность и полное отрицание физического насилия («Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам не применимы. Они основаны на материи – здесь материи нет. Наши личности не имеют тел, поэтому в отличие от вас мы не можем достичь порядка посредством физического принуждения»);

– холизм («В нашем мире все чувства и высказывания, от низменных до ангелических, являются частями единого целого – глобального разговора о битах. Мы не можем отделить воздух, который удушает, от воздуха, по которому бьют крылья»);

– отказ от потребительского отношения к идеям («...законы провозглашают, что идеи – всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы»)⁷.

Постмодернизм как идеология, как доктринальный источник во многом определил архитектуру глобальной информационной сети (и, как следствие, нарождающегося информационного общества) после того, как она перестала быть узкотехнологическим проектом и превратилась в инструмент переживания новых виртуальных реальностей, стала еще одной культурной формой включенного человеческого общения, но в усложненной многослойной медиасреде. Этой среде в полной мере соответствуют доминанты философского постмодернизма, выделенные

В.А. Канке, который определяет их как «агонистику языковых игр, дисконсенсус (а не консенсус), дискретность (а не непрерывность и прогресс), множественность (а не единство), нестабильность (а не стабильность), локальность (а не пространственная всеобщность), фрагментарность (а не целостность), случайность (а не системность), игру (а не цель), анархию (а не иерархию), рассеивание (а не центрирование), апофатику (а не позитивность), движение на поверхности слоев и вещей (а не в глубь их), след (а не означаемое и обозначаемое), симулякр (а не образ), поверхностность (а не глубину), лабиринт (а не линейность), неопределенность (а не определенность), имманентное (а не трансцендентное), эстетику парадоксально-возвышенного (а не прекрасного и представимого), соблазн (а не производство)»⁸.

Постмодернизм открыл новый этап коллективного мышления, который начался как реакция на универсализм и огосударствление общественных систем⁹. Конкретные проблемы отдельных людей, различного рода «меньшинств» и непосредственно связанная с ними проблема свободы индивидуального выбора не находили решения в системе, основанной на убеждении, что эксперты могут точно спрогнозировать курс развития того или иного процесса, предложить оптимальные решения. На смену концепции однолинейного движения вперед и вверх приходит постмодернистская концепция, утверждающая неогуманистическую идею плюрализма. Подход, при котором единственно правильные решения экономических, политических, социальных, культурных проблем, рекомендуемые экспертами, заменяется подходом, при котором предлагаются несколько вариантов решения (сценариев), к разработке которых привлекаются не только признанные специалисты в конкретной сфере, но и представители общественности. Примером могут служить многочисленные онлайн-проекты, создание виртуальных сообществ или виртуальных баз знаний, таких, как Википедия (Wikipedia). Журнал «Time» (timeeurope.com) сообщает о новом термине 2006 года «wikiality (викиальность)», который создан из двух слов Wikipedia и reality. Термин понимается как истина, основанная не на фактах, а на консенсусе. «Time» сообщает, что термин возник благодаря растущей популярности онлайн-энциклопедии «Wikipedia» (wikipedia.org), статьи для которой пишут и редактируют пользователи Интернета¹⁰.

Постмодернизм как культурное движение начал активно развиваться в Европе и США в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Для США этот период может быть без преувеличения назван «американской культурной революцией». Одним из заметных проявлений этой революции были атаки новых культурных явлений на высокую культуру (или культуру американской элиты). Оппонентами высокой культуры были, с одной сторо-

ны, представители контркультуры, которые выступали за отмену условностей и ограничений, ассоциировавшихся с высокой культурой, с другой – представители массовой культуры (или поп-культуры), выражавшей ценности потребительского общества. Эта борьба привела к определенной конвергенции между вышеназванными культурами и появлению так называемого «нового восприятия», которое сделало различия между высокой и массовой культурами менее заметными¹¹. Эта «культурная стандартизация», а по сути дегуманизация культуры протекала параллельно с развитием другого интеллектуального течения – постгуманизма. Я не берусь в рамках этой статьи определять, какой из двух указанных процессов доминировал в моделировании современной культуры, но то, что эти процессы были взаимообусловлены и взаимосвязаны трудно подвергать сомнению. Постгуманизм второй половины XX века, катализированный движением «глубокой экологии», стал одним из двигателей исследований в области искусственного интеллекта, основанных на цифровых компьютерных технологиях. Идея создания искусственного интеллекта по своей сути глубоко постгуманистическая, так как включает в себе возможность возникновения в человеческой реальности разума, который будет равен разуму человека, а значит сможет и превзойти его, так как будет содержать в себе возможность самосовершенствования. Исследования в этой области идут не только по чисто технологическому вектору, потому что для достижения результата необходимо встроить во все процессы разработки и в само программное обеспечение философские и культурные (а значит субъективные и иррациональные) императивы. Ярким примером взаимозависимости философии и технологии в информационном обществе является совместная работа профессора информатики Терри Винограда и философа Фернандо Флореса в области создания программного обеспечения (в частности, комплекса программных продуктов (groupware), обеспечивающих коммуникационные процессы в сетях, основанных на использовании компьютеров), естественных языков, философии сознания и искусственного интеллекта¹². Идеи постгуманизма как основы дальнейшего развития информационного общества активно развиваются и в работах одного из ведущих современных теоретиков и разработчиков архитектуры информационно-коммуникационной среды Рэймонда Карцвайла, который утверждает, что в течение XXI века исчезнет четкая грань между человеком и машиной, так как компьютеры – нейральные имплантанты – будут установлены непосредственно в человеческий мозг¹³. Достижение и опережение компьютерами уровня человеческого интеллекта, как считает ученый, приведет к слиянию биологического и небιологического интеллекта, возможности компьютерного копирования (клонирова-

ния) мозга и созданию бессмертных «софтверных», то есть основанных на компьютерных программах, людей.

Сможет ли культура информационного общества развить свои социально позитивные постмодернистские основания (толерантное отношение к неопределенности, многообразию, холизм, принятие инноваций и изменений) и преодолеть негативные (дисконсенсус, анархия, продуцирование симулякров, эстетика парадоксально-возвышенного, соблазн)? Победят ли постгуманистические императивы (во многом определяющие современный культурный «цифровой» ландшафт) в процессе скоростного развития информационных и компьютерных технологий? Насколько изменится сущность человека в этом процессе, и способна ли технология изменить эту сущность? Будет ли замещен постсовременный метанарратив в культуре информационного общества каким-то другим метанарративом, например, неогуманистическим? В современном дискурсе ответы на эти вопросы диаметрально противоположны. Существующие на сегодняшний день концепции информационного общества едины в одном: будущее человечества определяется экспоненциальным приростом знания, и сама скорость этого прироста определяет общую судьбу человечества вне зависимости от узости нашего видения, предрассудков и страха изменений¹⁴. Совершенно очевидно, что данное утверждение носит как постмодернистский, так и постгуманистический характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Machlup, F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1962.

² См.: Drucker, P. *The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society*. – N.Y., 1969.

³ См.: Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. – N.Y. : Basic Books, 1999.

⁴ Ibid.

⁵ Зиновьев, А.А. *Глобальный человек*. – М. : Эксмо, 2003. – С. 10.

⁶ Бибихин, В.В. *Новый Ренессанс*. – М. : Наука : Прогресс-Традиция, 1998. – С. 43–44.

⁷ Барлоу, Дж. П. Декларация независимости киберпространства // *Информационное общество*. – М., 2004. – С. 349–355.

⁸ Канке, В.А. *Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия*. – М. : Логос, 2000. – С. 121.

⁹ См. : Шанин, Т. *Социальная работа как культурный феномен // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики*. – М. : Аспект Пресс, 1997. – С. 32.

¹⁰ Time. – 2006. – 25 Dec.; 2007. – 1 Jan. – P. 22.

¹¹ См. : Sontag, S. *Against Interpretation*. – L., 1966.

¹² См. : Winograd, T. *Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design*. Addison-Wesley Professional. – Boston, 1987.

¹³ См. : Kurzweil, R. *Are We Spiritual Machines?* Originally published in print June 18, 2002 in *Are We Spiritual Machines? Ray Kurzweil vs. the Critics of Strong AI* by the Discovery Institute. Published on KurzweilAI.net on June 18, 2002. Web: www.KurzweilAI.net.

¹⁴ Ray Kurzweil [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Ray_Kurzweil.

БИОЛОГИЯ. ФИЗИОЛОГИЯ

Е.С. Иванов, С.А. Суворова, Е.П. Барановская

НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АНТЭКОЛОГИИ

Любая наука использует собственный терминологический аппарат, часто понятный только специалистам. Молодые науки в начале своего становления обычно применяют терминологию смежных отраслей знаний, прошедших длительный путь эволюции и имеющих четкую, корректную и общепринятую номенклатуру терминов и понятий.

Позднее с развитием науки появляется собственная терминология. Однако ее разработка, уточнение и окончательное формирование растянуты во времени, нередко отстают от потребностей науки, а иногда приводят к разночтениям, создавая порой большую путаницу. Все это в известной мере характерно для сравнительно молодой науки антэкологии, где даже само название исследователи трактуют по-разному.

Мы взяли на себя труд на основе анализа литературных данных и собственных представлений уточнить и конкретизировать некоторые основные и наиболее противоречивые понятия и термины антэкологии, а также рассмотреть ее основные задачи для практического использования в науке и практике.

Впервые термин антэкология (греч. anthos – цветок, oicos – жилище, logos – учение) предложил Ч. Робертсон [56]. С научной точки зрения этот термин оказался наиболее удачным и часто употребляемым.

В современной науке антэкология и прикладная антэкология включают в себя экологию цветка и экологию опыления [39; 40]. Экология цветка представляет в сущности его экологическую морфологию и рассматривает различные структурные механизмы, преимущественно морфологического и физиологического характера, обеспечивающие автогенное, гейтогенное и ксеногенное опыление цветков ветром, насекомыми, птица-

ми, летучими мышами, водой и другими агентами. Богатство форм цветков возникло в процессе приспособительной эволюции путем их экологической специализации к разным агентам и условиям опыления.

Экология опыления по А.Н. Пономареву должна включать сложные и разнообразные связи между цветком и средой, вскрывать зависимость опыления не только от агентов, непосредственно осуществляющих его, но и от многих других экологических факторов, действующих косвенно. Последние, находясь в сложном взаимодействии, способствуют или препятствуют опылению. В целом экология опыления должна учитывать воздействие на данный процесс всей совокупности экологических факторов в их переплетении и взаимодействии. Например, цветок имеет свои морфологические и физиологические видовые особенности. Это аксиома. Но цветок – живой элемент тех или иных экосистем. Последние экосистемы эволюционируют в пределах своих геоморфологических, физических, биологических, биохимических, физиологических, генетических и иных возможностей, где совокупность цветков выступает одновременно и как индикатор всех био- и абиотических изменений в природе, и как биологический трансформатор и генератор, обеспечивающие адаптацию к среде и процветание вида во времени и пространстве. Поэтому возникает необходимость исследовать, насколько экология биогеоценозов в современных условиях обитания видов, сортов или пород соответствует их репродуктивным возможностям. Такой подход стимулировал развитие теории адаптации антофитов к чередованию или смене способов опыления на межбиогеоценозном уровне [28]. В этом состоит большая заслуга А.Н. Пономарева и созданной им школы российских антэкологов.

В пределах антэкологии Ю.А. Песенко [33] выделяет понятия: «аутэкология опыления», или «аутантэкология» (греч. autos – сам), и «синэкология опыления», или «синантэкология» (греч. syn – вместе). Под аутэкологией опыления понимается направление исследований, где объектом изучения является опылительная система одного вида растений (строение, функционирование цветка, механизм привлечения опылителей и переноса пыльцы), с одной стороны, и морфологические и этологические особенности его опылителя – с другой. Синэкология опыления – направление изучения взаимоотношения всех или основных видов локальной энтомофильной флоры и фауны опылителей. Однако на самом деле между этими направлениями исследований на практике нельзя провести резкую границу. Как отмечает сам Ю.А. Песенко, результаты синэкологических исследований создают предпосылку для глубокого аутэкологического анализа и, наоборот, только основательное знание видов биоценоза позволяет лучше понять взаимосвязи в той или иной экосистеме. Действительно, нет большого смысла изучать опылительные системы энто-

мофильных растений вне их связи со всеми видами насекомых-опылителей, когда обилие последних близко к естественному.

В этом контексте, на наш взгляд, логично употреблять более общий термин – «антэкология» (по А.Н. Пономареву) или «прикладная экология опыления» (по К. Фегри и Л. Пэйлу) [49]. Последние выделяют два важных и различных аспекта прикладной экологии опыления. Один – обеспечение урожая сельскохозяйственных культур, другой – контроль за работой пчел для обеспечения максимальной медопродуктивности. С теоретической и практической точек зрения это, вероятно, наиболее правильный подход, представляющий полифильную концепцию в опылении. Однако К. Фегри и Л. Пэйл рассматривают репродуктивную сферу покрытосеменных растений лишь эпизодически, в форме абстрактных «единиц опыления», классифицированных по аттрактантам, способам опыления и по комбинации функциональной структуры цветка с индивидуальными процессами опыления и обусловленных затратой энергии опылителей. В этом, на наш взгляд, состоит недостаток их концепции. В то же время их систематическая работа в области функционирования репродуктивной сферы есть несомненный прогресс в изучении разных направлений экологии опыления. Подход К. Фегри и Л. Пэйла [48], ставший классическим, до сих пор не использован в условиях Центрального района России.

Согласно другим исследователям, растения в зависимости от динамики морфологических особенностей пыляще-воспринимающего комплекса и экологических условий проявляют черты моно-, амфи- и полифильности [5; 11; 15; 16]. Известны работы, где авторы функционирование репродуктивной сферы покрытосеменных растений анализируют с позиции совокупного динамического взаимодействия мужских и женских гаметофитов и среды на конкретном уровне: в цветке, соцветии, цветоносном побеге, особи, популяции, сорта, породы. Разработка данной концепции представляет значительный теоретический и практический интерес. Ее реализация позволяет внести ясность в понимание механизмов адаптации различных экосистем к тем или иным способам опыления на фоне динамично изменяющихся условий внешней среды. Это помогает выйти на решение важнейшей аграрной проблемы – получения экологически безопасных и стабильно высоких урожаев семян, плодов, овощей и меда в энтомофильных сообществах, создаваемых и регулируемых человеком.

В обобщающей формулировке, следуя А.Н. Пономареву, К. Фегри, Л. Пэйлу и нашим представлениям, антэкология – это наука, изучающая влияние абиотических и биотических факторов среды на цветение и опыление растений и их сообществ. Она включает следующие направления: экологию цветка в связи с адаптацией к опылению в конкретной экологической обстановке; экологию цветения и влияние природных факторов на

репродуктивную функцию цветка; экологию опыления и зависимость процесса опыления от прямых и косвенных экологических факторов, обеспечивающих репродуктивную функцию фитоценозов.

В прикладном значении антэкология изучает процессы опыления культурных и других растений в целях интродукции, селекции, гибридизации, повышения урожайности семян и плодов и нормирующую работу пчел для получения максимальных медосборов. С нашей точки зрения, целесообразно рассматривать прикладную антэкологию как раздел сельскохозяйственной экологии. Фундаментальные вопросы антэкологии рассматривает аналогичный раздел ботаники [51].

В настоящее время исследователи-антэкологи практически пользуются терминологическим аппаратом зоологии, энтомологии, ботаники, цитологии, пчеловодства, генетики и селекции, растениеводства, плодоводства и др. [1; 2; 7; 9; 10; 21; 26; 27; 29; 34; 36; 39; 40; 45; 46; 48]. Некоторыми из них предложены новые понятия для применения в области антэкологии: «экологическая морфология цветка» [38], «коэффициент опыления» для оценки опылительной деятельности пчел на клевере красном [1], «коэффициент доступности нектара» на подсолнечнике [9], «метод оценки тесноты биоценотической связи» между насекомыми-опылителями и цветковыми растениями [34], «аффилиационный и антиаффилиационный» условные рефлекс [26].

Нами впервые предприняты успешные попытки адаптирования статистического аппарата, используемого в зоологии, к антэкологии. Например, для оценки интенсивности посещения насекомыми-опылителями определенных видов растений сравнивался классический индекс Макинтоша [2] и индекс элективности. Использование жесткого индекса Макинтоша (индекс «однообразия») из всего разнообразия насекомых-опылителей позволило выбрать наиболее часто посещающих данный вид растения насекомых. Индекс элективности более точно определяет избирательность поведения насекомых-опылителей по отношению к тем же самым видам растений. Ширина ниши видов растений по трофическим связям с насекомыми-опылителями [52] дала возможность сравнивать абстрактные цифровые показатели доступности видов растений одной или разной систематических групп для насекомых-опылителей.

Степень перекрытия трофических ниш насекомых-опылителей, рассчитанная по Пианки [55], позволила оценить степень использования трофических ресурсов видами насекомых-опылителей и сделать выводы о степени напряженности эксплуатационных конкурентных отношений между разными экологическими группами насекомых-опылителей.

Терминологический разноречивый и отсутствие корректных понятий и терминов, недостаточность адаптационного применения статистических

методов создают ощутимое препятствие в развитии антэкологии. В полной мере это относится к разработке и уточнению понятий по половому размножению сельскохозяйственных растений и видов, обитающих в природных экосистемах. Например, некоторые исследователи термины, окончивающиеся на «филия», относят к типам опыления: анемофилия, энтомофилия, эпгидрофилия, гипгидрофилия, кантарофилия, симфитофилия, сфингофилия, веспофилия, формикофилия, мелиттофилия, миофилия, микромиофилия, психофилия, паленофилия, сапротрофилия, орнитофилия и хироптерофилия [50; 53], но не дают толкования понятию «тип опыления».

По другой классификации слова, окончивающиеся на «филия», относят не к типам, а к «векторам, или способам, опыления»: анемофилия, энтомофилия, гидрофилия, барофилия, контактофилия, анемоэнтомофилия, анемогидрофилия, бароанемофилия, бароанемогидрофилия, контактоанемофилия, контактоэнтомофилия, контактобароанемоэнтомофилия, автофилия, анималофилия, малакофилия, зоофилия, териофилия, орнитофилия, зоидиофилия [5; 8; 24; 35; 49]. В основу приведенной классификации положен структурно-функциональный подход по признакам агентов опыления – биотических и абиотических – и частично по происхождению пыльцы. Данная классификация научно обоснована и может быть использована в различных науках: в экологии, энтомологии, зоологии, ботанике, пчеловодстве, селекции, растениеводстве, плодоводстве, семеноводстве и др. Однако неясно, чем «тип опыления» отличается от «вектора, способа опыления» и когда именно следует применять данные понятия. Особенно сложно их использовать в исследованиях с применением искусственных способов нанесения пыльцы.

Предложена и другая классификация способов опыления: автогамия спонтанная, автогамия вынужденная, гейтоногамия, ксеногамия, идиогамия, гидрогамия, анемогамия, орнитогамия, зоидиогамия, зоогамия, энтомогамия, териогамия [49; 54]. Однако обоснованного толкования замены в отмеченных терминах «филия» на «гамия» авторами не приводится. В принципе предложенная терминология ориентирована на цитозэмбриологию, методами которой может пользоваться ботаника, антэкология и пчеловодство. В таком случае использование понятия «способы опыления» некорректно, а термины, оканчивающиеся на «гамия», в большей степени ассоциируются с формами полового процесса. Неслучайно ряд исследователей терминами, оканчивающимися на «гамия», называют типы полового процесса или оплодотворения: анемогамия, энтомогамия, авто(ауто)гамия, гейтоногамия, ксеногамия, аллогамия, миксогамия, сингамия, изогамия, оогамия, гетерогамия, кариогамия, гаметогамия, гологамия, плазмोगамия, соматогамия [5; 6; 12; 14; 15; 17; 29;]. При логичности

такого подхода прослеживается явная недостаточная теоретическая проработка основных понятий и терминов, применяемых исследователями в экологии растений и животных, антэкологии и пчеловодстве. Отсутствуют формулировки терминов «способ», «тип» и их сочетание со словами «опыление» и «оплодотворение». В некоторых программах и методиках, например сортоизучение плодовых, ягодных и орехоплодных культур [41], не нашла применения латино-греческая терминология. Вместо четких терминов предлагается пять комбинаций опыления: искусственное самоопыление, искусственное опыление пылью одного сорта, искусственное опыление смесью пыльцы нескольких сортов, свободное или естественное опыление. Использование громоздких описательных определений помогает молодым исследователям избежать двойственного толкования терминов, позволяет предупредить ошибки. С другой стороны, отсутствие четких, унифицированных терминов осложняет анализ данных, полученных по амфимиксису и апомиксису в экологии, генетике, цитологии, эмбриологии, ботанике, зоологии, селекции, пчеловодстве и других отраслях науки, затрудняя прогресс биологии в целом.

В природных условиях выделяют автогенное (на уровне цветка), гейтоногенное (в пределах растения), ксеногенное (между соседними растениями) и автогейтоногенное, автоксеногенное, гейтоноксеногенное опыление [5]. Первые три термина подходят и для обозначения искусственных способов опыления. Так, искусственное самоопыление цветка целесообразно назвать автогенным, искусственное опыление пылью одного растения – гейтоногенным, искусственное опыление пылью одного сорта – ксеногенным. Для случайного опыления в пределах цветка, искусственного опыления пылью другого сорта, искусственного – смесью пыльцы нескольких сортов и естественного опыления потребуется разработка новых терминов. Использование сдвоенных терминов не позволяет разграничить варианты опыления. Термины, оканчивающиеся на «филия», для этих целей также не подойдут, поскольку они систематизированы по происхождению естественных, а не искусственных способов опыления. Применять в этой ситуации слова, оканчивающиеся на «гамия» было бы неверно, так как они ориентированы на обозначение процессов оплодотворения, а не опыления.

Анализ литературы показывает, что термины, широко применяемые в биологии, и в частности антэкологии, имеют различные морфемы и окончания иностранного происхождения. Из начальных морфем часто встречаются: авто (от autos – сам), гейтон (от geiton – сосед), ксено (от xenos – чужой), алло (от allos – другой), миксо (от mixo – смешение), анемо (от anemos – ветер), гидро (от hydor – вода, влага), энтомо (от entomon – насекомое), орнито (от ornis (ornitos) – птица), зоо (от zoon – животное).

Из конечных морфем отмечаются: -гамия (от gamos – брак), -филия (от philia – любовь, дружба), -генный и -гения (от genos – род, происхождение, рождение) [14; 47]. Термины, оканчивающиеся на –гамия, имеют следующий дословный перевод: автогамия – самобрак (самооплодотворение), гейтоногамия – соседний брак (соседнее оплодотворение), ксеногамия – чужой брак (чужое оплодотворение), аллогамия – другой брак (другое оплодотворение), миксогамия – смешанный брак (смешанное оплодотворение), анемогамия – ветробрак (ветрооплодотворение), гидрогамия – водобрак (водооплодотворение), энтомогамия – оплодотворение насекомыми, зоогамия – животный брак (оплодотворение животными) и пр. В действительности это не способы опыления, а типы оплодотворения в узком смысле слова.

В антэкологии, как и в других науках, при использовании иностранных слов в русском языке иногда допускаются неточности, искажающие первоначально заложенный в них смысл. Часто не учитывается происхождение агентов опыления (абио- и биотических) и пыльцы (цветка, особи, клона, сорта и т.п.). Положение осложняется и тем обстоятельством, что отсутствуют обоснованные понятия слов «способ» и «тип» в сочетании с терминами «опыление» и «оплодотворение».

В специальной литературе слово «способ» толкуется как прием, действие, метод, применяемые при выполнении какой-нибудь работы [22; 32]. опыление означает перенос пыльцы цветка с тычинок на рыльце пестика или на семяпочку, где происходит оплодотворение [31].

Известно, что в естественных условиях перенос пыльцы совершают агенты живой и неживой природы, что подразумевает совершение определенной работы и затраты энергии. Следовательно, в широком смысле слова способ опыления есть метод, или прием, переноса пыльцы с цветка на цветок биотическими и абиотическими агентами опыления. В узком смысле слова способ опыления будет означать перенос пыльцы с тычинок цветка на рыльце пестика насекомыми, животными, ветром, водой, гравитацией, механическим сотрясанием и т.д. Такое определение можно применять при исследовании естественных способов опыления. При изучении процессов опыления, связанных с искусственным переносом пыльцы, логично следующее определение: способ опыления есть метод искусственного переноса пыльцы известного происхождения на рыльце пестика в пределах цветка, растения, гибрида, сорта, породы, вида и т. д.

Слово «тип» означает высшее подразделение в систематике животных или растений, или форму, вид чего-нибудь, обладающие определенными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений [31; 32]. В прямом значении слово «тип», на наш взгляд, не включает в себя совершение какой-либо механической или фи-

зической работы в сравнении со словом «способ». В широком смысле слова понятие «тип оплодотворения» в отличие от понятия «способ опыления» определяет не прием, не действие, а процесс образования нового организма объединением мужских и женских гамет разного родства с определенными генетическими признаками. В узком смысле слова «тип оплодотворения» в зависимости от происхождения разнополюх гамет на уровне цветка, особи, сорта, породы есть форма образования зиготы слиянием гамет, продуцированных одним цветком, особью, сортом, породой.

Профессор Московского государственного университета А.П. Меликян, редактор книги «Основы экологии опыления» считает, что поскольку гаметы не включаются в процесс переноса пыльцы, то следует избегать слов, оканчивающихся на «гамия», и пользоваться ими только при описании процесса оплодотворения, например, термины зоогамия, энтомогамия относятся к оплодотворению подвижными гаметами [49].

Логичным является предложение В.Н. Голубева, Ю.С. Волокитина [5] и других авторов обозначать анемогамию, энтомогамию и т.п. как типы оплодотворения, а не опыления.

В связи с изложенным мы рекомендуем к применению следующие, представленные ниже термины и понятия.

Автогения спонтанная – краткая форма от автогенного естественного спонтанного самоопыления растений. В узком смысле означает способ переноса пыльцы на рыльце пестиков в пределах одного цветка с помощью ветра, гравитации, механического сотрясения или контактного соприкосновения женских и мужских генеративных органов.

Автогения и гейтоногения – краткие формы от автогенного и гейтоногенного искусственного опыления. В узком смысле слова это способы искусственного переноса пыльцы в пределах цветка и особи. Известно, что мужские и женские гаметы, продуцируемые одним и тем же растением, имеют очень близкую или одинаковую наследственность. По этой причине такое опыление считается самоопылением на уровне одного растения. Изучение данных способов имеет практический интерес. В случае их неэффективности появляется возможность управлять плодоношением растений посредством энтомофилии (меллиферофилии, мелиттофилии и т.д.).

Ксеногения – краткая форма от ксеногенного опыления. В узком смысле слова это способ искусственного переноса пыльцы в пределах чистой линии или клона растений. Отнесение ксеногении к внутрисортному самоопылению на первый взгляд кажется бесспорным, так как в плодоводстве, лесоводстве, например, сорт часто представлен вегетативным потомством одного исходного растения (клоном). Однако наблюдается и перекрестный перенос пыльцы с цветков одного растения на цветки другого, находящегося в иных условиях произрастания. Внутрик-

лоновое переопыление у яблони, например, дает иногда лучшие результаты по сравнению с самоопылением в пределах особи [4; 11; 12]. В этом состоит реальный механизм замены искусственной ксеногении гарантированным внутрисортовым опылением медоносными пчелами или другими эффективными насекомыми-опылителями.

Аллогения – краткая форма от аллогенного опыления. В узком смысле слова это способ искусственного перекрестного опыления пыльцой в пределах двух и более сортов одной и той же породы растений. В селекции и семеноводстве с этой целью подбирают лучшие сорта-взаимоопылители для качественного опыления и стабильного плодоношения растений.

Миксогения – краткая форма от миксогенного опыления. В узком смысле слова это способ естественного перекрестного межсортового опыления в пределах одной породы или вида растений. При миксогении на рыльца цветков попадает смесь пыльцы неизвестного происхождения. Этот способ служит контролем и косвенно выступает индикатором эффективности работы насекомых-опылителей в агроэкосистемах или природных сообществах.

В принципе терминами автогения, гейтоногения, ксеногения и аллогения можно обозначать способы опыления растений естественными био- и абиотическими агентами.

Исследователи процессов опыления часто определяют их через проценты или коэффициент обилия мелиттофилии (опыление медоносными одиночными пчелами и шмелями), меллиферофилии (опыление медоносными пчелами), иногда психофилии (опыление бабочками), веспофилии (опыление осами), формикофилии (опыление муравьями) и др. На наш взгляд, это самый простой способ анализа данных обилия групп насекомых-опылителей. На основании этого первичного материала важными являются:

- оценка не только экологического разнообразия, но и элективности основных экологических групп насекомых-опылителей по фактору опыления различных видов растений;
- определение ширины ниши видов растений по трофическим связям с насекомыми-опылителями;
- оценка степени изъятия ресурсов нектара и пыльцы экрисотрофами и биотрофами в естественных и искусственных сообществах;
- выявление степени напряженности конкурентных трофических взаимоотношений между различными группами насекомых-опылителей и реализация степени использования нектарных и пыльцевых ресурсов *Apis mellifera* в современных экологических условиях.

Насекомые-опылители – один из факторов дифференциации ниш растений. Согласно В.Г. Радченко и Ю.А. Песенко [42], пока неясен вопрос о наличии конкуренции между растениями за опылителей и пчелами (и другими опылителями) за источники корма, прежде всего пыльцу и нектар. Специальных исследований конкуренции проведено недостаточно. Для анализа конкуренции почти классическим подходом стало изучение ресурсов, которые могут быть ограниченными.

В зависимости от агентов опыления эффективность энтомофилии определяется степенью антофилии (питание нектаром и пыльцой) и уровнем социальности насекомых.

Одной из задач антэкологии является разработка компьютерной программы, которая бы с учетом максимально возможных параметров позволила:

- установить минимальное количество нектара (в кг/га) при сплошном произрастании вида растения (сообщества), за которым энергетически невыгодно вылетать *Apis mellifera* на заданном расстоянии до пасеки;

- степень изъятия (в кг/га, или в процентах) нектара и пыльцы разными экологическими группами насекомых-опылителей.

Нерешенный вопрос обоснованности выделения экологических групп насекомых-опылителей аргументируется нами целью, с которой насекомые-опылители посещают цветки. Поиск пропитания только для себя осуществляют мухи (сем. *Stratiomyidae*, *Tabanidae*, *Empididae*, *Syrphidae*, *Muscidae*, *Tachinidae*, *Trypetidae*), осы (сем. *Psammocharidae*, *Vespidae*, *Sphecidae*), наездники (сем. *Ichneumonidae*), пилильщики (сем. *Tenthredinidae*), муравьи (сем. *Formicidae*), жуки (сем. *Carabidae*, *Cantharididae*, *Cleridae*, *Elateridae*, *Coccinellidae*, *Pyrochroidae*, *Meloidae*, *Curculionidae*, *Scarabaeidae*), бабочки (сем. *Nymphalidae*, *Pieridae*, *Lycaenidae*, *Hesperiidae*, *Satyridae*). Медоносные пчелы (сем. *Apidae*) изымают из сообщества растений в несколько раз больше нектара и пыльцы (не только для питания отдельных особей, но и для личинок, а также делают запасы корма впрок). По хозяйственному значению в качестве отдельной группы наиболее ценными являются именно медоносные пчелы (*Apis mellifera*), которые ведут эусоциальный образ жизни. Как наиболее крупные представители общественных пчелиных выделены шмели (род *Bombus*). Группу одиночных пчел, отличающуюся наибольшим разнообразием размеров и, следовательно, потребляемыми ими ресурсами нектара, мы подразделяем на три: крупные с массой $136,4 \pm 29,85$ мг; средние – $56,9 \pm 8,74$ мг; малые – $20,8 \pm 4,95$ мг. При учете все группы насекомых-опылителей различаются визуально. Такая генерализация позволяет довольно точно подсчитать потребление ресурсов данного вида растения в целом и любой из экологических групп потребителей в отдельности.

Актуальна также задача проведения лабораторных экспериментов, устанавливающих количество (в процентах от средней массы тела) и объем (в мг) пищи, съеденной в среднем одной особью разных экологических групп насекомых-опылителей.

Все обозначенные выше логические построения нерешенных задач антэкологии в первую очередь объясняются недостатком региональных сведений о медоносных ресурсах как отдельных видов растений, так и естественных экосистем.

Полученные в прошлом веке данные по нектаро-, сахаро-, медопродуктивности в различных регионах бывшего СССР в настоящее время некорректно используются для определения медоносных ресурсов современной России [18; 30; 43]. По Рязанской области переиздаются книги [19], большей частью содержащие только ботанические характеристики видов растений с некорректными сведениями средневековых характеристик о «хороших» или «плохих» медоносах. Из более чем 350 экотрофов, часто встречающихся в Рязанской области, необходимо изучить медопродуктивность не менее 150 видов медоносных растений, не говоря уже об информационных показателях ресурсов нектара и пыльцы в естественных и искусственных экосистемах.

Вследствие обозначенных направлений исследований антэкологии первостепенными для решения являются вопросы: 1) биоценотических связей и роли различных групп насекомых-опылителей в функционировании и динамике экосистем; 2) практического использования медоносных растений в нектаро-пыльцевом конвейере для *Apis mellifera*.

Для количественной оценки энтомофилии применяют примитивный показатель – кратность посещения каждого цветка пчелами в единицу времени [44]. В нашем понимании данный биотический показатель (через перенос разнородной пыльцы насекомыми и микрогаметный отбор) в значительной мере характеризует качество панмиксии в экосистемах. По существу его следует назвать коэффициентом, характеризующим качество репродуктивного процесса через число посещений каждого цветка определенным видом или группой насекомых-опылителей.

Мы предлагаем от индекса опыления отличать качественный показатель оценки методов опыления – коэффициент амфимиксиса, который применяется в плодоводстве. Об эффективности способов опыления у диплоидных сортов яблони, в частности, в отличие от триплоидных – с низким качеством пыльцы [23], судят по среднему количеству семян в одном плоде. Коэффициент амфимиксиса является частным числом от деления среднего количества развитых семян в одном плоде при различных способах опыления в опыте на среднее количество развитых семян в одном плоде при свободном (миксогенном) опылении в контроле. С его

помощью можно сравнить данные по само- и перекрестному опылению, полученные в разные годы исследований. Применение этого критерия возможно при формировании развитых семян в плодах яблони вследствие оплодотворения. По В.В. Крыловой [20] у яблони при самоопылении происходит образование семян и нормальный амфимиксис. Плоды, содержащие выполненные семена, свидетельствуют о нормальном оплодотворении – слиянии ядра спермия с ядром яйцеклетки, образующим зиготу. В таких случаях можно говорить о генеративном влиянии того или иного способа опыления на формирование плодов и выделении некоторых типов оплодотворения.

Автогамия спонтанная есть тип естественного самооплодотворения растений путем слияния мужских и женских гамет на уровне цветка.

Автогамия и гейтоногамия – это типы искусственного самооплодотворения растений от слияния мужских и женских гамет на уровне цветка и особи. Указанные типы самооплодотворения включают в себя процесс создания организмов объединением разнополых гамет, принадлежащих одному и тому же растению.

Ксеногамия – тип искусственного оплодотворения вследствие опыления чистой линии или клона растений. В широком смысле слова автогамию спонтанную, автогамию вынужденную, гейтоногамию и ксеногамию мы обозначаем единым термином – автомиксис, то есть тип полового процесса от самоопыления на уровне чистой линии или клона (сорта).

Аллогамия – тип искусственного перекрестного оплодотворения растений от слияния мужских и женских гамет на уровне нескольких сортов одной породы.

Миксогамия – тип естественного перекрестного оплодотворения растений вследствие панмиксии на уровне одной породы или вида. В широком смысле слова аллогамия и миксогамия означают тип полового процесса внутри одной породы или вида – алломиксис.

Автомиксис и алломиксис в совокупности определяют обычный тип полового процесса – амфимиксис, при котором зигота формируется слиянием противоположных половых клеток с последующей кариогамией.

В целом предлагаемые термины и понятия ориентированы на ученых и специалистов агроэкологов, работающих на стыке исследования процессов взаимодействия цветковых растительных и животных экосистем. Рекомендуется их единое использование в экологии, ботанике, энтомологии, зоологии, растениеводстве, плодоводстве, селекции и семеноводстве, пчеловодстве и других науках. Данный терминологический подход особенно важен при анализе результатов, полученных фундаментальной наукой – репродуктивной биологией и антэкологией.

В настоящее время раздел биологии, изучающий все аспекты размножения, называют репродуктивной (лат. *ge* – приставка, означающая повторность действия, и *production* – воспроизведение) биологией [25]. Репродуктивная биология растений охватывает анализ способов размножения, определяемых генетическими и морфобиологическими особенностями, характер образующегося при этом зачатка новых особей, называемого диаспорой, его отчуждение от материнского организма, связь размножения с экологическими условиями, от которых зависит распространение диаспор, их сохранность, жизнеспособность, особенности произрастания и образование популяций, а также продуктивность растений.

Репродуктивную биологию растений как фундаментальное направление в науке следует отделять от экологии опыления, или антэкологии. Антэкология является отдельным направлением на стыке репродуктивной биологии растений и животных. Она рассматривает в первую очередь биоэкологические прикладные аспекты повышения семенной продуктивности, урожайности, нектаропродуктивности сельскохозяйственных, эфиромасличных, лекарственных, лесных и других растений, а также изучает опылительно-медовую продуктивность медоносных пчел, вопросы экологии и охраны диких насекомых-опылителей. В своих исследованиях антэкология опирается на фундаментальные разработки репродуктивной биологии покрытосеменных растений, биологии насекомых-опылителей, общей экологии, биоэволюции и частных сельскохозяйственных наук.

Таким образом, антэкология изучает влияние абиотических и биотических факторов среды на цветение, опыление, селекцию и урожайность естественно произрастающих и культурных растений, трофические ресурсы пчеловодства, их охрану и воспроизводство, опылительно-медовую продуктивность медоносных пчел и пр.

Ее задачи многогранны. Это и:

- механизмы самоопыления и перекрестного опыления и качества панмиксии в экосистемах разного типа;
- формирование новых адаптивных норм по признаку (функции) опыления в условиях изменяющейся среды;
- посещаемость пчелами, опыление и урожайность энтомофильных растений в различных агроэкосистемах;
- нектарные, пыльцевые ресурсы растений и трофические конвейеры для пчел в естественных и искусственных сообществах;
- распределение, блуждание, доминирование, обилие и видовой состав насекомых-опылителей;
- механизмы конкуренции насекомых-опылителей в период фуражирования на цветках;

- влияние макро-, микроэлементов и физиологически активных веществ на процесс нектаровыделения;
- типы медосборов и пути их повышения; влияние температуры, влажности, солнечной радиации на формирование урожая и медосбора;
- оптимальные уровни и условия опыления (сроки подвоза, размещение, нормы опылителей на единицу цветков);
- опылительная и медовая продуктивность пород пчел;
- этология и «дрессировка» пчел на трудноопыляемые и слабопосещаемые культуры;
- опылительные технологии на основе одиночных и социальных видов пчел;
- совершенствование опылительных и медосборных технологий в новых экологических условиях;
- палиноэкологический мониторинг воздуха и аллергии человека, а также другие задачи, изложенные выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальжекас, И.А. Пути повышения продуктивности пчеловодства при использовании пчел для опыления клевера лугового (*Trifolium pratense* L.) в Прибалтике : автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. – М., 1963. – 33 с.
2. Благовещенская, Н.Н. Взаимосвязь пчел и растений – ведущий биотический фактор в их эволюции // Вопросы антропоэкологии. – Л., 1969. – С. 16–17.
3. Боголюбов, С.А. Экология : учебное пособие. – М. : Знание, 1997. – 228 с.
4. Быстров, Б.А. Биологическая сущность пола // Тр. плодовоощного ин-та им. Мичурина. – 1950. – Т. 6. – С. 93–139.
5. Голубев, В.Н. Способы опыления аронника удлиненного (*Arum elongatum* Stev.) в условиях южного берега Крыма / В.Н. Голубев, Ю.С. Волокитин // Успехи современной биологии. – 1985. – Т. 99, вып. 2. – С. 292–302.
6. Грин, Н. Биология / Н. Грин, У. Стаут, Д. Гейлор. – М. : Мир, 1990. – 376 с.
7. Гужов, Ю.Л. Генетика и селекция сельского хозяйства. – М. : Просвещение, 1984. – 240 с.
8. Даддингтон, К. Эволюционная ботаника. – М. : Мир, 1972. – 307 с.
9. Димча, Г.Г. Использование медоносных пчел для опыления подсолнечника на участках гибридизации и нектаропродуктивность гетерозисных гибридов : автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. – Киев, 1989. – 23 с.
10. Добрынин, Н.Д. Пчелиные (Hymenoptera, Apoidea) опылители люцерны в Центрально-Черноземной зоне и увеличение их численности путем искусственного разведения пчел-листорезов (*Megachile rotundata* F.) : автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Воронеж, 1987. – 22 с.
11. Иванов, Е.С. Агроэкологическое обоснование панмиксии и использования урожайных ресурсов энтомофильных фитоценозов: автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. – М., 1999. – 47 с.

12. Иванов, Е.С. Самоопыление и перекрестное опыление яблони // Пчеловодство. – 1984. – № 12. – С. 14–16.
13. Иванов, Е.С. Эволюция способов опыления в энтомофильных агрофитоценозах // Творческое наследие П.А. Костычева и его развитие в современном земледелии. – Рязань, 1996. – С. 58–60.
14. Кирпичников, М.Э. Русско-латинский словарь для ботаников / М.Э. Кирпичников, Н.Н. Забинкова. – Л. : Наука, 1977. – 855 с.
15. Козин, Р.Б. Адаптация энтомофильных растений к самоопылению в агрофитоценозах / Р.Б. Козин, Е.С. Иванов // Доклады Россельхозакадемии. – 1997. – № 3. – С. 11–12.
16. Козин, Р.Б. Классификация терминологии типов и способов опыления цветковых растений / Р.Б. Козин, Е.С. Иванов // Вестник РАСХН. – 1995. – № 1. – С. 43–46.
17. Краткий словарь биологических терминов / сост. М.В. Буланая, Ю.И. Буланы, А.Г. Еленевский, Л.А. Черепанова ; СГПИ. – Саратов, 1993. – 152 с.
18. Кривцов, Н.И. Справочник медоносных растений центральных регионов России и Южного Урала / Н.И. Кривцов, А.П. Савин, А.М. Ишемгулов ; ГНУ НИИП. – Рыбное (Рязанская обл.), 2005. – 176 с.
19. Кривцов, Н.И. Нектароносные растения Рязанской области и их пыльца / Н.И. Кривцов [и др.]. – Шацк (Рязанская обл.) : Шацк-принт, 2007. – 288 с.
20. Крылова, В.В. Эмбриология яблони. – Кишинев : Штиинца, 1981. – 148 с.
21. Куренной, Н.М. Биологические особенности перекрестного опыления яблони в молодых и плодоносящих садах // Науч. тр. / Ставропол. с./х. ин-т. – Ставрополь, 1971. – Т. 7, вып. 34. – С. 7–273.
22. Лапатухин, М.С. Школьный толковый словарь русского языка / М.С. Лапатухин, Е.В. Скорлуповская, Г.П. Снетова. – М. : Просвещение, 1981. – 463 с.
23. Лаптев, Ю.П. Гетероплоидия в селекции растений. – М. : Колос, 1984. – 248 с.
24. Левина, Р.Е. Репродуктивная биология семенных растений. – М. : Наука. – 1981. – 96 с.
25. Лотова, Л.И. Морфология и анатомия высших растений. – М. : Эдиториал УССР, 2000. – 528 с.
26. Мазохин-Поршняков, Г.А. Правила взаимодействия медоносных пчел при фуражировке / Г.А. Мазохин-Поршняков, Г.Ю. Любарский, С.А. Семенова // Зоологический журнал. – 1984. – Т. 63, вып. 1. – С. 74–79.
27. Маркова, В. Е. Совершенствование технологии возделывания люцерны на семена в условиях Нечерноземной зоны РСФСР : автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. – М., 1991. – 20 с.
28. Механизмы перехода энтомофильных культурных растений к самоопылению / Е.С. Иванов ; Академия пчеловодства. – Рыбное, 1995. – 15 с. – Деп. В ВИНТИ 25.10.1995, 2848-В95.
29. Мир растений / редкол. А.Л. Тахтаджян [и др.]. – М. : Просвещение, 1991. – Т. 2. – 475 с.
30. Морева, Л.Я. Трофические связи медоносных растений и пчел в условиях северо-запада Кавказа / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 288 с.
31. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.
32. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Швецова. – М. : Азъ, 1995. – 928 с.
33. Песенко, Ю.А. О биоценологическом направлении в исследованиях по экологии опыления зоофильных растений // Журнал общей биологии. – 1974. – Т. 35, № 4. – С. 507–517.

34. Песенко, Ю.А. Применение показателей сходства для анализа тесноты биоцено-тической связи между компонентами экосистемы (на примере исследования корреляций между составом населения пчелиных-опылителей и энтомофильными растениями) // Экология. – 1976. – № 2. – С. 7–12.
35. Поддубная-Арнольди, В.А. Общая эмбриология покрытосеменных растений. – М. : Наука, 1964. – 482 с.
36. Пономарев, А.Н. Изучение цветения и опыления // Полевая геоботаника. – М. ; Л., 1960. – Т. 2. – С. 9–19.
37. Пономарев, А.Н. Предмет и некоторые аспекты антэкологии // Вопросы антэкологии. – Л., 1969. – С. 43–45.
38. Пономарев, А.Н. О постановке и направлениях антэкологических исследований // Биология : учен. зап. / Перм. гос. ун-т. – 1970. – № 206. – С. 3–10.
39. Пономарев, А.Н. Экология энтомофильного опыления посевной люцерны (*Medicago sativa* J.) // Экология опыления : межвуз. сб. ст. – Пермь, 1975. – Вып. 1. – С. 5–36.
40. Попов, В.В. Пчелиные, их связи с цветковой растительностью и вопрос об опылении люцерны // Энтомологическое обозрение. – 1956. – Т. 35, вып. 3. – С. 582–598.
41. Программа и методика сортоизучения плодовых, ягодных и орехоплодных культур / под общ. ред. Г.А. Лобанова. – Мичуринск, 1973. – 492 с.
42. Радченко, В.Г. Биология пчел (Hymenoptera, Apoidea) / В.Г. Радченко, Ю.А. Песенко. – СПб. : Наука, 1994. – 351 с.
43. Риб, Р.Д. Пчеловоду Казахстана. – Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2004. – 408 с.
44. Розов, С.А. Пчелоопыление в агротехнике плодовых // Сб. науч. работ. – М., 1936. – С. 3–40.
45. Руднянская, Е.И. Перганосные растения Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Тарту, 1979. – 26 с.
46. Руцкий, И.А. Краткий очерк развития антэкологии. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 132 с.
47. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина, И.А. Акчурина, Р.С. Карпинского. – М. : Русский язык, 1986. – 608 с.
48. Фегри, К. Основы экологии опыления / К. Фегри, Л. Пейл. – М. : Мир, 1982. – 375 с.
49. Федоров, А.А. Атлас описательной морфологии высших растений. Цветок / А.А. Федоров, З.Т. Артюшенко. – Л. : Наука, 1975. – 352 с.
50. Френкель, Р. Механизмы опыления, размножение и селекция растений / Р. Френкель, Э. Галун. – М. : Колос, 1982. – 384 с.
51. Яковлев, Г.П. Ботаника для учителя / Г.П. Яковлев, Л.В. Аверьянов. – М. : Просвещение, 1996. – 128 с.
52. Delpino, F. Ulteriori osservazione sulla dicogamia nel regno vegetale // *Alt. soc. Ital. sci. nat. Milano*. – 1868–1875. – Т. 1–2. – P. 11–12.
53. Kugler, H. Blütenökologie. – Stuttgart : Gustav Fischer Verlag, 1970. – 345 s.
54. Levins, R. Evolution in changing environments. Monographs in Population Biology. – Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA, 1968. – 120 p.
55. Pianka, E. The structure of lizard communities // *Ann. Rev. Ecol. Syst.* – 1973. – Vol. 4. – P. 315–326.
56. Robertson, Ch. The structure of the flowers and the mode of pollination the primitive Angiosperms // *Bot. Gaz.* – 1904. – № 37. – P. 14.

В.М. Ериков, А.К. Пунякин

**ВЛИЯНИЕ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ
ПРОДУКТОВ ПЧЕЛОВОДСТВА НА НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
МИНЕРАЛЬНОГО ОБМЕНА У СПОРТСМЕНОВ**

Предельные физические и психоэмоциональные спортивные нагрузки, безусловно, требуют от организма человека такого уровня приспособительных реакций, достижение которых без вмешательства извне становится крайне сложным, а иногда практически невозможным. Вот почему еще в 1969 году А.В. Коробов, один из ведущих специалистов в области спортивной медицины, признал право спортсменов на лекарственную поддержку и профилактику [17].

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что для объективной оценки лекарственного обеспечения напряженной мышечной деятельности прежде всего необходимо четкое соблюдение ряда принципов, которые могут быть сформулированы [12] следующим образом:

1. Любые воздействия, направленные на ускорение процессов постнагрузочного восстановления и повышение физической работоспособности, неэффективны при наличии у спортсменов предпатологических состояний и заболеваний, а также при отсутствии адекватного дозирования тренировочных нагрузок.

2. Ускорение процессов постнагрузочного восстановления должно достигаться в первую очередь созданием оптимальных условий (в том числе и путем коррекции обмена веществ) для их естественного протекания.

3. При назначении спортсменам лекарственных препаратов и пищевых добавок необходимо иметь четкие представления о химическом составе рационов их питания, механизмов действия каждого из этих препаратов (включая влияние на эффективность тренировочного процесса), побочных эффектах и возможных результатах взаимодействия препаратов между собой.

4. При использовании лекарственных препаратов и пищевых добавок для повышения физической работоспособности спортсменов необходимо учитывать следующее:

- а) их срочный, отставленный и кумулятивный эффект,
- б) дифференцированное влияние на такие параметры физической работоспособности, как экономичность, мобилизуемость и реализуемость [16; 4],
- в) степень эффективности в зависимости от уровня квалификации, исходного функционального состояния организма, периода тренировочного цикла, энергетического характера текущих тренировочных и предстоящих соревновательных нагрузок [11], технологию использования (речь

идет прежде всего о дозах и времени приема препаратов по отношению к выполняемым физическим нагрузкам).

Использование продуктов жизнедеятельности медоносных пчел для повышения спортивной результативности и интенсивности восстановительных процессов после соревнований имеет многовековую историю [14]. Последние годы характеризуются резким возрастанием интереса спортсменов, тренеров, спортивных медиков и биологов к применению продуктов пчеловодства (апипрепаратов). Это связано, с одной стороны, с ограничением использования в спорте все более широкого круга лекарственных препаратов (допингов), высокой частотой осложнений при применении протеиновых комплексов, пищевых добавок и лекарственных средств синтетического происхождения из-за постоянного снижения их качества (в том числе из-за присутствия незаявленных анаболиков), их дороговизны, а также с совершенствованием технологических возможностей [3; 15] получения биологически активных препаратов пчеловодства, открытием новых терапевтических свойств меда, маточного молочка, цветочной пыльцы, позволяющих успешно замещать ими лекарства и синтетические пищевые добавки при состояниях повышенного функционально-метаболического напряжения [7–9].

Несмотря на многообразие апипрепаратов, особенности их состава и дозировок компонентов на практике учитываются и используются недостаточно. В большинстве случаев они применяются эмпирически, по общим показаниям, что, несомненно, снижает их эффективность, а в ряде случаев вообще не приносит пользы. Одной из объективных причин является отсутствие биохимических комплексных сравнительных исследований по изучению различий направленности выраженности эффектов биологически активных продуктов пчеловодства и апикомпозиций.

Цель нашей работы – изучение особенностей изменения некоторых показателей минерального обмена у спортсменов при назначении продуктов пчеловодства.

Создание экспериментальных групп спортсменов в возрасте от 18 до 24 лет осуществлялось с учетом спортивной специализации: «скоростные виды спорта», «связанные с длительным охлаждением тела», «спортивные игры», «развивающие координацию движений», «развивающие выносливость».

Серию контроля составили 48 спортсменов соответствующих спортивных специализаций, не принимавших апипрепараты.

Включение спортсменов в экспериментальную серию основывалось на ряде критериев:

1. Наличие соответствующей спортивной специализации.
2. Наличие спортивной квалификации кандидата в мастера спорта.

3.Согласие на участие, регулярный прием апипрепаратов, самоконтроль и проведение лабораторных исследований.

4.Отсутствие аллергических реакций на продукты пчеловодства в анамнезе.

5.Отсутствие фазы обострения хронических заболеваний.

6.Предсоревновательный период спортивной подготовки.

Критериями исключения из экспериментальной серии явились:

1.Непереносимость продуктов пчеловодства.

2.Возникновение пред- и патологических состояний (перетренированность, выявление нарушений функции внутренних органов и др.)

3.Отказ от участия в эксперименте.

Апипрепараты назначались курсом, рассчитанным на две недели. Мед полифлерный по 1 столовой ложке 3 раза в день (примерно 1 г/кг массы тела) до еды, запивая теплой кипяченой водой; пчелиное маточное молочко (таблетки «Апилактин» по 0,01 г) по 1 таблетке 3 раза в день сублингвально; цветочная пыльца-обножка по 1 десертной ложке (примерно 10 г) 3 раза в день натощак или за 10–15 минут до еды, запивая водой; апикомпозиция меда (98 %) с маточным молочком (2 %) («Апитонус») в дозе 500 мг/кг массы тела 1 раз в день натощак.

Содержание калия, натрия, кальция, магния определяли фотометрически в венозной крови, взятой утром натощак.

Полученные результаты обработаны методом вариационной статистики.

Калий в виде катиона играет большую роль в водно-солевом обмене. Содержится, главным образом, внутри клеток. Общее количество калия в крови (физиологическая норма) – 38,4–64,0 ммоль/л, в плазме – 3,4–5,3 ммоль/л [6]. В физиологических условиях отмечаются колебания уровня калия в крови и моче максимум в утренние часы. Концентрация калия в плазме и его запасы в организме регулируются почками. Калий-натриевый обмен стимулируется альдостероном и ингибируется натрийуретическим гормоном. Гиперкалиемия может наблюдаться при избыточном поступлении калия в организм (в сочетании с нарушениями функций почек), при массивном гемолизе, недостаточности коры надпочечников, бронхиальной астме. Гипокалиемия возникает при недостаточном поступлении калия с пищей, нарушении всасывания, гиперфункции коры надпочечников, диарее, рвоте.

В нашем исследовании достоверное отличие содержания калия в сериях контроля отмечалось только у спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта – 5,18 ммоль/л, что на 11 процентов выше уровня контроля в серии силовых видов спорта (табл. 1). В других сериях контроля средние значения уровня калия колебались незначительно от 4,5 ммоль/л в серии видов спорта, развивающих координацию движений, до 4,8 ммоль/л в серии скоростных видов спорта.

Таблица 1

Динамика содержания калия при назначении апипрепаратов

Серия	Условия проведения	Среднее значение, ммоль/л	Среднее отклонение, ммоль/л	Фиксируемое изменение	
				%	достоверность, $p < 0,01$
1.	Контроль – «силовые виды спорта»	4,66	0,16	0,0	
2.	Контроль – «скоростные виды»	4,80	0,25	2,9	
3.	Контроль – «выносливость»	4,60	0,28	-1,3	
4.	Контроль – «охлаждение»	4,54	0,20	-2,7	
5.	Контроль – «координация движений»	4,50	0,18	-3,5	
6.	Контроль – «спортивные игры»	5,18	0,26	11,0	+
7.	Силовые виды + мед	4,84	0,16	3,8	
8.	Скоростные виды + мед	4,90	0,25	2,1	
9.	«Выносливость» + мед	4,68	0,23	1,6	
10.	«Охлаждение» + мед	4,53	6,23	-0,3	
11.	«Координация» + мед	4,51	0,21	0,3	
12.	Спортивные игры + мед	5,20	0,33	0,5	
13.	Силовые виды + маточное молочко	4,31	0,09	-7,5	+
14.	Скоростные виды + маточное молочко	4,51	0,14	-6,0	+
15.	«Выносливость» + маточное молочко	4,29	0,16	-6,8	+
16.	«Охлаждение» + маточное молочко	4,30	0,13	-5,2	+
17.	«Координация» + маточное молочко	4,46	0,14	-0,8	
18.	Спортивные игры + маточное молочко	5,09	0,24	-1,7	
19.	Силовые виды + пыльца	5,08	0,31	8,8	+
20.	Скоростные виды + пыльца	4,96	0,34	3,4	
21.	«Выносливость» + пыльца	4,98	0,36	8,2	+
22.	«Охлаждение» + пыльца	4,76	0,16	5,0	+
23.	«Координация» + пыльца	4,56	0,26	1,4	
24.	Спортивные игры + пыльца	5,36	0,31	3,6	
25.	Силовые виды + «Апитонус»	4,38	0,15	-6,2	+
26.	Скоростные виды + «Апитонус»	4,56	0,11	-4,9	+
27.	«Выносливость» + «Апитонус»	4,34	0,12	-5,7	+
28.	«Охлаждение» + «Апитонус»	4,30	0,13	-5,2	+
29.	«Координация» + «Апитонус»	4,39	0,14	-2,5	
30.	Спортивные игры + «Апитонус»	4,74	0,40	-8,5	+

Примечание. Сравнение фиксированных изменений в группах контроля проводилось с серией «силовые виды спорта», а в сериях спортсменов, принимавших апи-препараты, – с соответствующей серией контроля.

Двухнедельный прием меда не влиял на уровень калия в сыворотке крови спортсменов во всех сериях эксперимента.

Интересным, на наш взгляд, представляется обнаруженное разнонаправленное влияние на уровень калия маточного молочка и цветочной пыльцы-обножки. Так, при назначении маточного молочка в дозе 30 мг в сутки через две недели у спортсменов, занимающихся силовыми, скоростными видами спорта, видами спорта, вырабатывающими выносливость и связанными с охлаждением тела, уровень калия достоверно уменьшался в сыворотке крови на 7,5, 6,0 и 5,2 процента соответственно, а при назначении цветочной пыльцы-обножки по 1 десертной ложке 3 раза в день курсом такой же продолжительности в сериях у спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, видами спорта, вырабатывающими выносливость и связанными с охлаждением тела, уровень калия достоверно возрастал по сравнению с соответствующими сериями контроля на 8,8, 8,2 и 5,0 процентов. Среднее значение уровня калия у спортсменов, занимающихся скоростными видами спорта, также возрастало, но этот рост не носил достоверного характера (табл. 1).

При назначении комплексного апипрепарата «Апитонус», содержащего маточное молочко в количестве 2 процентов общей массы, происходило достоверное уменьшение средних значений уровня калия во всех экспериментальных сериях, кроме серии видов спорта, развивающих координацию движений. При этом отрицательная динамика уровня калия составила в сериях силовых, скоростных видов спорта, вырабатывающих выносливость, связанных с охлаждением тела, спортивных играх относительно соответствующих значений в сериях контроля 6,2, 4,9, 5,7, 5,2 и 8,5 процента.

Таким образом, установлено разнонаправленное влияние маточного молочка и пыльцы на уровень калия в крови. Полученные результаты позволяют предположить возможность включения в пищевой рацион комплексных препаратов, содержащих цветочную пыльцу (препарат «Радуга»), для коррекции гипокалиемии у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой, борьбой, бегом на длинные дистанции, лыжным спортом и плаванием.

Дальнейшей задачей стало изучение динамики кальция при назначении апипрепаратов. Кальций – основной компонент костной ткани. Участвует в водно-солевом обмене, процессах свертывания крови, регуляции внутриклеточных процессов, мышечном сокращении, деятельности эндокринных желез. В плазме крови около 40 процентов кальция связано с белками, свыше 50 процентов находится в ионизированном (физиологически активном) состоянии. В норме в сыворотке содержится 2,2–2,75 ммоль/л кальция [5], из него ионизированного 1,0–1,15 ммоль/л. В нашем исследовании в сериях контроля все средние значения находились в пределах границ физиологической нормы с колебаниями от

2,14 ммоль/л в серии «виды спорта, связанные с охлаждением тела» до 2,34 ммоль/л в серии «виды спорта, вырабатывающие координацию движений» (табл. 2).

Таблица 2

Динамика содержания кальция при назначении апипрепаратов

Серия	Условия проведения	Среднее значение, ммоль/л	Среднее отклонение, ммоль/л	Фиксируемое изменение	
				%	достоверность $p < 0,01$
1	2	3	4	5	6
1.	Контроль – «силовые виды спорта»	2,23	0,11	0,0	
2.	Контроль – «скоростные виды»	2,28	0,16	2,2	
3.	Контроль – «выносливость»	2,30	0,18	3,4	
4.	Контроль – «охлаждение»	2,14	0,18	-3,9	
5.	Контроль – «координация движений»	2,34	0,15	5,1	
6.	Контроль – «спортивные игры»	2,25	0,14	1,1	
7.	Силовые виды + мед	2,28	0,20	2,2	
8.	Скоростные виды + мед	2,23	0,15	-2,2	
9.	«Выносливость» + мед	2,31	0,14	0,5	
10.	«Охлаждение» + мед	2,16	0,15	1,2	
11.	«Координация» + мед	2,16	0,13	-7,5	+
12.	Спортивные игры + мед	2,24	0,13	-0,6	
13.	Силовые виды + маточное молочко	2,09	0,09	-6,2	+
14.	Скоростные виды + маточное молочко	2,21	0,05	-2,7	
15.	«Выносливость» + маточное молочко	2,31	0,19	0,5	
16.	«Охлаждение» + маточное молочко	1,98	0,06	-7,6	+
17.	«Координация» + маточное молочко	2,15	0,11	-8,0	+
18.	Спортивные игры + маточное молочко	2,20	0,10	-2,2	
19.	Силовые виды + пыльца	2,20	0,18	-1,1	
20.	Скоростные виды + пыльца	2,40	0,15	5,5	
21.	«Выносливость» + пыльца	2,24	0,10	-2,7	
22.	«Охлаждение» + пыльца	2,06	0,08	-3,5	
23.	«Координация» + пыльца	2,25	0,20	-3,7	
24.	Спортивные игры + пыльца	2,36	0,15	5,0	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
25.	Силовые виды + «Апитонус»	2,09	0,07	-6,2	+
26.	Скоростные виды + «Апитонус»	2,29	0,14	0,5	
27.	«Выносливость» + «Апитонус»	2,25	0,21	-2,2	
28.	«Охлаждение» + «Апитонус»	1,98	0,06	-7,6	+
29.	«Координация» + «Апитонус»	2,14	0,07	-8,6	+
30.	Спортивные игры + «Апитонус»	2,19	0,21	-2,8	

Примечание. Сравнение фиксированных изменений в группах контроля проводилось с серией «силовые виды спорта», а в сериях спортсменов, принимавших апипрепараты, – с соответствующей серией контроля.

Назначение меда в серии видов спорта, вырабатывающих координацию движений, приводило к достоверному снижению уровня кальция на 7,5 процента относительно уровня контрольных значений. В других сериях назначение меда не вызывало достоверных изменений содержания кальция.

Совершенно не обнаружилось какого-либо влияния на количество кальция цветочной пыльцы-обножки, прием которой не сопровождался достоверными изменениями исследуемого показателя ни в одной экспериментальной серии.

В то же время назначение маточного молочка приводило к достоверному снижению уровня кальция в трех из шести экспериментальных серий. При этом отрицательная динамика средних значений составила в сериях спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, а так же видами спорта, связанными с охлаждением тела и развивающими координацию движения, 6,2, 7,6 и 8,0 процента соответственно относительно серий контроля (табл. 2).

Аналогичный профиль изменения средних значений уровня кальция был получен и при использовании комплексного препарата «Апитонус», включающий маточное молочко. При его двухнедельном назначении отрицательная динамика средних значений составила в сериях спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, видами спорта, связанными с охлаждением тела и развивающими координацию движения, 6,2, 7,6 и 8,6 процента соответственно относительно серий контроля.

Таким образом, обнаружена способность маточного молочка и апи-композиции «Апитонус» с его включением достоверно изменять уровень кальция у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой, борьбой и восточными единоборствами, автоспортом, плаванием и лыжным спортом.

Магний – биологически активный микроэлемент, являющийся активатором ряда ферментативных процессов. Магний имеет большое значение для нормального функционирования нервной и мышечной ткани. В сыворотке крови он находится в свободном и частично связанном состоянии. Нормальный уровень его в сыворотке крови составляет 0,7–1,2 ммоль/л [6]. Избыток магния в сыворотке приводит к замедлению проведения импульсов в проводящей системе сердца, к блокаде нервно-мышечной передачи. Дефицит магния вызывает судороги, делирий.

В нашем исследовании во всех сериях контроля средние значения уровня магния находились в пределах границ физиологической нормы.

Назначение таких моноаппипрепаратов, как маточное молочко и цветочная пыльца-обножка, не приводили к достоверным изменениям уровня магния в сыворотке крови (табл. 3).

Таблица 3

Динамика содержания магния при назначении апипрепаратов

Серия	Условия проведения	Среднее значение, ммоль/л	Среднее отклонение, ммоль/л	Фиксируемое изменение	
				%	достоверность, $p < 0,01$
1	2	3	4	5	6
1.	Контроль – «силовые виды спорта»	0,88	0,04	0,0	
2.	Контроль – «скоростные виды»	0,85	0,06	-2,9	
3.	Контроль – «выносливость»	0,89	0,07	1,4	
4.	Контроль – «охлаждение»	0,86	0,06	-1,4	
5.	Контроль – «координация движений»	0,86	0,05	-3,4	
6.	Контроль – «спортивные игры»	0,89	0,04	1,4	
7.	Силовые виды + мед	0,89	0,04	1,4	
8.	Скоростные виды + мед	0,86	0,06	1,5	
9.	«Выносливость» + мед	0,90	0,03	1,4	
10.	«Охлаждение» + мед	0,94	0,06	8,7	+
11.	«Координация» + мед	0,88	0,09	1,4	
12.	Спортивные игры + мед	0,94	0,08	5,6	
13.	Силовые виды + маточное молочко	0,93	0,06	5,7	
14.	Скоростные виды + маточное молочко	0,90	0,10	5,9	
15.	«Выносливость» + маточное молочко	0,91	0,04	2,8	
16.	«Охлаждение» + маточное молочко	0,90	0,00	4,3	
17.	«Координация» + маточное молочко	0,90	0,08	4,3	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
18.	Спортивные игры + маточное молочко	0,88	0,04	-1,4	
19.	Силовые виды + пыльца	0,85	0,06	-2,9	
20.	Скоростные виды + пыльца	0,89	0,07	4,4	
21.	«Выносливость» + пыльца	0,90	0,08	1,4	
22.	«Охлаждение» + пыльца	0,88	0,08	1,4	
23.	«Координация» + пыльца	0,91	0,07	5,8	
24.	Спортивные игры + пыльца	0,84	0,06	-5,6	
25.	Силовые виды + «Апитонус»	0,88	0,09	0,0	
26.	Скоростные виды + «Апитонус»	0,93	0,06	8,8	+
27.	«Выносливость» + «Апитонус»	0,90	0,05	1,4	
28.	«Охлаждение» + «Апитонус»	0,93	0,06	7,2	
29.	«Координация» + «Апитонус»	0,84	0,05	-2,9	
30.	Спортивные игры + «Апитонус»	0,90	0,05	0,05	

Примечание. Сравнение фиксированных изменений в группах контроля проводилось с серией «силовые виды спорта», а в сериях спортсменов, принимавших апипрепараты, – с соответствующей серией контроля.

Назначение меда сопровождалось достоверным увеличением среднего значения уровня магния в сыворотке крови у спортсменов, занимающихся плаванием и лыжным спортом (серия «виды спорта, связанные с охлаждением тела»), на 8,7 процента выше уровня в соответствующей серии контроля.

Двухнедельный прием комбинированного апипрепарата «Апитонус», содержащего 98 процентов меда, вызывал увеличение среднего значения уровня магния на 8,8 процента у спортсменов-спринтеров (серия «скоростные виды спорта»).

Таким образом, мед и апикомпозиция «Апитонус» с его включением способны повышать уровень магния у спортсменов, занимающихся бегом на спринтерские дистанции, и, что особенно ценно, у спортсменов пловцов и лыжников, у которых вследствие охлаждения наиболее часто встречается судорожный синдром. В этом случае монотерапия медом может корректировать электролитный баланс.

Натрий – активный компонент водно-солевого обмена в организме, основной катион внеклеточной жидкости. В норме в плазме крови содержится 130–156 ммоль/л [6]. Гипернатриемия наблюдается при значительных потерях жидкости, ограниченном потреблении воды, гиперфункции коры надпочечников, гипертермии. Гипонатриемия может проявляться как синдром солевой недостаточности. Может возникнуть при потерях

натрия с мочой, через кожу, желудочно-кишечный тракт, при избыточном потреблении воды.

В нашем исследовании не наблюдалось достоверных различий средних значений уровня натрия в сериях контроля различных видов спорта. Средние значения колебались от 143,25 ммоль/л в серии «спортивные игры» до 146,13 ммоль/л в серии «скоростные виды спорта» (табл. 4).

Таблица 4

Динамика содержания натрия при назначении апипрепаратов

Серия	Условия проведения	Среднее значение, ммоль/л	Среднее отклонение, ммоль/л	Фиксируемое изменение	
				%	достоверность, $p < 0,01$
1	2	3	4	5	6
1.	Контроль – «силовые виды спорта»	144,50	4,75	0,0	
2.	Контроль – «скоростные виды»	146,13	4,84	1,1	
3.	Контроль – «выносливость»	145,50	5,13	0,7	
4.	Контроль – «охлаждение»	144,00	5,75	-0,3	
5.	Контроль – «координация движений»	145,88	4,59	1,0	
6.	Контроль – «спортивные игры»	143,25	4,81	-0,9	
7.	Силовые виды + мед	142,63	3,78	-1,3	
8.	Скоростные виды + мед	144,50	5,38	-1,1	
9.	«Выносливость» + мед	143,88	2,91	-1,1	
10.	«Охлаждение» + мед	144,88	2,84	0,6	
11.	«Координация» + мед	144,25	2,56	-1,1	
12.	Спортивные игры + мед	145,00	4,75	1,2	
13.	Силовые виды + маточное молочко	154,25	2,06	6,7	+
14.	Скоростные виды + маточное молочко	147,38	5,28	0,9	
15.	«Выносливость» + маточное молочко	151,75	4,81	4,3	+
16.	«Охлаждение» + маточное молочко	152,63	2,47	6,0	+
17.	«Координация» + маточное молочко	147,00	5,75	0,8	
18.	Спортивные игры + маточное молочко	147,75	5,25	3,1	
19.	Силовые виды + пыльца	145,00	3,00	0,3	
20.	Скоростные виды + пыльца	147,89	2,24	1,2	
21.	«Выносливость» + пыльца	143,38	6,78	-1,5	
22.	«Охлаждение» + пыльца	144,63	6,13	0,4	
23.	«Координация» + пыльца	143,88	5,34	-1,4	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
24.	Спортивные игры + пыльца	143,25	5,06	0,0	
25.	Силовые виды + «Апитонус»	151,50	2,25	4,8	+
26.	Скоростные виды + «Апитонус»	143,25	3,81	-2,0	
27.	«Выносливость» + «Апитонус»	151,50	3,38	4,1	+
28.	«Охлаждение» + «Апитонус»	152,25	2,00	5,7	+
29.	«Координация» + «Апитонус»	146,00	5,75	0,1	
30.	Спортивные игры + «Апитонус»	142,75	5,25	-0,3	

Примечание. Сравнение фиксированных изменений в группах контроля проводилось с серией «силовые виды спорта», а в сериях спортсменов, принимавших апипрепараты, – с соответствующей серией контроля.

Назначение меда и цветочной пыльцы-обножки не сопровождалось достоверными изменениями средних значений уровня натрия. В то же время назначение маточного молочка как монопрепарата, так и в виде включения в апикомпозицию «Апитонус» сопровождалось достоверным увеличением средних значений уровня натрия в сериях у спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, видами спорта, развивающими преимущественно выносливость и связанными с охлаждением тела. При этом отмечалась положительная динамика значений уровней натрия на 6,7, 4,3 и 6,0 процента соответственно указанным сериям при назначении маточного молочка (табл. 4) и на 4,8, 4,1 и 5,7 процента при назначении «Апитонуса».

Наиболее выраженное влияние на обмен натрия получено при назначении маточного молочка и «Апитонуса». Это влияние проявляется в способности увеличивать уровень натрия в крови у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой, плаванием, лыжным спортом и у легкоатлетов-стайеров.

Таким образом, выявленные закономерности проявились при изучении влияния продуктов пчеловодства прежде всего на уровень калия, натрия и кальция в крови, уровень которых в нашем исследовании разнонаправленно изменялся при назначении маточного молочка и «Апитонуса» (снижение уровня калия и кальция, повышение уровня натрия) и цветочной пыльцы-обножки (повышение уровня калия и отсутствие влияния на уровень кальция).

Данные изменения электролитного баланса можно объяснить установленным существенным влиянием маточного молочка на функциональное состояние надпочечников [12]. Стимуляция коры надпочечников приводит к усилению выработки стероидных гормонов, особенно минералокортикоидов, эффекты которых на минеральный обмен совпадают с результатами применения в нашем исследовании маточного молочка.

Способность цветочной пыльцы-обножки повышать уровень калия, как нам представляется, связана с тем, что рекомендуемая и используемая в нашем исследовании суточная доза пыльцы 25–30 г содержит [10] терапевтически значимые концентрации калия (эти дозы сопоставимы с такими современных комплексных поливитаминных препаратов с минеральными веществами).

Полученные результаты позволяют предположить возможность включения в пищевой рацион комплексных препаратов, содержащих цветочную пыльцу, для коррекции гипокалиемии у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой, борьбой, бегом на длинные дистанции, лыжным спортом и плаванием.

Мед и апикомпозиция «Апитонус» с его включением способны повышать вследствие высокого содержания в своем составе электролитов уровень магния у спортсменов [10] и могут быть рекомендованы для применения в первую очередь пловцам и лыжникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюля, В.П. Апитерапия на службе здоровья // Апитерапия сегодня : материалы 7-й научно-практической конференции по апитерапии. – Рыбное, 2000. – Сб. 7. – С. 125–128.
2. Волков, Н.И. Биология спорта на пороге V века // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК. – М., 1998. – Т. 1. – С. 55–60.
3. Кривцов, Н.И. Состояние и перспективы развития индустрии биологически активных продуктов пчеловодства для апитерапии // Апитерапия сегодня : материалы 7-й научно-практической конференции по апитерапии. – С. 3–6.
4. Кутузова, Т.Г. Объективизация оценки функционального состояния и эффективности фармакологических средств у гребцов на байдарках и каноэ : автореф. ... дис. канд. биол. наук. – М., 1996. – 23 с.
5. Литвинов, А.В. Норма в медицинской практике. – М. : Медпресс, 1999. – 139 с.
6. Лифшиц, В.М. Биохимические анализы в клинике: справочник / В.М. Лифшиц, В.И. Сидельникова ; МИА. – М., 1998. – 303 с.
7. Лудянский, Э.А. Апитерапия. – Вологда, 1994. – 459 с.
8. Макарова, В.Г. Апитерапия в РГМУ: итоги экспериментально-клинических исследований последних лет // Апитерапия сегодня : материалы 5-й научно-практической конференции. – Рыбное, 1997. – С. 14–21.
9. Макарова, В.Г. Основные направления научно-практической работы по апитерапии кафедры фармакологии Рязанского госмедуниверситета им. акад. И.П. Павлова // Апитерапия сегодня : материалы 6-й научно-практической конференции. – Рыбное, 1998. – С. 10–15.
10. Макарова, В.Г. Продукты пчеловодства: биологические и фармакологические свойства, клиническое применение / В.Г. Макарова [и др.]. – Рязань, 2000. – 127 с.
11. Макарова, Г.А. Методологические принципы оценки функционального состояния организма спортсменов / Г.А. Макарова [и др.]. – Краснодар, 1991. – 20 с.

12. Макарова, Г.А. К проблеме фармакологического обеспечения мышечной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http //www.infosport.ru](http://www.infosport.ru) 2000.
13. Матвеев, Л.П. Основы спортивной тренировки. – М. : ФиС, 1977.
14. Младенов, С. Мед и медолечение. – М., 1991. – 111 с.
15. Поздняков, В.Н. Апитерапия и галеновые препараты нового поколения / В.Н. Поздняков, В.Т. Капкаков // Апитерапия сегодня : материалы 7-й научно-практической конференции по апитерапии. – С. 67–69.
16. Рудаков, А.Г. Особенности изучения и применения лекарственных средств в спортивной медицине : автореф. ... дис. д-ра мед. наук. – М., 1990. – 38 с.
17. Чоговадзе, А.В. Спортивная медицина /А.В. Чоговадзе, Л.А. Бутченко. – М. : Медицина, 1984. – 383 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барановская Елена Петровна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии и природопользования РГУ имени С.А. Есенина.

Ериков Владимир Михайлович – кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой медико-биологических и психологических основ физического воспитания РГУ имени С.А. Есенина.

Иванов Евгений Сергеевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и природопользования РГУ имени С.А. Есенина.

Кирьяков Борис Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор, декан физико-математического факультета РГУ имени С.А. Есенина.

Козляков Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории РГУ имени С.А. Есенина.

Мелихов Валерий Юрьевич – кандидат экономических наук, декан факультета социального управления и экономики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета.

Моторин Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы РГУ имени С.А. Есенина.

Пунякин Алексей Константинович – кандидат биологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания, гимнастики и легкой атлетики РГУ имени С.А. Есенина.

Репин Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры древней и средневековой истории Отечества РГУ имени С.А. Есенина.

Соловьёв Александр Васильевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии РГУ имени С.А. Есенина.

Суворова Светлана Андреевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и агробиологии РГУ имени С.А. Есенина.

Федосеева Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы РГУ имени С.А. Есенина.

Шейна Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, ректор РГУ имени С.А. Есенина.

Для заметок

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

Научный журнал

2008 • 1/18

Главный редактор *Лиферов Анатолий Петрович*

Редактор *Т.Н. Свитнева*

Технический редактор *В.В. Дмитриева*

Подписано в печать 17.01.08. Поз. № 031. Бумага офсетная. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 24,83. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 500 экз. Заказ №

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22